

СОДЕРЖАНИЕ

Том 41, № 5, 2020

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов

Д. В. Ушаков, А. В. Юревич, Т. А. Нестик, М. А. Юревич 5

Психологический анализ политических ориентаций. Часть I. Определение, методы измерения и проблемы изучения

О. А. Гулевич 18

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Распознавание сложных звуков по их вербальным портретам

В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко 25

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Экономико-психологические детерминанты зависти

Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова 38

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Развитие символических функций в дошкольном возрасте: роль модели психического и интеллекта

Е. И. Лебедева, Е. А. Сергиенко 49

Эмоциональная регуляция: факторы ее развития и связанные с ней виды поведения

Г. А. Виленская 63

Привязанность у детей с опытом институционализации. Часть I. Особенности привязанности у детей, проживающих в организациях для детей-сирот

Р. Ж. Мухамедрахимов, К. Г. Туманьян, Д. И. Чернего, Л. А. Асламазова 77

ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Влияние изменения климата на человека: психологический анализ

Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев 86

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников

В. И. Белопольский, А. Л. Журавлев, А. А. Костригин 97

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

В. Н. Дружинин как методолог психологической науки (к 65-летию со дня рождения)

В. А. Мазилев 108

ДИСКУССИЯ

Глобальные риски: социально-психологические аспекты

А. В. Алейников, Э. Ширяев

118

Последствия внедрения новых технологий: взгляд с позиций исторической и глобальной психологий

Ю. В. Ковалева

124

CONTENTS

Vol. 41, No. 5, 2020

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Socio-psychological aspects of the COVID-19 pandemic: results of an expert survey of Russian psychologists
D. V. Ushakov, A. V. Yurevitch, T. A. Nestik, M. A. Yurevitch 5
- Psychological analysis of political orientations. Part I. Definition, methods and problems of study
O. A. Gulevich 18
-

COGNITIVE PSYCHOLOGY

- Recognition of complex sounds by their verbal portraits
V. N. Nosulenko, E. S. Samoylenko 25
-

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

- Economic and psychological determinants of envy
R. M. Shamionov, T. V. Beskova 38
-

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

- Development of symbolic functions in preschool age: the role of theory of mind and intelligence
E. I. Lebedeva, E. A. Sergienko 49
- Emotional regulation: factors of development and forms of manifestation in behavior
G. A. Vilenskaya 63
- Attachment in children with the experience of institutionalization. Part I. Attachment in children living in institutions
R. J. Muhamedrahimov, K. G. Tumanian, D. I. Chernego, L. A. Aslamazova 77
-

PERSPECTIVES OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE

- Climate change impact on mental health: psychological analysis
T. A. Nestik, A. L. Zhuravlev 86
-

HISTORY OF PSYCHOLOGY

- The history of organization and beginning of activity of the Institute of psychology of the Soviet academy of sciences in documents and memories of contemporaries
V. I. Belopolsky, A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin 97
-

MEMORABLE DATES

- V. N. Druzhinin as a methodologist of psychological science (to 65th anniversary)
V. A. Mazilov 108

DISCUSSION

Global risks: social-psychological aspects

A. V. Aleinikov, E. Shiraev

118

Consequences of the introduction of new technologies: a look from a position of historical and global psychology

Y. V. Kovaleva

124

УДК 316.654

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАНДЕМИИ COVID-19: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ¹⁾

© 2020 г. Д. В. Ушаков^{1,*}, А. В. Юревич^{1,**}, Т. А. Нестик^{1,***}, М. А. Юревич^{2,****}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

²ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»;
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 51/1, Россия.

*Академик РАН, доктор психологических наук, директор Института психологии РАН.

**Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора
Института психологии РАН, заведующий лабораторией психологии личности.

E-mail: av.yurevich@mail.ru

***Доктор психологических наук, профессор РАН,
зав. лабораторией социальной и экономической психологии.

E-mail: nestik@gmail.com

****Научный сотрудник Центра макроэкономических исследований.

Поступила 10.06.2020

Аннотация. Представлены результаты экспертного опроса психологов-исследователей ($N = 152$) и психологов-практиков ($N = 181$), посвященного социально-психологическим аспектам пандемии COVID-19. Рассмотрены психологические последствия пандемии коронавируса для личности, межличностных отношений и общества в целом. Участники опроса прогнозируют, с одной стороны, рост сознательности личности в различных областях жизнедеятельности, повышение значимости семьи и дружеских отношений. С другой стороны, они ожидают снижения доверия к людям и социальным институтам, роста воспринимаемого неравенства и межгрупповой напряженности, а также массовую психологическую травматизацию. Эксперты обращают внимание на необходимость перехода от нагнетания страха по поводу коронавируса к спасению экономики, диалогу власти с гражданами, к опоре на доверие, социальную ответственность и заботу о близких, к расширению мер экономической и психологической помощи населению. Намечены перспективные направления исследований социально-психологических последствий пандемии.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, риски, COVID-19, социально-психологические последствия, будущее, макропсихология.

DOI: 10.31857/S020595920011074-7

По меткому замечанию В.В. Путина, сейчас (статья написана в июне 2020 г. — *Примеч. ред.*) все население России превратилось в профессиональных вирусологов. К этому можно добавить, что и в профессиональных специалистов по психологическому контексту распространения коронавируса. Мало кто не судит об этом контексте, в чем нет ничего плохого, ведь это говорит о приверженности россиян традиции глубоко осмысливать происходящее без каких-либо профессиональных ограничений.

В сложившихся условиях представляет интерес экспликация представлений профессиональных психологов о социально-психологическом контексте ситуации, когда эффектная языковая конструкция COVID-19 стала одним из символов нового испытания для человечества, а роман Г. Уэллса «Война миров», где земные вирусы изображены как лояльные человечеству, оказался приукрашиванием их лояльности.

С этой целью Институтом психологии РАН был проведен экспертный онлайн-опрос российских психологов. Его первая волна в апреле 2020 г. охватила 152 респондента, которые ответили на 22 вопроса о социально-психологических условиях и последствиях распространения коронавирусной

¹⁾ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-30035 «Психологические факторы экономической и социальной конкурентоспособности России».

инфекции в нашей стране и в мире. К участию в опросе были приглашены авторы статей, опубликованных в “Психологическом журнале” и “Вопросах психологии” с 2014 по 2020 г. Вторая волна опроса была проведена в мае 2020 г. при поддержке редакции “Психологической газеты”, его участниками стали 181 дипломированный практический психолог (среди них 14% — кандидаты наук, 75% — с опытом психологического консультирования от 5 лет и более). Во второй волне респондентам предлагались только вопросы, связанные с последствиями пандемии и мерами, которые необходимы для их преодоления.

Среди психологов-исследователей на вопрос “Как бы Вы оценили взаимодействие разных стран в борьбе с этой инфекцией?” почти никто (0.7%) не дал ответ “как образцовое”, в то время как 47.4% оценили его как недостаточное, 27.0% — как удовлетворительное и 9.2% затруднились ответить. Таким образом, налицо неудовлетворенность почти половины опрошенных организацией международного взаимодействия в сдерживании эпидемии, очевидно, подогреваемое политизированным контекстом освещения этой проблемы в нашей стране (мы “хорошие”: дальновидные, предпринимающие предупредительные меры и т.д., они “плохие”: жертвующие жизнью человека в угоду политическим и экономическим интересам и т.п.).

Вопрос “Уделяет ли современный мир коронавирусу больше внимания, чем нужно?” показал: 44.4% опрошенных докторов и кандидатов психологических наук согласились с тем, что эта проблема привлекает адекватное внимание, но 27.2% высказалось за то, что она искусственно раздута, при 15.9% посчитавших ее недооцененной и 12.6% затруднившихся ответить. Видимо, непоследовательность власти — то ужесточение ею антивирусных мер, то их ослабление — находит выражение и в экспертной среде. Как и выделение двух аспектов кризиса: медицинского и социально-экономического, находящихся между собой в реципрокных отношениях. В частности, первостепенное внимание к его медицинской стороне² некоторыми экспертами воспринимается как неадекватное и препятствующее нахождению правильных экономических решений.

На вопрос “Имеет ли эпидемия коронавируса естественное происхождение или она порождена действиями человека?” наиболее существенная часть опрошенных (44.4%) склонилась к синтетической

версии, выбрав вариант ответа “В ней есть и то, и другое”. При этом количество считающих ее обусловленной естественными причинами (26.5%) оказалось большим, нежели количество сторонников ее порождения человеческими действиями (15.9%), 13.2% затруднились ответить. Этот результат отражает сложный характер восприятия эпидемии, в происхождении которой до сих пор много непонятого, и тот факт, что ответ на данный вопрос мы, возможно, никогда не узнаем, будет замещаться политическими инсинуациями.

На вопрос “Удовлетворены ли Вы действиями российской власти по сдерживанию эпидемии коронавируса?” большинство респондентов (52.3%) дали в целом лояльный власти ответ о том, что в основном удовлетворены. Активно лояльные составляют 4.6% опрошенных, в целом неудовлетворенные — 21.9%, затруднившиеся дать ответ — 6.0%. Вероятно, неясность того, что надо делать, как и в целом разумный характер поведения нашей власти, несмотря на ее отдельные промахи (вроде проверки пропусков при входе в метро), дают о себе знать. Говоря о мерах сдерживания эпидемии, эксперты-исследователи высказались в основном за обеспечение поддержки экономики (13.7% респондентов), а также за приведение режима чрезвычайной ситуации в соответствие с законодательством, что позволило бы гражданам и предприятиям рассчитывать на экономическую поддержку (12.6%). По мнению экспертов, государство в большей мере должно заниматься организацией материальной и психологической помощи населению, в первую очередь медицинским работникам, людям, потерявшим работу, а также обеспечивать продуктами и медикаментами тех людей, которые входят в группу риска и должны находиться в состоянии полной изоляции. Было предложено также ужесточить наказание за нарушение карантина (12.6%), но при этом обеспечить граждан средствами индивидуальной защиты, постоянно вести разъяснительную работу и открыто информировать о реальном положении дел, стимулировать взаимопомощь и волонтерские проекты, перейти от нагнетания тревоги к диалогу с гражданами, а также использовать позитивные стимулы соблюдения правил предосторожности, поощряя за нахождение дома, демонстрируя доверие к гражданам и уважение к человеческому достоинству. Обращали внимание на необходимость открыть парки для занятий спортом и прогулок, чтобы снизить вероятность и остроту психосоматических реакций, сердечно-сосудистых заболеваний. Подчеркивалась необходимость системных и скоординированных действий органов власти, пресечения попыток использовать ситуацию для борьбы за власть. Целый ряд

² Для сравнения: ежегодно умирает порядка 2 млн россиян, а эпидемия холеры, от которой Пушкин скрывался в Болдине, унесла жизнь около 200 тыс. наших сограждан.

мер был предложен для формирования долгосрочно ориентированной государственной политики, которая призвана повысить устойчивость российского общества к эпидемической угрозе: массовое и бесплатное тестирование населения на вирусное заболевание, прогнозирование развития ситуации с учетом зарубежного опыта, разукрупнение городов, широкое использование дистанционных форм работы, финансирование медицины и усиление научного потенциала страны.

Эксперты предложили *рекомендации средствам массовой информации и блогерам по освещению эпидемии и ее последствий*. В первую очередь необходимо прекратить нагнетание тревоги (44.8%) и сосредоточиться на четких рекомендациях и статистике (19%), хорошо проверенной информации (16.2%) и чаще предоставлять слово экспертам: вирусологам, экономистам, психологам (11.4%). По мнению опрошенных нами психологов-исследователей, средствам массовой информации (СМИ) следует больше обсуждать будущее и расширить контент, не связанный с коронавирусом и вызывающий позитивные эмоции. Для предотвращения стигматизации и повышения чувства контролируемости угрозы рекомендуется информировать аудиторию об успешном опыте излечения, индивидуальной профилактики, публиковать интервью с теми, кто болен или выздоровел, касающиеся причин и источников вирусной инфекции и т.п. Было предложено сконцентрировать внимание на психологической и юридической помощи населению, а также поддерживать сопереживание, в том числе посредством распространения информации о людях, нуждающихся в помощи.

Поведение наших сограждан по выполнению предписаний/рекомендаций власти в связи с коронавирусом подавляющее большинство экспертов-исследователей (68.0%) оценили как посредственное. Его крайние оценки — как образцовое (8% ответов) и очень плохое (16.7%) — занимают более скромные места, как и вариант “Затрудняюсь ответить” (7.3%). Очевидно, в сочетании с ответами на предыдущий вопрос это говорит о том, что традиционное представление о плохой власти и хорошем народе в России не получает подтверждения в восприятии экспертов-психологов.

Оценивая *чувства, которые испытывают наши сограждане по поводу эпидемии*, эксперты отметили прежде всего страх (69%), злость (58.9%) и тревогу (51.9%). В числе наиболее распространенных среди россиян переживаний представители психологического сообщества назвали чувство растерянности, отчаяние, панику и депрессию. Позитивные переживания, которые могли бы свидетельствовать

о конструктивных стратегиях совладания, — интерес, надежда, благодарность, юмор, радость, сопереживание другим составили в общей сложности только 6.8% от полученных нами ответов.

Учитывая картину переживаемых россиянами эмоциональных состояний, которую нарисовали эксперты, предложенные *меры психологического воздействия на население* вполне ожидаемо оказались сконцентрированными на преодолении тревоги и страха (см. приложение, табл. 1). Рекомендуется избегать запугивания и угроз, прекратить поток негативной информации в СМИ (27.2% респондентов), проводить разъяснительную работу (25%), информировать о мерах поддержки граждан (21.7%), а также организовать оказание психологической помощи населению: горячие линии, специальные отделения дистанционной работы для предотвращения неврозов и т.п. (14.1%). Эксперты советуют поддерживать сопереживание и сплочение, гражданские инициативы, говорить о героизме врачей и примерах эффективности социально ответственного поведения. Было предложено расширить число новостных сюжетов и программ, не связанных с коронавирусом, выходить на контакт с населением по интересующим его вопросам, предоставлять больше информации, позволяющей людям строить планы. Учитывая беспрецедентные масштабы психологической травматизации населения, рекомендуется развивать психологическую грамотность и навыки самопомощи (проведение бесплатных вебинаров, передач и занятий по обучению навыкам психологической самопомощи, создание поддерживающих психологических программ на телевидении и т.п.), а также предпринимать превентивные меры по снижению агрессии (создать специализированную психологическую службу для управления паникой, агрессией, направить энергию людей в конструктивное русло, запустить рекламу образа человека, погруженного в саморазвитие и помощь людям).

Эти рекомендации поддерживают и практические психологи, участвовавшие во второй волне опроса (см. приложение, табл. 6). Большинство из них считают, что необходимо организовать оказание дистанционной психологической помощи населению (68.5% опрошенных), прекратить нагнетать тревогу и страхи в СМИ (66.3%), развивать психологическую грамотность и навыки самопомощи (55.3%).

Оценивая *вероятную продолжительность этой эпидемии*, большинство экспертов разделяет умеренно оптимистическую позицию: 66.9% считают, что она в основном закончится через несколько месяцев. Меньшая доля опрошенных убеждена

в большей краткости (считают, что она в основном закончится через несколько недель — 13.9% респондентов) и большей длительности (4.6% ответили, что она в основном закончится через несколько лет). Однако обращает на себя внимание изрядная доля тех, кто считает, что она вообще не закончится (тоже 4.6%).

На вопрос о том, как долго будут сказываться психологические последствия эпидемии коронавируса, 51.7% экспертов-исследователей, участвовавших в первой волне опроса, ответили, что ее последствия будут давать о себе знать в течение нескольких лет, 30.2% — нескольких месяцев, 7.4% — нескольких десятков лет, а 6.0% высказались за то, что ее психологические последствия всегда будут сказываться (4.7% опрошенных затруднились с ответом). Среди практических психологов, участвовавших во второй волне опроса, 53.2% считают, что более 50% россиян будут нуждаться в психологической помощи в связи с последствиями пандемии в ближайшие месяцы, и 54.4% считают, что таких людей будет более 50% в 2021 г.

Очевидно, психологические последствия этой эпидемии, по мнению экспертов, намного превосходят ее “физическую” длительность, а в сочетании с их ответом на предыдущий вопрос ответы на этот свидетельствуют об их видении серьезного характера этих последствий.

Отвечая на следующий вопрос о том, почему человечество оказалось не готово к эпидемии³, 49% психологов-исследователей констатировали, что к этой эпидемии и нельзя было подготовиться, однако 39.6% отметили, что неготовность к ней человечества была обусловлена стратегическими просчетами (11.4% затруднились с ответом). Таким образом, преобладает отношение к эпидемии как к фатальному событию, которого нельзя было избежать, хотя достаточно выражена и другая точка зрения.

Довольно неожиданными оказались ответы респондентов первой волны онлайн-опроса на вопрос о том, есть ли что-то положительное в эпидемии. 64% ответили, что есть (!), и только 28.7% усматривают в ней сугубо отрицательный смысл (7.3% затруднились ответить). Видимо, как и всякий кризис, эпидемия коронавируса, по мнению опрошенных психологов, несет в себе не только разрушительное, но и созидательное начало.

³ В формулировке вопроса была заложена определенная позиция — констатация неготовности человечества к эпидемии коронавируса, как выяснилось в результате опроса, разделявшаяся всеми без исключения респондентами.

На вопрос “Верите ли Вы, что эта эпидемия — лишь репетиция в преддверии распространения более страшной болезни?” большинство опрошенных дали оптимистический ответ “Нет, не верю”. Количество пессимистов, верящих в такую возможность, значительно уступает (9.9%), зато весьма велико количество затруднившихся дать определенный ответ (27.2%).

Ответы на следующие вопросы анкеты свидетельствуют о том, что, по мнению опрошенных, пандемия будет иметь длительное последствие. На вопрос “Окажет ли эпидемия коронавируса какое-либо влияние на современного человека?” большинство опрошенных нами психологов-исследователей (58.3%) склонилось к тому, что окажет, 27.8% ответили, что нет и он останется прежним, и 13.9% затруднились ответить. Близкий характер имеют ответы на этот вопрос применительно к российскому человеку: 55.3% считают, что она повлияет на него, 30.7% не прогнозируют такого влияния и 14% затруднились дать ответ.

На вопрос “Повлияет ли она как-либо на отношения между людьми в современном мире?” распределение ответов почти такое же: 61.6% считают, что повлияет, 30.5% полагают это очень маловероятным и 7.9% затруднились дать ответ. По поводу влияния эпидемии на взаимоотношения людей в нашей стране ответы похожие, но доля уверенных в том, что влияние будет выраженным, меньше (50.3%), а затруднившихся с ответом больше (16.6%). Наблюдается вроде бы парадоксальная ситуация: в своих согражданах эксперты уверены меньше, чем в мировом сообществе. Впрочем, она хорошо вписывается в стереотип “В России прошлое непредсказуемо” (что уж говорить о будущем?).

Оценивая влияние пандемии на человека и общество (см. приложение, табл. 2, 3), психологи-исследователи указали прежде всего на переоценку ценностей (43.2%) и повышение осознанности личности (20.3%). Эксперты ожидают роста ценности семьи и друзей, уважения к пожилым людям, ценности живого общения, свободного перемещения и свободы в целом. Кризис, изменивший привычный образ жизни, а также вынужденная самоизоляция и почти два месяца нерабочих дней создали условия для рефлексии и обновления жизненных сценариев, корректировки Я-концепций, потребовали большей самоорганизации и дисциплинированности. В целом эксперты прогнозируют разнонаправленные психологические процессы, вызванные пандемией. С одной стороны, можно ожидать повышения грамотности населения в области медицины и большего уважения к врачам, развития цифровых компетенций и онлайн-коммуникаций,

повышения социальной ответственности, более осознанного трудового, потребительского и финансового поведения, роста потребности в инновациях и обновлении политических институтов, осознания хрупкости мира и значимости глобальных рисков (подробнее об их содержании см. [2; 4]). С другой стороны, эксперты предвидят рост тревожности и разобщенности общества, массовую психологическую травматизацию, рост агрессии, волну разводов и разрывов близких отношений, снижение доверия к социальным институтам, рост закрытости общества.

Оценки влияния эпидемии на российского человека в целом совпадают с прогнозами наших респондентов в отношении мира в целом. По мнению 42.4% опрошенных экспертов, российский человек существенно не отличается от граждан других стран и подвержен тем же психологическим механизмам. Часть экспертов выражает надежды на то, что пандемия приведет к росту осознанности в различных сферах жизни, сплоченности и политической активности населения, повышению интереса к международным отношениям и укреплению глобальной идентификации. Тем не менее большинство полученных ответов в отношении России носят пессимистический характер. Эксперты прогнозируют снижение доверия к государству, рост бедности и социального неравенства, снижение генерализованного доверия к другим людям.

Практическим психологам, участвовавшим во второй волне экспертного опроса, предлагалось оценить *направленность возможных изменений психологических характеристик российского общества в результате пандемии* по 5-балльной шкале от -2 (уровень существенно снизится) до $+2$ (уровень существенно возрастет). Перечень изменений был составлен с учетом ответов, полученных в первой волне опроса, а также модели макропсихологических показателей, разработанных А.В. Юревичем [5]. Как оказалось, подавляющее большинство респондентов ожидает, с одной стороны, роста ориентации на ценности здоровья, живого общения, семьи и друзей, а с другой — снижения социально-психологической устойчивости личности и психологического благополучия личности, в том числе роста тревожности и агрессии, психологической травматизации, чувства социальной несправедливости. При этом респонденты прогнозируют снижение социального оптимизма, доверия к миру, другим людям, государству и СМИ (см. приложение, табл. 5).

По мнению психологов-исследователей, эпидемия окажет *влияние и на задачи, стоящие перед российским психологическим сообществом*: 53.7%

опрошенных выбрали соответствующий вариант ответа, 32.9% ответили, что эти задачи останутся прежними, и 13.4% затруднились ответить. Поясняя свою позицию (см. приложение, табл. 4), эксперты указывали чаще всего на необходимость создания системы оказания экстренной дистантной психологической помощи (47% респондентов), разработки новых направлений исследований, связанных с поведением людей во время пандемий (40.9%), повышения практической направленности отечественных психологических исследований (24.2%), развития психологического консультирования онлайн и роста числа исследований влияния цифровизации на индивидуальные и групповые процессы, а также на развитие прикладной макропсихологии, которая позволит прогнозировать динамику психологического состояния российского общества и создавать методики воздействия на него.

Большинство психологов-практиков, участвовавших во второй волне опроса, ожидают, что: психологи станут более активно пользоваться цифровыми технологиями в своей работе (65.4% опрошенных); появятся новые подходы и методики, ориентированные на оказание психологической помощи онлайн (64.8%); станет очевидной необходимость создания общероссийской системы дистантного оказания экстренной психологической помощи (61%).

Таким образом, опрос показал, что эпидемия коронавируса существенно влияет не только на настоящее, но и на будущее психологической науки и практики, корректируя их основные задачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опрошенные психологи могут быть отнесены к группе экспертов во многом условно, поскольку ввиду характера новой угрозы человечеству собственно экспертов по этой теме пока нет. В то же время рассматриваемая выборка первой волны опроса, состоящая из авторов двух отечественных ведущих психологических журналов, наиболее близка к этому статусу, включая специалистов именно по психологическому аспекту эпидемии, находившемуся в центре внимания в нашем опросе. Как видно из ответов на закрытые и открытые вопросы в первой и второй волнах анкетирования, психологи-исследователи и практические психологи сходятся в оценке последствий пандемии и в представлениях о мерах, необходимых для их преодоления. В целом экспертная позиция российских психологов вполне согласуется с результатами отечественных и зарубежных эмпирических

исследований психологических последствий пандемии и других глобальных рисков [1; 3].

Обращает на себя внимание сравнительно большое количество психологов-исследователей, затруднившихся ответить на все без исключения вопросы анкеты. Это естественно с учетом сложного характера этих вопросов и отсутствия единственно правильных ответов на них. Разумеется, здесь скажется и принципиально новый характер обсуждаемой проблемы, исключающий уверенность и абсолютно правильные решения.

Государственная политика в отношении эпидемии в основном получает поддержку экспертного сообщества. Меньшую поддержку вызывает поведение наших соотечественников по выполнению предписаний и рекомендаций медиков и власти.

Большинство опрошенных нами экспертов в первой и второй волнах опроса ожидают длительных психологических последствий пандемии в виде изменений человека и отношений между людьми. Моральный императив основной части современного человечества, ставший основой заявлений политиков о том, что человеческая жизнь бесценна, наталкивается на сопротивление экономических соображений. Можно ожидать, что власть в разных странах по мере нарастания социально-экономических проблем будет переходить от спасения человека к спасению экономики, инфраструктуры и социума. В этом же направлении ее будут склонять психологические трудности самоизоляции, позиции несогласных с ней и т.д.

Интересы разных групп населения в сложившейся ситуации противоречат друг другу. Государственная политика (разных стран) выражает интересы наиболее возрастной части населения (группы риска), но не его большинства, которое переносит болезнь без симптомов. В интересах этих людей приоритетно спасение экономики. Противоречивость политики, запечатление в ней интересов меньшинства населения будут постоянно чувствоваться.

В отличие от кризиса 1990-х годов в нашей стране от нынешнего экономического кризиса пострадают преимущественно не работники государственных организаций, а представители малого и среднего бизнеса. Это вызовет намерение государства материально помогать преимущественно им, что неизбежно породит недовольство работников государственных организаций (“бизнесмены должны в любых условиях выживать сами, и им нечем помогать”).

При этом эпидемия воспринимается как содержащая в себе не только отрицательный, но и

положительный потенциал, содействие проявлению позитивных тенденций развития современного общества.

Опираясь на анализ представлений российского психологического сообщества о влиянии пандемии на человека и общество, можно наметить несколько перспективных направлений социально-психологических исследований в данной области.

Во-первых, опрошенные нами эксперты ожидают укрепления близких социальных связей и одновременно снижения генерализованного доверия к людям, роста ксенофобии и социальных фобий, веры в опасный мир. Для прояснения механизмов, которые отвечают за социальное доверие и доверие к миру в условиях глобального кризиса, требуют более пристального внимания динамика соотношения ин- и аутигруппового доверия, изменение стратегий накопления персонального социального капитала, характеристик социальной идентичности. Кроме того, необходимы исследования, проливающие свет на механизмы стигматизации заболевших, врачей, а также других социальных категорий в условиях пандемии.

Во-вторых, для планирования массовых коммуникаций в условиях пандемии чрезвычайно важным является исследование социально-психологических предпосылок соблюдения санитарно-эпидемиологических требований, в том числе соотношения таких факторов, как страх заражения, сопереживание другим, дескриптивные социальные нормы, доверие к науке, а также эффект от экономических и законодательных стимулов, поддерживающих внимание граждан к своему и чужому здоровью. С этой проблемой связана и другая: необходимость уточнения психологических механизмов, повышающих доверие к информации в условиях пандемии, факторов, влияющих на подверженность личности и группы дезинформации и вере в конспирологические теории. Учитывая скептическое отношение значительной части россиян к вакцинации, такие исследования становятся особенно важными.

В-третьих, все большее значение приобретает разработка макропсихологии кризисных ситуаций, направленной на прогнозирование динамики психологического состояния общества в условиях реализации глобальных рисков, таких как пандемии, последствия изменения климата, крупные техногенные катастрофы и экономические кризисы. Одним из перспективных направлений исследований является изучение механизмов коллективного совладания, конструирования коллективного образа будущего, динамики коллективных переживаний, жизнеспособности больших социальных групп

и др. Существенный вклад в развитие данного направления может внести анализ макропсихологических характеристик по цифровым следам интернет-пользователей, а также междисциплинарное математическое моделирование социальных и психологических последствий пандемий.

Наконец, отмеченная экспертами необходимость создания системы массовой дистантной психологической помощи населению, а также переход россиян к использованию удаленных форм работы и цифровых услуг требуют дальнейшего изучения социально-психологических механизмов формирования межличностного и внутригруппового доверия в онлайн-коммуникациях. Особенно остро эта проблема стоит в случае взаимодействия личности с представителями помогающих профессий, в том числе учителями, врачами, психотерапевтами. Кроме того, форсированный переход к использованию цифровых технологий, а также их применение государством в целях контроля над соблюдением карантина обостряют проблему технофобий и ставят задачу комплексного изучения отношения человека к новым технологиям в условиях социального пессимизма и глобальных рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 5–18.
2. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
3. Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/blocks/dop-menu/archive/n2020.html> (дата обращения: 12.06.2020).
4. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
5. Юревич А.В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE COVID-19 PANDEMIC: RESULTS OF AN EXPERT SURVEY OF RUSSIAN PSYCHOLOGISTS⁴⁾

© 2020 D. V. Ushakov^{1,*}, A. V. Yurevitch^{1,**}, T. A. Nestik^{1,***}, M. A. Yurevitch^{2,****}

¹*Institute of Psychology RAS; 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation; 125993, Moscow, Leningradskij Prospect, 51/1, Russia.*

**Member of RAS, ScD (Psychology), Professor, Director of the Institute of Psychology RAS.*

***Corresponding Member of the RAS, ScD (Psychology), Professor, Deputy Director of the Institute of Psychology RAS.*

E-mail: a.v.yurevich@mail.ru

****ScD (Psychology), Professor of RAS, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology.*

E-mail: nestik@gmail.com

*****Researcher, Center for Macroeconomic Research.*

Received 10.06.2020

Abstract. The results of an expert survey of academic psychologists ($N = 152$) and practical psychologists ($N = 181$) on the socio-psychological aspects of the COVID-19 pandemic are presented. The psychological consequences of the coronavirus pandemic for the person, interpersonal relationships and society as a whole are considered. Survey participants predict, on the one hand, an increase in personal consciousness in various areas of life, an increase in the importance of family and friendship, on the other hand, they expect a decrease in confidence in people and social institutions, an increase in perceived inequality and intergroup tension, and the large-scale

⁴⁾ The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 17-78-30035 “Psychological factors of economic and social competitiveness in Russia”.

psychological traumatization. Experts draw attention to the need to move from the escalation of fear over coronavirus to saving the economy, dialogue between authorities and citizens, to relying on trust, social responsibility and concern for loved ones, to expanding measures of economic and psychological support to the population. Areas of further research into the socio-psychological consequences of the pandemic are outlined.

Keywords: pandemic, coronavirus, risks, COVID-19, socio-psychological consequences, future, macropsychology.

REFERENCES

1. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Analiz interesa naselenija k informacii o pandemii koronavirusa (na primere pol'zovatelej poiskovyh sistem interneta). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 4. P. 5–18. (In Russian)
2. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. *Psihologija global'nyh riskov*. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
3. Nestik T.A. Vlijanie pandemii COVID-19 na obshhestvo: social'no-psihologicheskij analiz. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Social'naja i jekonomicheskaja psihologija*. 2020. V. 5. № 2 (18). URL: <http://socioeconom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020.html> (data obrashhenija: 12.06.2020). (In Russian)
4. *Psihologicheskie issledovanija global'nyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy*. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
5. Yurevich A.V. Opyt jempiricheskoj ocenki psihologicheskogo sostojanija sovremennogo rossijskogo obshhestva (analiz dannyh statistiki). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 5. P. 84–96. (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: “Какие меры психологического воздействия на население в связи с эпидемией коронавируса Вы могли бы порекомендовать нашей власти?” ($N = 152$, психологи-исследователи; эксперты могли указать несколько вариантов)

Ответы	<i>N</i>	% ответов	% респондентов
Прекратить запугивание (избегать запугивания и угроз, прекратить поток негативной информации в СМИ, проявить уважение и доверие; показывать возможные позитивные последствия преодоления кризиса и т.п.)	25	20.0	27.2
Проводить разъяснительную работу (больше конкретных рекомендаций, памятки для населения, разъяснения экспертов, повысить информированность о превентивных мерах и т.п.)	23	18.4	25.0
Информировать о мерах поддержки граждан (наделить карающие и контролирующие органы функциями оказания помощи населению; исполнение заявленных мероприятий и помощи; проявлять заботу о людях, вызывая таким образом доверие, желание сотрудничать, и т.п.)	20	16.0	21.7
Организовать оказание психологической помощи населению (горячая линия, консультативная работа с людьми для предотвращения неврозов, МСППН, специальные отделения дистанционной работы и т.п.)	13	10.4	14.1
Поддерживать сопереживание и сплочение (больше призывов к солидарности, ответственности друг за друга; поддержка гражданских инициатив; призывать к сплочению, больше говорить о героизме врачей; примеры эффективности социально ответственного поведения и т.п.)	9	7.2	9.8
Расширить число новостных сюжетов и программ, не связанных с коронавирусом (показывать кинофильмы времен Отечественной войны; ввести хроники, в которых был бы быт и жизнь наших соотечественников в разных регионах страны; никак не акцентировать внимание на эпидемии и т.п.)	7	5.6	7.6
Обеспечить двусторонние коммуникации с гражданами (диалог с населением, выходить на контакт с населением по интересующим их вопросам; чаще вступать в коммуникацию с разными слоями населения; выступления местных руководителей по городским округам о ситуации и т.п.)	6	4.8	6.5
Предоставлять больше информации, позволяющей людям строить планы (строить прогнозы будущего, где поддержка со стороны властей и взаимопомощь занимают первое место; информирование о планах на разные варианты развития событий; нужны предложения по организации новой жизни и т.п.)	5	4.0	5.4

Ответы	N	% ответов	% респондентов
Предоставить горожанам возможность совершать прогулки (необходимо разрешить людям гулять и двигаться на свежем воздухе, соблюдая дистанцию от других людей; организовать посещение центров физической активности с разумным расстоянием между людьми и т.п.)	4	3.2	4.3
Развивать психологическую грамотность и навыки самопомощи (проведение бесплатных вебинаров, передач и занятий по обучению навыкам психологической самопомощи; позаботиться о поддерживающих психологических программах на телевидении и т.п.)	4	3.2	4.3
Повысить привлекательность дистанционных способов работы (задуматься о поддержке дистанционного обучения, например бесплатный интернет, организация новых каналов взаимодействия между людьми и т.п.)	2	1.6	2.2
Признавать ошибки (признать некоторые свои ошибки, не делать вид, что все под контролем; освободить от должности чиновников, не справляющихся с борьбой с эпидемией, и информировать об этом население)	2	1.6	2.2
Предпринять превентивные меры по снижению агрессии (создать специализированную психологическую службу для управления паникой, агрессией; направить энергию людей в конструктивное русло, запустить рекламу образа человека, погруженного в саморазвитие и помощь людям; продумать способы канализации вспышек агрессии и т.п.)	2	1.6	2.2
Обеспечить гуманитарную экспертизу принимаемых решений (послушать психологов и социологов и с учетом их рекомендаций откорректировать воздействия)	1	0.8	1.1
Требовать исполнения предписаний и показывать пример самоизоляции	1	0.8	1.1
Рассказывать о конкретных случаях и истории людей, погибших от коронавируса	1	0.8	1.1
Всего	125	100.0	135.9

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос “Какое влияние окажет эпидемия коронавируса на современного человека?” (N = 152, психологи-исследователи; эксперты могли указать несколько вариантов)

Ответы	N	% ответов	% респондентов
Переоценка ценностей и прежнего образа жизни (рост ценности семьи и друзей; уважение к пожилым людям; ценность живого общения, свободного перемещения и свободы вообще; научатся ценить те простые вещи, которые они имеют; снижение ценности статуса и денег)	32	23.5	43.2
Повышение осознанности (обновление жизненных сценариев и корректировка Я-концепций; рост уровня рефлексии; снижение гордыни; самоорганизация; дисциплинированность; изнеженность сменится более рациональной и стоической позицией и т.п.)	15	11.0	20.3
Рост тревожности (станут более тревожными и мнительными; рост тревожности и эмоционального напряжения и т.п.)	11	8.1	14.9
Развитие онлайн-коммуникаций (рост цифровых компетенций человечества; усиление информатизации и дистанционных взаимодействий и т.п.)	11	8.1	14.9
Рост грамотности населения в области медицины и уважения к врачам (внимание к своему здоровью и гигиене; узнают, как важно соблюдать меры предосторожности и делать прививки; восстановление системы здравоохранения в стране и т.п.)	9	6.6	12.2
Изменение трудового поведения и профессиональной идентичности (изменится сфера деятельности; больше свободы, исчезнет офисное просиживание за время; изменение профессий и т.п.)	6	4.4	8.1
Рост разобщенности (увеличится социальная дистанция в целом; люди будут более осторожны в контактах; разрыв социальных связей; нечестная конкуренция; будет больше агрессии и страхов в борьбе за выживание, больше конкуренции и т.п.)	6	4.4	8.1
Психологическая травматизация (трагедии потери близких и средств к существованию; больше людей с острой травмой, вовремя не получивших психологической помощи; больше ПТСР, психосоматики, обострения хронических заболеваний, алкоголизация и суициды)	6	4.4	8.1

Ответы	N	% ответов	% респондентов
Снижение доверия к социальным институтам (станут недоверчивыми; отношение к управленцам; осознание, что человек не защищен системой; еще раз убедятся в беспомощности властей и т.п.)	6	4.4	8.1
Повышение социальной ответственности (будут вести себя более ответственно, заметят, что они живут в обществе; будут более внимательны к другим; станут менее агрессивными и более ответственными; осознают свою ответственность перед природой и другими людьми и т.п.)	5	3.7	6.8
Волна разводов и разрывов близких отношений (разрушится большая часть семей, отношений)	5	3.7	6.8
Рост потребности в инновациях (шанс к изменениям как для отдельного человека или отдельных сообществ, так и для мира в целом; осознают, что нужны другие формы организации жизни, и это возможно; задумаются об изменении траектории развития общества и т.п.)	4	2.9	5.4
Изменение ценности и структуры социальных контактов	4	2.9	5.4
Рост агрессии и насилия (семейное насилие; перестанут скрывать агрессию и т.п.)	4	2.9	5.4
Рост осознанности финансового и потребительского поведения (“умное потребление”; многие будут более внимательно планировать свои финансы; финансовое планирование)	3	2.2	4.1
Рост закрытости общества (национальные особенности станут ярче, мир станет более закрытым; снизится количество передвижений по планете)	2	1.5	2.7
Изменения будут носить временный, ситуативный характер	2	1.5	2.7
Осознание значимости глобальных рисков (люди станут больше думать о глобальных проблемах, об уязвимости, хрупкости мира, займутся проблемами экологии и медицины; люди почувствуют, что они одинаковы во всем мире, что вражда между странами — наносное)	2	1.5	2.7
Усиление контроля над поведением граждан	1	0.7	1.4
Усиление эффектов групповой поляризации	1	0.7	1.4
Снижение количества отклонений в гендерной и сексуальной идентификации	1	0.7	1.4
Всего	136	100.0	183.8

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос “Как эпидемия повлияет на отношения между людьми в современном мире?” (N = 152, психологи-исследователи; эксперты могли указать несколько вариантов)

Ответы	N	% ответов	% респондентов
Усиление процессов социальной дифференциации (ксенофобия, социальное дистанцирование; высокофункциональный аутизм станет нормой; люди боятся друг друга; рост индивидуализма; разобщение, закрытие границ; рост соперничества между странами; антиглобализация и т.п.)	38	40.4	49.4
Рост внутригруппового доверия и ценности близких отношений (взаимоотношения в семье, близком окружении станут теплее, начнут ценить близость; сблизятся близкие, отдалятся далекие и т.п.)	26	27.7	33.8
Рост межгруппового доверия и ориентации на сотрудничество в решении социальных проблем (станем друг другу ближе как в одной стране, так и в мире в целом; осознают свою тесную зависимость друг от друга; международное научное сотрудничество улучшится и т.п.)	19	20.2	24.7
Развитие социального взаимодействия онлайн	8	8.5	10.4
Изменение норм и ритуалов в сфере межличностного и внутригруппового взаимодействия	3	3.2	3.9
Всего	94	100.0	122.1

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос “Как повлияет эпидемия коронавируса на задачи, стоящие перед российским психологическим сообществом?” ($N = 152$, психологи-исследователи; эксперты могли указать несколько вариантов)

Ответы	N	% ответов	% респондентов
Организация системы оказания экстренной дистантной психологической помощи (РПО должно заниматься бесплатным консультированием для граждан; потребность в поддержке людей в кризисных ситуациях, умение работать в короткие сроки; рост числа людей с ПТСР и т.п.)	31	32.6	47.0
Новые направления исследований, связанные с поведением людей во время пандемий	27	28.4	40.9
Повышение практической направленности отечественных психологических исследований (психологи оторвутся от своих абстракций; готовить специалистов не только по теории; поворот к задачам практики, сокращение псевдоактуальных исследований ради отчетности и т.п.)	16	16.8	24.2
Исследования влияния цифровизации на индивидуальные и групповые процессы (влияние цифровизации и уход в виртуальный мир, изменение норм психологического здоровья с учетом форсированной цифровизации общества; изучение опосредованной коммуникации и т.п.)	7	7.4	10.6
Развитие прикладной макропсихологии (психологическое прогнозирование; исследования стресса на уровне социальных процессов; социальная психология здоровья; проблемы, связанные с “психологической эпидемией”; методики массовой психологической помощи и т.п.)	7	7.4	10.6
Развитие психологического онлайн-консультирования (потребность в психотерапевтическом взаимодействии онлайн, в разработке новых онлайн-методов, в том числе для работы с детьми; необходимость сертификации ведущих психологические вебинары и т.п.)	7	7.4	10.6
Всего	74	100.0	101.4

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос “Как изменятся перечисленные ниже психологические характеристики нашего общества в 2021 г. под влиянием пандемии и связанного с ней кризиса?” ($N = 181$, практические психологи; % респондентов)

Психологические характеристики общества	В той или иной мере снизится	Останется без изменений/ трудно сказать	В той или иной мере вырастет
Ценность здоровья	1	7	92
Тревожность	5	8	87
Число депрессивных и тревожных расстройств	4	9	86
Ценность живого общения	8	7	85
Число посттравматических стрессовых расстройств	5	13	82
Ценность семьи и друзей	3	16	81
Число случаев неврологических заболеваний	3	19	77
Заболеваемость психическими расстройствами	4	20	75
Уровень агрессии	4	22	75
Доверие к волонтерским организациям	3	23	74
Число разводов	8	25	67
Чувство социальной несправедливости	7	27	66
Доверие к врачам	13	22	65
Число случаев семейного насилия	7	29	64
Доверие к психологам	4	31	64
Осознание принадлежности к человечеству, значимость глобальных проблем, интерес к жизни людей в других странах	8	29	63
Доверие к цифровым технологиям	10	29	61
Готовность к природоохранному поведению, стремление беречь природу	5	36	59
Поляризация мнений, сдвиг к крайним точкам зрения при обсуждении общественно важных проблем	6	36	59

Психологические характеристики общества	В той или иной мере снизится	Останется без изменений/ трудно сказать	В той или иной мере вырастет
Организованность, самодисциплина	11	32	57
Социальная ответственность	9	34	57
Смертность от заболевания нервной системы и органов чувств	2	42	56
Число суицидов	4	40	55
Открытость к новому	13	32	54
Осознанность, уровень рефлексии	8	37	54
Доверие к ученым и науке	16	34	50
Ценность денег, материального благополучия	21	30	49
Религиозность	11	40	49
Фатализм, вера в предопределенность судьбы	7	47	46
Альтруизм	18	37	45
Критичность мышления (умение оценивать корректность, достоверность, основательность своих и чужих суждений)	13	45	42
Закрытость общества, поддержка протекционизма, антиглобализм	11	49	39
Политическая активность граждан	16	46	38
Недоверие к вакцинации, нежелание делать прививки себе и детям	28	33	38
Ксенофобия	11	52	37
Число убийств	11	53	36
Ценность демократических свобод	19	45	36
Доброжелательность	19	48	33
Межэтническая напряженность, число межнациональных конфликтов	18	51	31
Долгосрочная временная ориентация, планирование будущего	44	27	29
Число детей-сирот, оставшихся без попечения родителей (вследствие лишения тех родительских прав, признания родителей недееспособными и др.)	8	64	28
Толерантность	30	44	26
Ориентация на консервативные ценности, авторитаризм правого толка	19	58	23
Доверие к государству	57	29	14
Оптимизм в отношении будущего	50	36	13
Доверие к незнакомым людям	49	41	11
Доверие к миру	52	37	11
Доверие к СМИ	65	29	6

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос “Какие из перечисленных рекомендаций, предложенных другими психологами, Вы в наибольшей степени поддерживаете?” ($N = 181$, практические психологи; эксперты могли выбрать 7 вариантов ответа)

Ответы	% ответивших	N ответивших
Организовать оказание психологической помощи населению (горячая линия, консультативная работа с людьми для предотвращения неврозов, специальные отделения дистанционной работы и т.п.)	68.51	124
Прекратить нагнетать тревогу и страхи в СМИ	66.30	120
Развивать психологическую грамотность и навыки самопомощи (проведение бесплатных вебинаров, передач и занятий по обучению навыкам психологической самопомощи и т.п.)	55.25	100
Предоставить горожанам возможность совершать прогулки на свежем воздухе при соблюдении физической дистанции, открыть парки	51.93	94

Ответы	% ответивших	N ответивших
Постоянно вести разъяснительную работу и открыто информировать о реальном положении дел (больше конкретных рекомендаций, памятки для населения, разъяснения экспертов и т.п.)	50.83	92
Демонстрировать уважение и доверие к гражданам	38.12	69
Поддерживать сопереживание и сплочение (поддержка солидарности, ответственности друг за друга, гражданских инициатив; больше говорить о примерах эффективности социально ответственного поведения и т.п.)	35.91	65
Бороться с дезинформацией в СМИ и социальных сетях	34.81	63
Расширить число новостных сюжетов и программ, не связанных с коронавирусом	34.25	62
Предоставлять больше информации, позволяющей людям строить планы	33.15	60
Сделать максимально доступным тестирование на коронавирус	32.04	58
Обеспечить двусторонние коммуникации властей с гражданами (регулярный диалог с людьми по интересующим их вопросам)	30.39	55
Представители власти должны признавать ошибки, не делать вид, что все под контролем	29.28	53
Более широко информировать о мерах поддержки граждан	27.62	50
Предпринять превентивные меры по снижению агрессии (создать специализированную психологическую службу для управления паникой, агрессией; направить энергию людей в конструктивное русло, запустить рекламу образа человека, погруженного в саморазвитие и помощь людям; продумать способы канализации вспышек агрессии и т.п.)	26.52	48
Повысить привлекательность дистанционных способов работы (бесплатный интернет, бесплатное обучение работе онлайн и т.п.)	24.86	45
Больше обсуждать будущее, которое наступит после пандемии	23.20	42
Использовать позитивные стимулы соблюдения правил предосторожности (увеличить количество “пряников” для тех, кто выполняет рекомендации)	22.65	41
Обеспечить гуманитарную экспертизу принимаемых решений (послушать психологов и социологов и с учетом их рекомендаций откорректировать воздействия)	18.78	34
Информировать об успешном опыте (опыт успешного излечения, индивидуальной профилактики и т.п.)	16.57	30
Ввести превентивные и долгосрочно ориентированные меры защиты от эпидемий (прогнозировать развитие ситуации, учитывая зарубежный опыт; разукрупнение городов, широкое использование дистанционных форм работы, финансирование медицины; усиление научного потенциала и т.п.)	15.47	28
Создать юридические и экономические стимулы для поддержки внимания людей к своему здоровью (ввести юридическую ответственность пациента за свое здоровье; связать сумму медицинского страхования с регулярностью обследований, связать размер вы- плат населению с тестированием на коронавирус и т.п.)	11.60	21
Интервью с теми, кто болен, кто выздоровел, касающиеся причин и источников вирусной инфекции	11.05	20
Ввести режим чрезвычайной ситуации в соответствии с законодательством	7.73	14
Ужесточить контроль и наказания за нарушение правил карантина	7.73	14
Передать больше полномочий регионам	7.73	14
Рассказывать конкретные случаи и истории людей, погибших от коронавируса	6.63	12
Другое (укажите)	1.66	3

УДК 316.65

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ. ЧАСТЬ I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, МЕТОДЫ ИЗМЕРЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

© 2020 г. О. А. Гулевич

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.
Доктор психологических наук, профессор департамента психологии НИУ ВШЭ.
E-mail: ogulevich@hse.ru*

Поступила 10.05.2020

Аннотация. В аналитическом обзоре рассматриваются особенности психологических исследований, посвященных политическим ориентациям — распространенным в обществе системам представлений о правильном устройстве общества и путях его достижения. Отмечается, что североамериканские и европейские психологи проводят различие между двумя политическими ориентациями — консерватизмом и либерализмом. Обзор состоит из двух частей. В первой части анализируются вопросы, связанные со структурой, формированием, методами измерения и общими проблемами изучения политических ориентаций. Рассматриваются два теоретических взгляда на структуру этих ориентаций. Описываются роль семьи и политического дискурса в формировании ориентаций, а также возможность изменения политических взглядов на протяжении жизни. Кроме того, анализируются методики измерения политических ориентаций. Проводится различие между методиками измерения имплицитных и эксплицитных ориентаций; рассматриваются достоинства и недостатки трех основных опросных методик. Первая часть обзора завершается обсуждением общих методологических проблем, которые возникают при психологическом изучении политических ориентаций.

Ключевые слова: политические ориентации, консерватизм и либерализм, правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование.

DOI: 10.31857/S020595920011076-9

Термин “политические ориентации” используется в разных социальных науках и, как следствие, имеет разные определения. Психологи, занимающиеся изучением политических ориентаций, полагают, что в любом человеческом обществе существуют политические идеологии — совокупности представлений о правильном устройстве общества и способах его достижения, которые разделяются членами определенной социальной группы. Они помогают людям интерпретировать происходящие события, предлагают пути решения жизненных проблем, показывают, как должна быть структурирована социально-политическая жизнь, и описывают средства для достижения идеала [8].

Политическая ориентация — это субъективно принятая человеком политическая идеология; система представлений о правильном устройстве общества и путях его достижения, которую он поддерживает.

Первые психологические исследования, посвященные этому феномену, появились в США в середине прошлого века. Однако за последние 30 лет были опубликованы работы в других регионах мира, а также целый ряд кросскультурных исследований. Цель первой части аналитического обзора — проанализировать структуру, формирование, методы измерения и общие методологические проблемы, возникающие при психологическом изучении политических ориентаций.

СТРУКТУРА, ФОРМИРОВАНИЕ И СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ

Американские исследователи, заложившие основы психологического изучения политических ориентаций, провели различие между либеральными (“левыми”) и консервативными (“правыми”) политическими взглядами. В начале нынешнего века

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-113-50282.

Дж. Джост выделил два критерия различия между ними: отношение к социальным изменениям и отношение к социальной иерархии. В соответствии с этой классификацией консерваторы поддерживают привычные, существующие на протяжении долгого времени социальные практики и одобряют социальное неравенство, а либералы поддерживают социальные изменения и одобряют социальное равенство [7–9].

Эти различия можно зафиксировать как с помощью опросников, так и при анализе обыденной коммуникации. Например, авторы одного исследования сначала проанализировали 600 текстов на американских новостных веб-сайтах (три преимущественно либеральных и три преимущественно консервативных сайта), а затем — 145 речей американских президентов. Они показали, что посты на консервативных сайтах чаще апеллировали к прошлому, чем к будущему, а посты на либеральных сайтах — чаще к будущему, чем к прошлому. Аналогичные различия были обнаружены в речах президентов — членов Республиканской и Демократической партий [12].

Люди могут демонстрировать либерализм и консерватизм в разных сферах, но психологи по-разному смотрят на взаимосвязь политических взглядов в разных областях. Одни специалисты считают, что либерализм и консерватизм — это целостные системы представлений, которые включают в себя социальные, экономические и политические аспекты (однофакторная модель). Другие полагают, что в политических ориентациях можно выделить социальный (например, отношение к семье, абортам, религии), экономический (например, отношение к частному предпринимательству и роли государства в экономической сфере) и политический (например, отношение к гражданским свободам, своей стране и военному вмешательству в дела других стран) компоненты (многофакторная модель).

Сторонники первой точки зрения отмечают, что оценки людьми своего консерватизма–либерализма в разных сферах сильно коррелируют между собой. Большинство людей придерживаются либо чисто либеральных, либо чисто консервативных взглядов: считают себя консерваторами или либералами в экономических, социальных и политических вопросах одновременно. Сторонники второй точки зрения указывают на то, что в эмпирических исследованиях политические взгляды людей на экономические, социальные и политические проблемы образуют разные факторы [4; 8].

Политические ориентации формируются в ходе социализации. Важную роль в этом процессе играют семья и образовательные учреждения. Родители

и учителя оказывают на детей влияние двумя способами. Они, с одной стороны, высказывают определенные идеи, с другой — используют определенные практики. Например, американское лонгитюдное исследование показало, что стиль воспитания родителей связан с политическими ориентациями детей 17 лет спустя. Чем больше родители одобряли авторитарный стиль воспитания, основанный на послушании, и чем меньше — эгалитарный стиль воспитания, основанный на внимании к мыслям и желаниям ребенка, тем более консервативными (менее либеральными) были их дети [5].

Кроме того, важную роль в процессе формирования политических ориентаций играет социально-политический дискурс. Активное участие в нем принимают профессиональные политики, которые задают направления размышлений, выделяют главные общественные проблемы и во многом определяют, что значит быть либералом и консерватором. Некоторые исследователи полагают, что политическая ориентация как совокупность представлений о социальном, экономическом и политическом устройстве общества существует благодаря выступлениям политиков. Обсуждая свои взгляды в публичном пространстве, они противопоставляют либерализм и целом и консерватизм в целом [4].

В пользу этой точки зрения говорят эмпирические исследования, показавшие, что связь между экономическим и социальным либерализмом и консерватизмом зависит от включенности людей в политику и от социально-политического контекста. В частности, у профессиональных политиков эта связь сильнее, чем у остальных граждан; у людей, которые интересуются политикой, — сильнее, чем у тех, кто не интересуется; в странах, где существует конкуренция между правыми и левыми партиями, — сильнее, чем в странах, где отсутствует такая конкуренция; в периоды острой политической конкуренции — сильнее, чем в периоды относительного затишья в политической жизни [8].

На протяжении нескольких десятилетий ученые считали, что политические ориентации — это стабильная система представлений. Она формируется у человека к ранней взрослости и впоследствии плохо поддается изменению. Однако недавние исследования продемонстрировали, что политические взгляды изменяются со временем. Например, после финансового кризиса 2007–2008 гг. новозеландские психологи четырежды просили жителей этой страны определить свою политическую ориентацию по шкале “либеральный–консервативный”. Оказалось, что наиболее уязвимые граждане — люди

старшего возраста и с относительно низким социально-экономическим статусом — со временем становились более консервативными [10].

МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ

Политические ориентации могут быть эксплицитными (хорошо осознаваемыми) и имплицитными (плохо осознаваемыми). Для измерения эксплицитных политических взглядов используются опросники, для измерения имплицитных взглядов — тесты имплицитных ассоциаций, в которых политическая ориентация определяется по тому, насколько быстро и точно человек реагирует на слова (*Implicit Association Test*). Психологические исследования показывают, что данные, полученные с помощью имплицитных и эксплицитных методик, позитивно коррелируют между собой. Однако эта корреляция выше у людей, которые интересуются политикой и обладают лучшими знаниями в этой области [1].

Подавляющее большинство психологических исследований, посвященных политическим ориентациям, было проведено с помощью опросников, измеряющих эксплицитные представления. Существуют три основных типа таких методик.

Первая методика включает в себя одну (от “крайне либеральный” до “крайне консервативный”) или несколько (от “крайне либеральный” до “крайне консервативный” в социальной, экономической и политической сферах) шкал, по которым человек оценивает свои взгляды. Она используется как в исследованиях, которые проводятся в отдельных странах, так и в больших кросскультурных проектах. Основные достоинства этой методики — быстрота и легкость заполнения. Однако эта методика имеет два недостатка. Во-первых, она предполагает, что человек обладает похожими политическими взглядами на разные проблемы. В то же время некоторые исследования показывают, что люди могут быть более либеральными по одним вопросам и более консервативными по другим. В результате общая оценка не соответствует точке зрения на конкретные проблемы. Во-вторых, методика предполагает, что разные люди одинаково понимают содержание либерализма и консерватизма. Однако это представление может варьировать в зависимости от социальной группы и страны в целом. Как следствие, оценивая степень своего либерализма—консерватизма, люди могут думать о разных основаниях.

Вторая методика включает в себя вопрос о том, за какого политика или партию человек голосовал

на последних выборах (собирается голосовать в ближайшем будущем). Эта методика проста в обращении, но также обладает серьезным недостатком. Дело в том, что голосование определяется как устойчивыми политическими взглядами человека, так и ситуацией (разнообразием кандидатов, их характеристиками, наличием у них четкой политической программы). Как следствие, эта методика лучше измеряет политические ориентации в странах, где существует устойчивая политическая система с несколькими конкурирующими партиями, которые выдвигают своих кандидатов на выборах разного уровня.

Третья методика включает в себя либо набор утверждений, с которыми респондент может согласиться или не согласиться, либо список явлений общественной жизни (традиционная семья, аборт, военные действия, свободный рынок, социальные пособия и т.д.), к которым респондент может выразить свое отношение по шкале “тепло—холодно” [3]. На основании этих ответов человек получает оценку по общей шкале либерализма—консерватизма или по отдельным субшкалам (чаще всего экономическому и социальному либерализму—консерватизму). Основное достоинство этой методики — возможность провести детальную оценку политических взглядов человека. Однако эта методика имеет два недостатка — временную и культурную специфику. Во-первых, вопросы, которые вызывают разногласия между консерваторами и либералами в одной стране или в одну историческую эпоху (аборт, смертная казнь, профсоюзы), не вызывают разногласий у людей с разными политическими ориентациями в другом государстве или в другой исторический период. Во-вторых, в странах с разной политической историей люди с одной и той же политической ориентацией могут придерживаться разных взглядов: то, что жителям одних стран кажется традиционным (например, свободный рынок или бесплатное образование), жителям других стран кажется чем-то новым, отражающим социальные изменения.

По этим причинам методики третьего типа используются преимущественно в той стране, в которой были созданы, и в тот исторический период, когда это произошло. Например, первая известная американская методика такого рода была создана в 1960-х годах; ее обновили в конце 70-х, затем в 90-х, потом в 2000-х. Каждый раз при обновлении из методики убирают устаревшие пункты, которые уже не могут продемонстрировать различия между либералами и консерваторами (например, эвтаназию, смертную казнь, отсутствие сексуальных

отношений до брака), но добавляют новые, описывающие актуальные разногласия [3].

Однако стоит отметить, что в некоторых исследованиях разные показатели политических ориентаций рассматриваются как разные явления. Первый пример — это исследования, в которых анализируется связь политических ориентаций с электоральным выбором. Авторы таких исследований, как правило, измеряют два параметра: самооценку человеком своей “либеральности–консервативности” и голосование за определенного политика на выборах или решение на референдуме. Таким образом, они сопоставляют результаты, полученные с помощью первой и второй методики, для измерения политических ориентаций (более подробно см. вторую часть аналитического обзора).

Другой пример — изучение политических ценностей. Например, Ш. Шварц и коллеги [13] провели различие между базовыми и политическими ценностями. В качестве базовых они рассматривали ценности, которые носят общий характер и определяют выбор человека в разных сферах, а в качестве политических — ценности, которые оказывают влияние на предпочтения человека в политической сфере (традиционный образ жизни, гражданские свободы, закон и порядок, социальное равенство, свобода предпринимательства, “слепой” патриотизм, принятие мигрантов и военное вмешательство в дела других стран). (В этом случае политические ценности можно рассматривать как аналог политических ориентаций.)

В исследовании, проведенном в Италии, Шварц и коллеги показали, что общие ценности связаны с политическими ценностями, а политические ценности — с голосованием на выборах. Чем больше люди одобряли социальное равенство, гражданские свободы и принятие мигрантов, тем чаще они голосовали за “левые” (либеральные) партии. Чем больше они поддерживали закон и порядок, традиционную мораль, свободное предпринимательство, военное вмешательство и “слепой” патриотизм, тем чаще они голосовали за “правые” (консервативные) партии. Таким образом, авторы сопоставили данные, полученные с помощью второй и третьей методики, для изучения политических ориентаций.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ

К настоящему времени в мире проведены сотни психологических исследований, посвященных политическим ориентациям. Многие современные авторы берут за основу представление, согласно

которому либерализм и консерватизм — это целостные политические ориентации (однофакторная модель), которые различаются по двум параметрам и могут быть измерены с помощью самоотчета (первая методика). Однако такое представление о политических ориентациях вызывает критические замечания. Сейчас мы рассмотрим основные трудности, которые связаны с психологической структурой и измерением политических ориентаций.

Во-первых, критерии различия между политическими ориентациями похожи на две другие хорошо известные системы политических представлений — правый авторитаризм и ориентацию на социальное доминирование. Правый авторитаризм — это совокупность представлений, включающая в себя: одобрение традиций и социальных норм, которые кажутся широко распространенными; готовность подчиняться любым представителям власти, которые считаются легитимными; негативное отношение ко всем, кто не соглашается подчиняться этим авторитетам. Ориентация на социальное доминирование — это позитивное отношение к социальному неравенству, доминированию одних социальных групп над другими.

Поэтому одни авторы приравнивают отношение к изменениям к правому авторитаризму, а отношение к социальной иерархии — к ориентации на социальное доминирование [14]. Таким образом, они отрицают специфику политических ориентаций по сравнению с уже известными политическими взглядами. Однако другие авторы полагают, что правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование не означают автоматического принятия либеральных и консервативных социальных практик [2]. Таким образом, они проводят различие между известными политическими представлениями и политическими ориентациями. В современном научном дискурсе присутствуют обе позиции.

Во-вторых, сомнения вызывает первый критерий различия — отношение к социальным изменениям. В частности, некоторые авторы считают, что либералы и консерваторы по-разному относятся к медленным, постепенным и быстрым, кардинальным изменениям. Консерваторы поддерживают сохранение статус-кво или постепенные изменения, но отвергают кардинальные изменения в обществе. В то же время либералы приветствуют кардинальные изменения [14]. Кроме того, либералы поддерживают одни изменения (например, расширение прав однополых семей и увеличение размера пособия по уходу за детьми), а консерваторы — другие изменения (например, сужение прав

однополых семей и уменьшение размера пособия по уходу за детьми) [11].

В-третьих, при проведении исследований большинство специалистов используют однофакторное представление о политической ориентации. Они просят респондентов оценить общую степень своего либерализма—консерватизма или дать ответы на ряд вопросов, которые затем образуют один показатель. Однако целый ряд исследований говорит о том, что одни и те же психологические особенности — личностные черты, когнитивные характеристики, ценности и некоторые политические представления — по-разному связаны с экономическим и социальным консерватизмом [4] (более подробно см. вторую часть статьи).

В-четвертых, в большинстве случаев исследователи не проводят различие между людьми с экстремальными и умеренными политическими взглядами. Между тем некоторые исследования говорят о том, что эти группы отличаются друг от друга. Например, недавнее кросскультурное исследование показало, что люди с экстремальными политическими взглядами, находящиеся на одном полюсе, обладают более разнообразными ценностями и доверием к политической системе, чем люди с более умеренными политическими взглядами [6]. Иными словами, как крайне консервативные, так и крайне либеральные люди больше отличаются друг от друга, чем умеренные сторонники этих позиций.

В-пятых, содержание консервативной и либеральной ориентации обладает кросскультурной спецификой. Несмотря на то что психологическое изучение кросскультурных ориентаций ведется в разных странах, лидерами в этом направлении по-прежнему являются США и несколько европейских стран (например, Германия и Великобритания). В кросскультурных исследованиях эти государства относят к “устойчивым демократиям”, в которых на протяжении десятилетий существуют конкурирующие партии с разными идеологиями, а победитель определяется в ходе политических выборов. В таких странах люди более-менее одинаково понимают, что означают слова “консервативный” и “либеральный”.

В то же время страны социалистического лагеря и бывшие республики Советского Союза на протяжении многих десятилетий существовали в условиях однопартийной системы. После распада Советского Союза в этих странах начало формироваться обыденное представление о либерализме и консерватизме. Однако социально-политическая история этих государств могла наложить отпечаток на содержание и распространенность эти взглядов.

В пользу этого говорят кросскультурные исследования, продемонстрировавшие разные связи политической ориентации с отношением к социально-политическим феноменам в восточно- и западно-европейских государствах (см. вторую часть аналитического обзора).

В России психологические исследования политических ориентаций не получили широкого распространения. Это может быть вызвано двумя причинами. С одной стороны, социологические опросы показывают, что жители России проявляют слабый интерес к политике (например, данные Левада-Центра²). С другой стороны, в России отсутствует система политических партий, которые поддерживают противоположные позиции по важным социальным, экономическим и политическим вопросам и одновременно публично обсуждают свои политические взгляды (например, участвуют в политических дебатах). Таким образом, в России не работают основные институты политической социализации.

Для измерения политических ориентаций чаще всего используют две методики — самоидентификацию респондента и электоральный выбор. В первом случае людям предлагают список политических идеологий (например, социально-демократическая, либеральная, националистическая, коммунистическая) и просят определить, каких взглядов они придерживаются. Во втором случае участников исследования спрашивают, за кого они собираются проголосовать. К сожалению, ни та, ни другая методика не дает возможности измерить политическую ориентацию. В первом случае мы не можем гарантировать, что все участники правильно понимают суть идеологий, а во втором — что они знают политическую программу кандидата.

Таким образом, остается третий путь — измерение представлений об отдельных аспектах устройства общества. Вопросы, связанные с такими аспектами (например, социальными гарантиями со стороны государства, социальным неравенством, оптимальной формой политического правления, отношением к миграции и т.д.), время от времени задаются в различных социологических опросах. Однако структура этих исследований не позволяет описать целостные политические идеологии, как это, например, делают американские психологи. Поэтому первым шагом при проведении психологического анализа политических

² Данные Левада-Центра: Участие в политике, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/24/uchastie-v-politike> (дата обращения: 10.05.2020); Данные Левада-Центра: Политическое сознание, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/07/15/politicheskoe-soznanie> (дата обращения: 10.05.2020).

ориентаций в России может стать описание разных систем обыденных представлений об устройстве общества и создание методики для их измерения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аналитический обзор показал, что под политической ориентацией в психологических исследованиях понимается субъективно принятая человеком система представлений о правильном устройстве общества и путях его достижения. Зарубежные психологи проводят различие между двумя политическими ориентациями — либерализмом и консерватизмом. В соответствии с этой классификацией консерваторы поддерживают привычные, существующие на протяжении долгого времени социальные практики и одобряют социальное неравенство, а либералы поддерживают социальные изменения и одобряют социальное равенство. Однако классификация имеет ограничения, связанные с внутренней неоднородностью политических взглядов и культурной спецификой политического контекста.

Для измерения политической ориентации применяются три основные опросные методики: самооценка политической ориентации по шкале “либеральный—консервативный”, демонстрация электоральных предпочтений (отдельных политиков и политических партий), выражение отношения к отдельным аспектам устройства общества/общественным проблемам. Все эти методики обладают достоинствами и недостатками. Однако стоит отметить, что они больше рассчитаны на измерения политических ориентаций в так называемых устойчивых демократиях, где на протяжении десятилетий существуют конкурирующие партии с разными идеологиями, а победитель определяется в ходе политических выборов. В целом обзор литературы показывает, что при психологическом изучении политических ориентаций необходимо принимать во внимание общественно-политический контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Choma B.L., Hafer C.L.* Understanding the relation between explicitly and implicitly measured political orientation: The moderating role of political sophistication // *Personality and Individual Differences*. 2009. V. 47. P. 964–967.
2. *Crowson H.M., Thoma S.J., Hestevold N.* Is political conservatism synonymous with authoritarianism? // *The Journal of Social Psychology*. 2005. V. 145. P. 571–592.
3. *Everett J.A.C.* The 12 Item Social and Economic Conservatism Scale (SECS) // *PLoS ONE*. 2013. V. 8. e82131.
4. *Feldman S.* Political ideology // *The Oxford handbook of political psychology* / Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford University Press, 2013. P. 591–626.
5. *Fraley R.C., Griffin B.N., Belsky J., Roisman G.I.* Developmental antecedents of political ideology: A longitudinal investigation from birth to age 18 years // *Psychological Science*. 2012. V. 23. P. 1425–1431.
6. *Hanel P.H.P., Zarzeczna N., Haddock G.* Sharing the same political ideology yet endorsing different values: Left- and right-wing political supporters are more heterogeneous than moderates // *Social Psychological and Personality Science*. 2019. V. 10. P. 874–882.
7. *Jost J.T.* The end of the end of ideology // *American Psychology*. 2006. V. 61. 651–670.
8. *Jost J.T., Federico C.M., Napie J.L.* Political ideology: Its structure, functions, and elective affinities // *Annual Review of Psychology*. 2009. V. 60. P. 307–337.
9. *Jost J.T., Nosek B.A., Gosling S.D.* Ideology: Its resurgence in social, personality, and political psychology // *Perspective on Psychological Science*. 2008. V. 3. P. 126–136.
10. *Milojev P., Greaves L., Osborne D., Sibley C.G.* Stability and change in political conservatism following the global financial crisis // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. V. 41. P. 127–139.
11. *Proch J., Elad-Strenger J., Kessler T.* Liberalism and conservatism, for a change! Rethinking the association between political orientation and relation to societal change // *Political Psychology*. 2019. V. 40. P. 877–903.
12. *Robinson M.D., Cassidy D.M., Boyd R.L., Fetterman A.K.* The politics of time: Conservatives differentially reference the past and liberals differentially reference the future // *Journal of Applied Social Psychology*. 2015. V. 45. P. 391–399.
13. *Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione V.* Basic personal values, core political values, and voting: A longitudinal analysis // *Political Psychology*. 2010. V. 31. P. 421–451.
14. *White K.R.G., Kinney D., Danek R.H., Smith B., Harben C.* The resistance to change-beliefs scale: Validation of a new measure of conservative ideology // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020. V. 46 (1). P. 20–35.

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF POLITICAL ORIENTATIONS. PART I. DEFINITION, METHODS AND PROBLEMS OF STUDY³

© 2020 O.A. Gulevich

*National Research University Higher School of Economics;
101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Department of Psychology.
E-mail: ogulevich@hse.ru*

Received 10.05.2020

Abstract. The analytical review examines the directions of psychological research on political orientations, liberalism and conservatism. The review consists of two parts. The first part analyzes the definition, methods and problems of studying political orientations; the second part describes the predictors and consequences of political orientations. The first part consists of three sections. The first section discusses the psychological structure, the formation and the political orientations stability. The second section analyzes measurement techniques of political orientation. The third section describes the main problems that arise in the study of political orientations.

Keywords: political orientations, conservatism and liberalism, right-wing authoritarianism, orientation towards social domination.

REFERENCES

1. Choma B.L., Hafer C.L. Understanding the relation between explicitly and implicitly measured political orientation. The moderating role of political sophistication. *Personality and Individual Differences*. 2009. V. 47. P. 964–967.
2. Crowson H.M., Thoma S.J., Hestevold N. Is political conservatism synonymous with authoritarianism? *The Journal of Social Psychology*. 2005. V. 145. P. 571–592.
3. Everett J.A.C. The 12 Item Social and Economic Conservatism Scale (SECS). *PLoS ONE*. 2013. V. 8. e82131.
4. Feldman S. Political ideology. *The Oxford handbook of political psychology*. Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford University Press, 2013. P. 591–626.
5. Fraley R.C., Griffin B.N., Belsky J., Roisman G.I. Developmental antecedents of political ideology: A longitudinal investigation from birth to age 18 years. *Psychological Science*. 2012. V. 23. P. 1425–1431.
6. Hanel P.H.P., Zarzeczna N., Haddock G. Sharing the same political ideology yet endorsing different values: Left- and right-wing political supporters are more heterogeneous than moderates. *Social Psychological and Personality Science*. 2019. V. 10. P. 874–882.
7. Jost J.T. The end of the end of ideology. *American Psychology*. 2006. V. 61. 651–670.
8. Jost J.T., Federico C.M., Napie J.L. Political ideology: Its structure, functions, and elective affinities. *Annual Review of Psychology*. 2009. V. 60. P. 307–337.
9. Jost J.T., Nosek B.A., Gosling S.D. Ideology: Its resurgence in social, personality, and political psychology. *Perspective on Psychological Science*. 2008. V. 3. P. 126–136.
10. Milojev P., Greaves L., Osborne D., Sibley C.G. Stability and change in political conservatism following the global financial crisis. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. V. 41. P. 127–139.
11. Proch J., Elad-Strenger J., Kessler T. Liberalism and conservatism, for a change! Rethinking the association between political orientation and relation to societal change. *Political Psychology*. 2019. V. 40. P. 877–903.
12. Robinson M.D., Cassidy D.M., Boyd R.L., Fetterman A.K. The politics of time: Conservatives differentially reference the past and liberals differentially reference the future. *Journal of Applied Social Psychology*. 2015. V. 45. P. 391–399.
13. Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione V. Basic personal values, core political values, and voting: A longitudinal analysis. *Political Psychology*. 2010. V. 31. P. 421–451.
14. White K.R.G., Kinney D., Danek R.H., Smith B., Harben C. The resistance to change-beliefs scale: Validation of a new measure of conservative ideology. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020. V. 46 (1). P. 20–35.

³ The reported study was funded by RFBR, project number 19-113-50282.

УДК 159.93

РАСПОЗНАВАНИЕ СЛОЖНЫХ ЗВУКОВ ПО ИХ ВЕРБАЛЬНЫМ ПОРТРЕТАМ¹

© 2020 г. В. Н. Носуленко*, Е. С. Самойленко**

ФБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии. E-mail: nosulenkovn@ipran.ru

**Доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии. E-mail: samoylenkoes@ipran.ru

Поступила 14.04.2020

Аннотация. Исследуются возможности построения таких описаний (вербальных портретов) воспринимаемых сложных звуков, которые позволили бы другим людям распознать эти звуки. В рамках подхода воспринимаемого качества естественной среды сформулировано положение о том, что источником информации о субъективно значимых характеристиках объектов являются свободные вербализации, получаемые при восприятии и сравнении разных объектов. Проведены эксперименты по распознаванию звуков по их вербальным портретам в двух ситуациях (при попарном прослушивании и прослушивании в контексте). Показано, что вербальный портрет звука, построенный по данным его попарного сравнения с другими звуками, оказывается достаточно информативным при его распознавании в ситуации прослушивания его в паре с еще одним звуком. Вместе с тем в ситуации распознавания звука при его прослушивании в контексте, включающем более двух аналогичных звуков, такие вербальные портреты оказались гораздо менее информативными. Предложены принципы корректировки дескрипторов в вербальных портретах, которые основаны на таких изменениях в формулировке дескриптора, которые будут способствовать использованию способа сравнения, характерного для восприятия звука в контексте аналогичных звуков, а не для ситуации его попарного прослушивания. Экспериментально доказана эффективность таких изменений дескрипторов.

Ключевые слова: восприятие, звук, общение, сравнение, свободные вербализации, воспринимаемое качество, вербальный портрет, перцептивная реконструкция.

DOI: 10.31857/S020595920011078-1

Актуальной проблемой является изучение процесса распознавания человеком звуков его естественного окружения по вербальным описаниям, сделанным людьми в процессе восприятия этих звуков. В таких описаниях может содержаться информация о “воспринимаемом качестве” объекта, характеризующем совокупность субъективно значимых, “сущностных” свойств объекта (события, явления), которые определяют специфику объекта и позволяют его идентифицировать среди других объектов [4; 6].

Исследовательская парадигма, направленная на выявление субъективно значимых качеств объекта (парадигма воспринимаемого качества), на

первое место ставит воспринимающего субъекта, представляя его первичным источником информации о характеристиках объекта. В этом отличие парадигмы воспринимаемого качества от традиционной психофизической парадигмы, где отправной точкой анализа являются измеряемые физические параметры объекта.

Теоретической и методологической базой этой парадигмы явились идеи Б.Ф. Ломова о взаимосвязи познания и общения [1; 2], дающие обоснование для включения коммуникативной ситуации в структуру эмпирического исследования познавательных процессов. Развитие этих идей показало, что валидным источником данных о характеристиках воспринимаемого качества объектов могут стать вербализации, которые человек продуцирует при сравнении и описании этих объектов в различных коммуникативных ситуациях [3; 4]. Речь идет

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания, проект № 0159-2020-0009 “Многомерность познавательных процессов в общении”. Министерство науки и высшего образования РФ.

о свободных вербализациях, в которых человек пытается выразить наиболее существенные, с его точки зрения, характеристики воспринимаемых им объектов и событий внешнего мира, в отличие от вербализаций, продуцируемых в процессе интроспекции или самонаблюдения за ходом собственных процессов восприятия или мышления (подробнее о дискуссии относительно разных методов получения и анализа вербальных данных см. в [4]). Таким образом, свободные вербализации исходно не несут в себе статус закономерностей, а являются сырым материалом наблюдения о том, как писал Б.М. Теплов, “что испытуемый видит, слышит, ощущает и воспринимает — это не показания самонаблюдения, а показания о предметах и явлениях объективного мира” [11, с. 27]. Этот материал подвергается дальнейшему анализу, реализуемому исследователем в соответствии с его теоретическими представлениями. Согласно нашему подходу, важным условием репрезентативности вербальных данных является эксплицитность вербально выраженного сравнения воспринимаемых человеком объектов, а основным принципом анализа данных — его индуктивный характер, означающий формирование единиц анализа непосредственно в процессе кодирования, а не априорную заданность определенных вербальных категорий [4; 5; 8].

В результате статистической обработки текстов, получаемых в процедуре свободной вербализации, выделяются вербальные единицы, отражающие отдельные аспекты или сущности воспринимаемого объекта [4; 5; 8]. На базе их анализа строится так называемый вербальный портрет, в котором отражена иерархия наиболее значимых качеств объекта, с точки зрения воспринимающего субъекта. Такой вербальный портрет становится эмпирическим референтом воспринимаемого качества описываемого объекта, в котором количественно представлены его субъективно значимые параметры [3]. Важно подчеркнуть, что понятие вербального портрета не является синонимом вербального описания, которое представляет собой только сырой материал для его построения. Задача построения или конструирования вербального портрета заключается в отборе минимального количества дескрипторов, в которых заключены обобщенные характеристики воспринимаемого объекта и которые позволяют человеку определить его уникальность.

Одна из возможностей получения свободных вербализаций от участников исследования сопряжена с организацией определенных коммуникативных ситуаций, в которых ставится задача сравнения воспринимаемых объектов или их компонентов.

В сравнении проявляются категориальные и оценочные способы сопоставления людьми объектов или их компонентов, а данные о соотношении использования этих способов характеризуют степень субъективного сходства или различия между сравниваемыми объектами [6; 8].

Моделью коммуникативной ситуации, в которой люди порождают свободные вербализации при необходимости передать друг другу характеристики собственного перцептивного опыта, может являться референтное общение [8; 12–15]. В процессе референтного общения коммуниканты (один из которых может быть условным) обмениваются собственными представлениями о воспринимаемых объектах с целью создать друг у друга адекватное понимание их характеристик. Это наиболее приближенная к естественной ситуация передачи перцептивного опыта, которая легко моделируется в лабораторном эксперименте.

В данной статье речь будет идти о **двух типах ситуаций референтного общения**. В **первой ситуации референтного общения** участник исследования порождает вербализации, касающиеся характеристик воспринимаемых объектов, по просьбе своего условного собеседника — экспериментатора. Здесь возможны две экспериментальные процедуры: **парное сравнение** объектов и **описание объекта в наборе аналогичных**. Процедура парного сравнения состоит из последовательного предъявления множества **независимых** пар объектов, применительно к каждой из которых “описывающий коммуникант” указывает сходные и различные характеристики двух объектов, т.е. решает задачу на сравнение. Согласно процедуре **описания объекта в наборе аналогичных**, задача коммуниканта состоит в том, чтобы найти такие способы вербализации характеристик некоторого целевого объекта, предъявленного в контексте нескольких аналогичных, которые позволили бы условному собеседнику идентифицировать его среди этих объектов. В этом случае коммуникант также имеет возможность сравнивать объекты, которых в данном контексте несколько. Полученные при применении двух этих процедур вербализации могут быть использованы для анализа того, о каких наиболее значимых характеристиках идет речь, что обеспечит возможность построения вербальных портретов.

Во **второй ситуации референтного общения**, обозначаемой нами как перцептивная реконструкция, вербальные портреты, построенные экспериментатором на основе вербализаций, полученных в ситуациях референтного общения первого типа, предъявляются субъекту, который решает задачу распознавания соответствующего объекта. В этом

случае “описывающий коммуникант” становится условным, обобщенным. Он представлен вербальным портретом целевого объекта, содержание которого интегрирует описания группы людей. Участник эксперимента выполняет функцию реального “воспринимающего собеседника”, задача которого состоит в том, чтобы понять вербальный портрет, построенный по описаниям других людей, и распознать соответствующий этому вербальному портрету объект, который предъявляется либо в паре с другим объектом, либо среди набора аналогичных объектов.

Одним из примеров реализации первой из указанных ситуаций референтного общения (парного сравнения) является исследование особенностей восприятия звуков, в котором получены вербальные описания звуков закрывающихся автомобильных дверей. Из вербальных данных были выделены обобщенные дескрипторы, представляющие собой классификационную форму определенной характеристики целевого звука и использовавшиеся для построения вербальных портретов. Подробнее о выборе звуков, способах их записи, особенностях их классификации и общем дизайне экспериментов описано в работах [7; 16; 17]. Эти звуки представляли собой модели реальных ситуаций закрывания разных автомобильных дверей. Их бинауральная запись гарантировала воспроизведение естественной пространственной ситуации звучания и тем самым хороший эффект присутствия при прослушивании.

В экспериментах участникам попарно предъявлялись комбинации звуков закрывающихся дверей шести различных автомобилей. Задачей участника исследования было описать словами особенности звуков в предъявляемой паре и определить, в чем эти звуки сходны, а в чем различаются.

В исследовании участвовало 15 человек (9 женщин, 6 мужчин в возрасте от 21 до 39 лет, средний возраст 26 лет). Из текстов полученных вербализаций было выделено более 1400 вербальных единиц, послуживших основой для построения вербальных портретов каждого из шести звуков. В последующих экспериментах оценивались разные способы повышения информативности входящих в портрет дескрипторов и сокращения их количества [7; 16].

В результате были построены вербальные портреты, состоящие из четырех дескрипторов каждый (рис. 1).

При построении этих вербальных портретов ставилась задача использовать по возможности наиболее “отстраненные” дескрипторы каждого из звуков, без какого-либо указания на соотношение характеристик разных звуков между собой, как, например, в дескрипторе “дверь закрывается быстрее, чем другие”. В случае если один и тот же дескриптор присутствовал в описаниях разных звуков, то его значимость определялась положением в иерархии всех дескрипторов. Например, дескриптор “закрывается мягко” используется в обозначении звуков дверей № 1 и № 2, но для звука № 1 эта характеристика оказывается ведущей, а для звука № 2 — относительно второстепенной.

В практических задачах было показано, что вербальный портрет позволяет людям, не участвующим в экспериментах по его построению, осуществлять перцептивную реконструкцию в ситуации, аналогичной той, в которой были получены вербальные описания [4; 7; 16]. Были проведены эксперименты, в которых участникам предъявлялись поочередно вербальные портреты, показанные на рис. 1, и пары звуков, один из которых соответствовал показанному вербальному портрету.

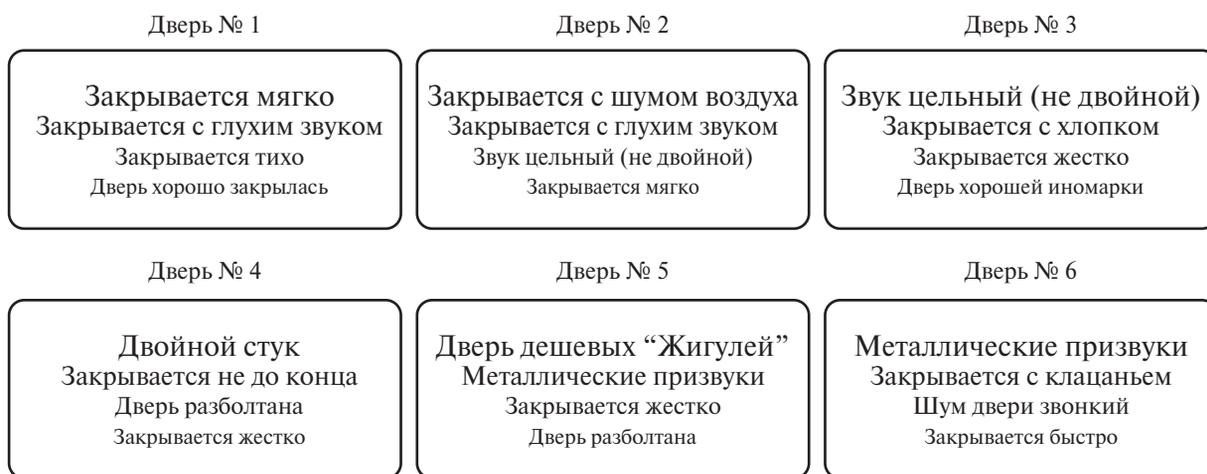

Рис. 1. Вербальные портреты звуков закрывающихся автомобильных дверей [7]

Слушателей просили выбрать, какой из двух звуков в паре (первый или второй) лучше соответствует вербальному портрету. То есть им предлагалось сделать выбор в ситуации попарного прослушивания звуков. Вербальные портреты предьявлялись на экране компьютера в виде иерархического списка дескрипторов. Регистрировались выбор, сделанный участником, и количество прослушиваний в каждой паре. Средние по группе участников показатели распознавания звука, соответствующего его вербальному портрету (Id_n), вычислялись следующим образом [7]:

$$Id_n = Nn/Np_n,$$

где Nn — количество правильных выборов соответствия звука n его вербальному портрету (p_n), а Np_n — количество пар звуков, при предьявлении которых демонстрировался вербальный портрет p_n .

Результаты экспериментов, проведенных на 31 участнике, показали, что содержание вербальных портретов давало слушателям возможность правильно идентифицировать соответствующие звуки со средней величиной Id , равной 0.83 (см. таблицу).

Как видно из таблицы, больше всего ошибок связано с предьявлением вербального портрета звука двери автомобиля № 3. Для этого звука показатель правильных идентификаций значимо ниже показателей идентификаций звуком дверей других автомобилей ($p < 0.0001$, *Mann–Whitney Rank Sum Test*). Именно этот звук, как следует из результатов классификации исходного экспериментального материала [17], является наиболее близким к двум другим звукам контекста (“Дверь 1”, “Дверь 2”). Однако перепутывания этого звука с другими звуками оказались распределенными достаточно равномерно. Количество правильных ответов вербального портрета звука № 3 именно этому звуку значимо превышает ($p < 0.001$) количество случаев, когда данный вербальный портрет связывался с любым другим звуком. Таким образом, результаты экспериментов подтвердили, что вербальные портреты, построенные по описаниям звука, сделанным одними людьми при его попарном сравнении с другими звуками, позволяют другим людям его правильно идентифицировать. Подчеркнем особенности процедуры, используемой в экспериментах на идентификацию звуков по их вербальным портретам: эта процедура обеспечивала “зеркальную реконструкцию” ситуации,

при которой был получен вербальный материал для построения вербальных портретов.

В экспериментах, обсуждаемых далее, проверялась, во-первых, возможность применения вербальных портретов, построенных по данным описаний, которые продуцировались при парном сравнении звуков, для распознавания целевого звука среди нескольких звуков данной категории (распознавание в контексте). Во-вторых, проверялась гипотеза о том, что информативность таких вербальных портретов может быть повышена за счет такой модификации формулировок дескрипторов, которая будет учитывать способы сравнения, характерные для ситуации выбора объектов из контекста.

МЕТОДИКА

В экспериментах использовались те же шесть звуков закрывающихся автомобильных дверей, которые применялись для построения вербальных портретов, показанных на рис. 1. Прослушивание бинауральной записи звуков осуществлялось в частично заглушенном помещении с использованием электростатических наушников *STAX SR-007* и согласованного с ними лампового усилителя. Участник сам управлял предьявлением звуков при помощи компьютерной программы. На экране компьютера были изображены шесть кнопок, щелкнув по которым можно было прослушать звук одной из шести закрывающихся дверей. Количество прослушиваний не ограничивалось. Одновременно демонстрировался в текстовой форме вербальный портрет одного из этих звуков (см. рис. 1). Участника просили определить, какому из шести звуков представленный вербальный портрет лучше всего соответствует. Свой ответ участник заносил в соответствующее поле на экране компьютера. Программа регистрировала ответы участников, а также количество прослушиваний каждого из звуков.

Для каждого из шести исходных вербальных портретов были проведены отдельные серии экспериментов с использованием независимых выборок участников. Всего в этих сериях экспериментов было задействовано 178 участников в возрасте от 19 до 59 лет, средний возраст 33 года. В выборках для экспериментов на идентификацию по вербальным портретам № 1, № 2, № 3, № 5 и № 6 было по 30 человек, в экспериментах с вербальным портретом № 4 — 28 человек. В результате статистического

Таблица. Идентификация звуков по вербальным портретам в ситуации их попарного прослушивания.

Тип звука	Дверь 1	Дверь 2	Дверь 3	Дверь 4	Дверь 5	Дверь 6
Средний показатель правильных идентификаций (Id_n)	0.87	0.92	0.53	0.88	0.86	0.89

анализа показатели распознавания рассчитывались как среднее по группе количество правильных идентификаций звука по его вербальному портрету:

$$Id_n = Nn/Ns,$$

где Nn — количество выборов соответствия звука n его вербальному портрету, а Ns — количество участников, которым предъявлялся вербальный портрет этого звука.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На рис. 2 можно сравнить результаты идентификации звуков по вербальным портретам в ситуации попарного прослушивания (в соответствии с таблицей) и в ситуации прослушивания искомого звука в контексте (средние по группе участники показатели правильной идентификации). Линии погрешности на рис. 2, а также на рис. 4 и 5 означают стандартное отклонение данных по каждой группе участников. Рисунок 2 показывает существенные различия в показателях идентификации между этими двумя ситуациями. Если в ситуации попарного прослушивания средний показатель правильных идентификаций равнялся 0.83, то в ситуации прослушивания в контексте он снизился до 0.48.

Наиболее сильное различие между двумя ситуациями идентификации касается звуков “Дверь 2” (0.92 — при попарном прослушивании, 0.25 — в ситуации прослушивания в контексте) и “Дверь 5”

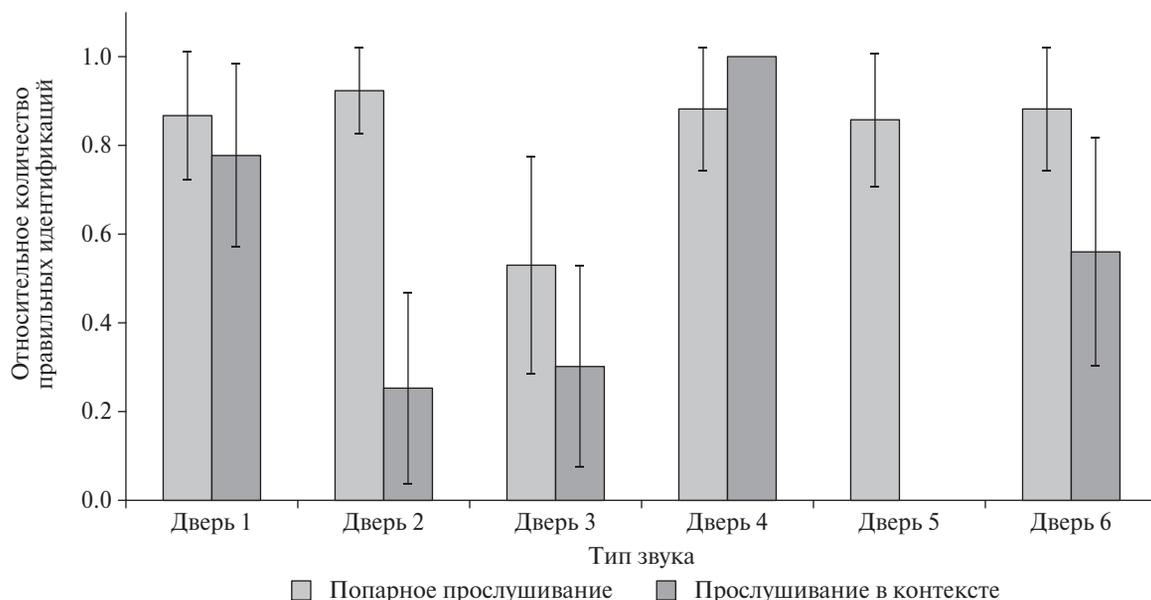
(0.86 — в ситуации попарного прослушивания, 0 — в ситуации прослушивания в контексте).

Этот результат потребовал более детального анализа исходного вербального материала с целью корректировки вербальных портретов таким образом, чтобы содержание и представление дескрипторов лучше учитывали специфику ситуации распознавания целевого объекта, находящегося в контексте нескольких аналогичных объектов.

Отметим, что исходные вербальные портреты содержали отличительные признаки, позволяющие относить к разным классам два сравниваемых объекта. Эта задача определялась самой процедурой получения вербальных данных, в рамках которой объекты для описания предъявлялись попарно, а каждая пара объектов и каждая вербальная единица в их описании являлись отдельными элементами “измерения” характеристик этих объектов.

Как показывают данные таблицы, вербальные портреты, построенные таким способом, оказались достаточно информативными для идентификации конкретного звука в ситуации попарного прослушивания, осуществляемого последовательно с каждым из звуков набора. Однако, как видно на рис. 2, для некоторых звуков содержание вербального портрета не позволяет сделать правильный выбор в ситуации предъявления целевого звука в контексте с другими звуками.

Мы провели корректировку дескрипторов этих вербальных портретов таким образом, чтобы учесть специфику сравнения объектов в ситуации их выбора из контекста. Подчеркнем, что при

Рис. 2. Идентификация звуков по вербальным портретам в ситуации попарного прослушивания и в ситуации прослушивания в контексте. Погрешности идентификации для ситуации прослушивания в контексте звука “Дверь 4” отсутствуют (100% правильных распознаваний), а для звука “Дверь 5” не показаны в связи с отсутствием данных (0% распознаваний).

корректировке вербальных портретов главная идея заключалась не в замене дескрипторов их синонимичными эквивалентами, а в поиске среди значимых вербальных единиц таких, которые будут способствовать применению способов сравнения, более характерных для ситуаций выбора из контекста объектов. В разделе “Обсуждение результатов” рассмотрены последовательно каждый из четырех дескрипторов для звуков “Дверь 2” и “Дверь 5” и показаны варианты их корректировки.

На рис. 3 представлены скорректированные вербальные портреты звуков (Дверь 2б и Дверь 5б) и исходные портреты этих же звуков (Дверь 2а и Дверь 5а). Отметим, что после оценки частотности использования вербальных единиц, обобщенных в новых

дескрипторах, произошло некоторое перераспределение их иерархии.

Для проверки эффекта изменений, произведенных в вербальных портретах, мы повторили эксперименты на идентификацию звуков “Дверь 2” и “Дверь 5” по скорректированным портретам, в которых использовалась бинауральная запись шести звуков закрывающихся автомобильных дверей. Для каждого из двух скорректированных портретов использовалась отдельная выборка участников по 30 человек в каждой (возрастом от 18 до 42 лет, средний возраст 27 лет).

На рис. 4 и 5 показаны результаты этих экспериментов. Сравнивались данные идентификаций при предъявлении исходного вербального портрета (№ 2а, № 5а) и скорректированного вербального

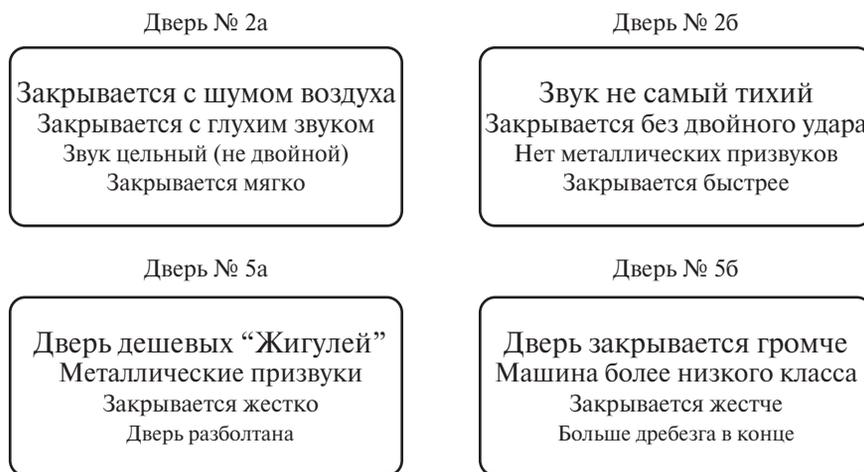

Рис. 3. Скорректированные (Дверь 2б и Дверь 5б) и исходные (Дверь 2а и Дверь 5а) вербальные портреты звуков

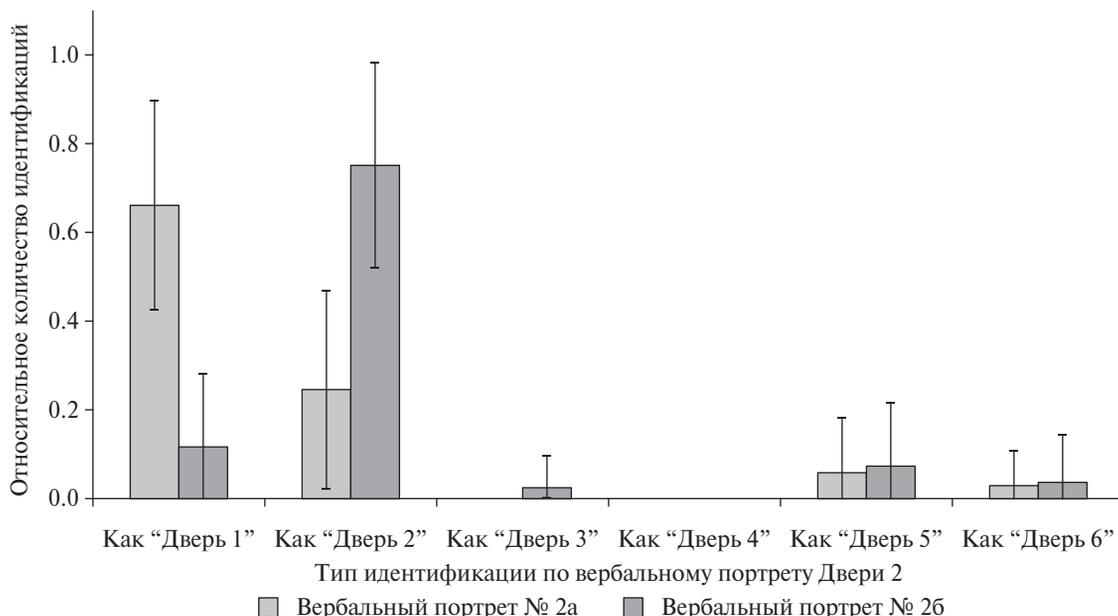
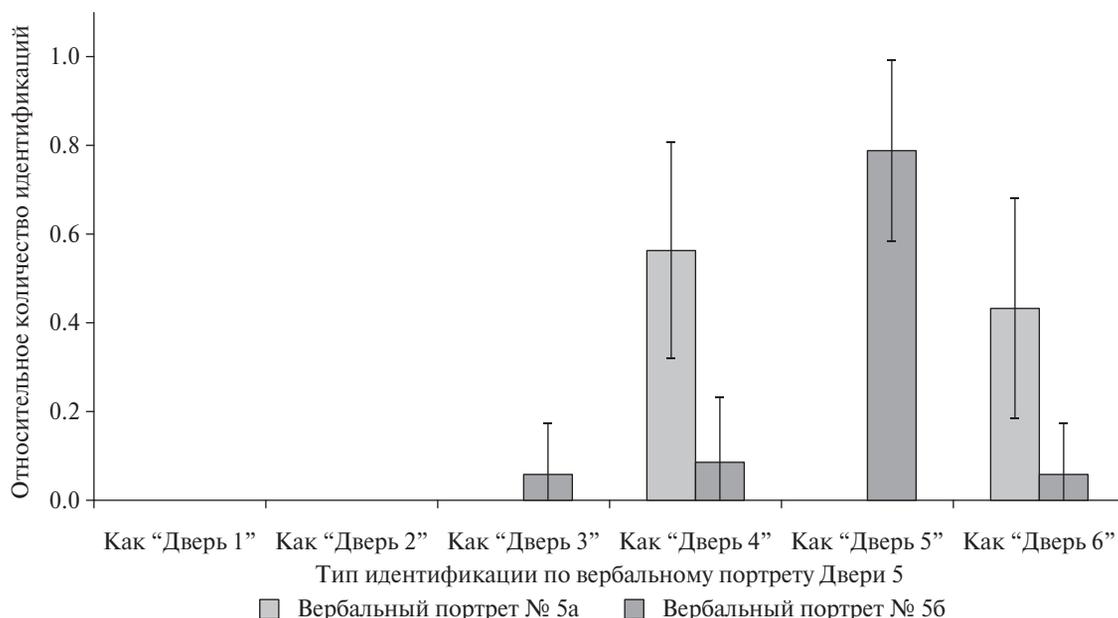

Рис. 4. Идентификация акустических событий по исходному и скорректированному вербальному портрету звука Двери 2 в ситуации прослушивания в контексте

Рис. 5. Идентификация акустических событий по исходному и по скорректированному вербальному портрету звука двери 5 в ситуации прослушивания в контексте.

портрета (№ 26, № 56). Эти рисунки также показывают, к каким звукам относятся ошибочные идентификации (например, по описанию № 2а чаще идентифицируется звук “Дверь 1”, а по описанию № 5а одинаково часто идентифицируются звуки “Дверь 4” и “Дверь 6”).

Можно видеть, что при использовании скорректированных вербальных портретов показатели идентификации существенно возросли по сравнению с исходными вербальными портретами: для звука “Дверь 2” этот показатель возрос с 0.25 до 0.75 (см. рис. 4), а для звука “Дверь 5” — с 0 до 0.79 (см. рис. 5).

Косвенным индикатором смены стратегии выбора целевого звука оказались данные о количестве прослушиваний разных звуков в процессе эксперимента. Так, для звука “Дверь 2” при предъявлении исходного вербального портрета (№ 2а) максимальное количество прослушиваний касалось звука “Дверь 1”, в отношении которого и было наибольшее количество ошибочных идентификаций (см. рис. 4). А при предъявлении скорректированного вербального портрета (№ 26) больше всего прослушивался именно представленный в портрете звук (“Дверь 2”). Аналогичная тенденция обнаруживается и при анализе данных, относящихся к идентификации звука “Дверь 5”: в случае исходного вербального портрета максимальное число прослушиваний распределено между звуками “Дверь 4” и “Дверь 6” (максимальное количество ошибочных идентификаций, см. рис. 5), а при скорректированном портрете максимум прослушиваний переместился на правильно идентифицируемый звук (“Дверь 5”).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В нашем исследовании экспериментально проверялась возможность применения вербальных портретов, построенных с использованием процедуры парного сравнения звуков, для распознавания по этим портретам звуков, предъявляемых в контексте других звуков данной категории. В предыдущих работах такая задача распознавания звуков по их вербальным портретам изучалась в ситуациях зеркального повторения процедуры, в которой были получены данные для построения вербальных портретов, т.е. процедуры парного сравнения. Однако в практическом плане интерес представляет также ситуация референтного общения, в которой человеку приходится выбирать нужный объект не из двух, а в контексте нескольких сходных объектов. Такое распознавание называется более приближенным к естественной ситуации.

Различие между двумя ситуациями распознавания по вербальному портрету заключается и в организационных возможностях проведения эмпирического исследования. Так, в процедуре парного сравнения минимальное количество предъявлений для оценки информативности вербальных портретов во всех их комбинациях (чтобы каждый объект мог оказаться “целевым”) будет равно $n(n - 1)$, где n — количество изучаемых объектов. Преимуществом такой процедуры распознавания является возможность предъявить участнику все стимульные комбинации во время одной экспериментальной сессии. Однако это предполагает относительно

большую длительность эксперимента (в наших экспериментах — до 45 мин).

В ситуации распознавания объекта в контексте в процессе экспериментальной сессии каждому участнику можно ставить задачу выбора только одного целевого объекта. Это означает, что для каждого из n объектов требуется независимая выборка участников. Преимуществом процедуры является небольшая длительность экспериментальной сессии (3–7 мин). Кроме того, в ситуации, когда предъявляется сразу весь контекст сходных объектов, один из которых целевой, при распознавании его на основе его вербального портрета редко осуществляется его последовательное попарное сравнение со всеми контекстными объектами. Здесь требуются другие способы сравнения, которые были выявлены и детально проанализированы в наших работах по изучению референтного общения [8; 10]. Мы предположили, что вербальный портрет, предназначенный для использования в ситуации распознавания объекта в контексте, будет более информативным, если будет содержать дескрипторы, которые способствуют применению различных способов сравнения предъявленных объектов, а не только поиска объекта, соответствующего отстраненному описанию целевого объекта.

Экспериментальный дизайн попарного сравнения необходим для выполнения условий получения адекватных дескрипторов для изучаемых объектов. При таком дизайне каждый объект одинаковое количество раз сравнивается с каждым другим объектом набора. Это гарантирует эксплицитность и контролируемость когнитивной операции сравнения, условия, на котором построен метод поэтапного анализа вербализаций для получения иерархически взвешенных дескрипторов [8]. Сравнивая объекты попарно, индивид может использовать несколько способов описания их различий, главные из которых — “классификационный” и “градуальный”. При **классификационном способе** вербального сравнения описывается **конкретная особенность**, отличающая один из объектов от другого. В этом случае соответствующая вербальная единица относится только к этому объекту. Например, вербальная единица “*вибрация*”, полученная из текста “*слышу вибрацию первой двери (№ 2)*”, рассматривается в соответствующей паре звуков только как характеристика звука № 2. **Градуальный способ** вербального сравнения используется, если два объекта различаются степенью присутствия **одной и той же** характеристики; при этом соответствующая вербальная единица приписывается каждому из объектов с указанием ее направленности. Например, текст “*первая дверь (№ 2) закрывается*

громче, чем вторая (№ 5)” характеризует оба звука. Соответственно, выделяются две вербальные единицы: “*закрывается громче*” (относится к звуку № 2) и “*закрывается тише*” (звук № 5).

В наших предыдущих экспериментальных исследованиях было показано, что особенности применения разных способов вербального сравнения при описании различия объектов свидетельствуют о воспринимаемой величине их различия [4; 8; 9]. Чем чаще используется классификационный способ, тем более разными воспринимаются сравниваемые объекты, а частое применение градуального способа, наоборот, говорит о большей вероятности низкой субъективной оценки различия. Соответственно, при построении вербальных портретов мы стремились формировать дескрипторы, которые характеризуют наибольшее различие сравниваемых объектов (т.е. содержание которых будет способствовать отнесению сравниваемых при идентификации объектов к разным классам, один из которых характеризует целевой объект). Поэтому, как показано на рис. 1, окончательная формулировка дескриптора всегда представлялась в классификационной форме (“*закрывается мягко*”), хотя для оценки его “веса” в совокупности дескрипторов использовались не только классификационные вербальные единицы, но и градуальные. Например, общий “вес” дескриптора “*закрывается мягко*” для вербального портрета звука № 1 составлен из описаний его различия классификационного типа во всех парах сравниваемых звуков (“*первая дверь закрывается мягко, а вторая с щелчком*”) и из описаний различия градуального типа (“*первая дверь закрывается мягче, чем вторая*”).

Более сложной оказывается экспериментальная ситуация, в которой выбор целевого объекта осуществляется в контексте всего набора возможных альтернатив. Эта ситуация была нами изучена при экспериментальном моделировании процесса референтного общения с задачей описать и выбрать сложные объекты разной модальности, среди которых были и звуки, используемые в данном исследовании [10]. В эксперименте двум участникам предъявлялся одинаковый набор объектов. Один из участников должен был описать указанный экспериментатором объект так, чтобы его партнер мог найти этот целевой объект в контексте других объектов. Каждый участник мог видеть или слышать только свой набор объектов. Результаты экспериментов показали, что для определения характеристик целевого объекта участники использовали более разнообразные вербально-коммуникативные способы передачи информации о целевом референте, чем в ситуации попарного сравнения.

Эмпирическая классификация этих способов представлена в работе Е.С. Самойленко [8].

Что касается звуков, то достаточно распространенными оказались способы “сравнение целевого объекта с классом объектов контекста” и “исключение из класса объектов контекста” (примеры вербализаций даны в статье [10]). При использовании этих способов задача идентификации описываемого звука решалась более успешно (т.е. не требовала дополнительной коммуникации между участниками), чем в случае простого описания целевого объекта. Учитывая эти результаты, мы скорректировали вербальные портреты звуков “Дверь 2” и “Дверь 5” (см. рис. 1, 3), для которых обнаружились наибольшие различия в показателях идентификации между ситуациями парного сравнения и прослушивания в контексте.

Корректировка вербального портрета заключалась в замене дескрипторов целевого звука на другие дескрипторы, которые, оставаясь статистически значимыми, больше соответствуют способам сравнения, характерным для ситуации выбора из контекста. Напомним, что для отнесения дескриптора к категории значимых использовались данные о частотах преимущественного употребления соответствующих вербальных единиц противоположной направленности (например, “звонкий” и “глухой”) [7]. Таким образом был проведен дополнительный анализ содержания вербальных портретов проблемных звуков (“Дверь 2” и “Дверь 5”) и вербальных единиц, на базе которых построены дескрипторы этих вербальных портретов. В результате были отобраны вербальные единицы, относящиеся к значимым, но описывающие разные способы сравнения с объектами контекста, а не только отдельные характеристики целевого объекта. Прежде всего внимание фокусировалось на таких вербальных единицах, которые отражают сравнение целевого объекта с контекстом и/или исключение из класса объектов контекста. Были проведены следующие изменения.

Вербальный портрет звука “Дверь 2”

Как видно на рис. 1, для этого звука наиболее значимым является дескриптор “закрывается с шумом воздуха”. Этот дескриптор представляет собой описание целевого объекта, выраженное в классификационной форме. Именно поэтому ему было отдано предпочтение при выборе из других значимых по частотности использования вербальных единиц. Вместе с тем среди значимых оказались и вербальные единицы, которые, не являясь семантическим эквивалентом данному дескриптору, показывали отношение описываемого звука к другим

звукам контекста. Наиболее частотной оказалась характеристика громкости, вербальные единицы которой были представлены более чем в 65% случаев градуальной формой (“менее громкий”, “более тихий”), а случаи применения классификационной формы показывали скорее исключение из некоторого класса звуков (звук “не тихий”). Именно такая форма описания оказалась информативной в уже упоминавшихся исследованиях референтного общения. Поэтому мы сочли возможным заменить дескриптор, который является отдельной характеристикой звука “Дверь 2” (“закрывается с шумом воздуха”) на дескриптор другой (но столь же значимой) семантической группы (“громкость”), использование которого в ситуации выбора из контекста будет способствовать сравнению целевого звука со звуками контекста. Синтезом значений вербальных единиц, входящих в эту семантическую группу, стал дескриптор “звук не самый тихий”. Содержание этого дескриптора является одновременно указанием на класс звука по параметру громкости (звук скорее тихий) и на его место внутри этого класса (не самый тихий).

Следующим в иерархии вербального портрета звука “Дверь 2” является дескриптор “закрывается с глухим звуком”. Это также классификационная форма описания отдельной характеристики целевого звука. Семантическая группа, лежащая в основе этого дескриптора, включает не только описательные классификационные и градуальные вербальные единицы (“глухой”, “не звонкий”, “менее звонкий”), но и вербальные единицы, позволяющие отделить звук от класса звуков, обладающих некоторым общим признаком (“без металлических призвуков”, “не металлический”, “без металла”). Обобщенной формулировкой может быть дескриптор “нет металлических призвуков”, способствующий, по нашему мнению, использованию такого способа сравнения, как “исключение из класса”.

Третий дескриптор исходного вербального портрета — “звук цельный (не двойной)”. Он содержит две части, одну из которых легко трансформировать в форму, позволяющую использовать способ “исключение из класса”. Анализ вербальных единиц, обобщенных формулировкой “звук не двойной”, показал, что они содержали, в частности, более развернутые описания, как, например, “дверь закрывается без двойного удара”, “нет двойного стука”, “нет двойного хлопка” и т.п. Мы сочли возможным отметить в скорректированном дескрипторе именно эту специфику (“закрывается без двойного удара”), чтобы помочь слушателю исключить описываемый звук из класса звуков, в которых слышится двойной удар.

Наименее значимой характеристикой исходного вербального портрета являлся дескриптор “*закрывается мягко*”. Он был составлен из вербальных единиц преимущественно классификационного типа. Для скорректированного вербального портрета была выбрана характеристика из другой семантической группы, которая находится на том же уровне значимости и используется преимущественно в градуальной форме (“*закрывается быстрее*”). Такой дескриптор должен способствовать применению способа “*сравнение с классами объектов*”.

Вербальный портрет звука “Дверь 5”

Для этого звука наиболее отличительным был дескриптор “*дверь дешевых “Жигулей”*” (классификационная форма описания целевого объекта). Для скорректированного вербального портрета была выбрана более обобщенная формулировка (“машина более низкого класса”), которая способствует использованию способа “*сравнение с классами объектов контекста*”, а не поиску объекта, обладающего только данным конкретным признаком.

Аналогично дескриптор, относящийся целевой референт к классу “*металлические призвуки*”, был заменен на дескриптор “*больше дребезга в конце*”, выбранный из вербальных единиц той же семантической группы, но способствующий сравнению применительно к классу объектов, а не выявлению некоторой уникальной характеристики звука.

Дескриптор “*закрывается жестко*” (классификационная форма описания целевого референта) также переформулирован таким образом, чтобы способствовать сравнению с классами объектов (“*закрывается жестче*”).

Последний дескриптор “*дверь разболтана*”, который отражает уникальную специфику только звука “Дверь 5”, был заменен на характеристику другой семантической группы (“*громкость*”). Вербальные единицы этой группы оказались настолько же значимыми по частотности, но использовались преимущественно в градуальной форме, что позволило нам выбрать формулировку “*дверь закрывается громче*” (способ “*сравнение с классами объектов*”).

Таким образом, подтвердилось, что ситуация идентификации в рамках всего контекста сравниваемых объектов требует более тщательного выбора дескрипторов для их описаний. Эмпирическая классификация способов сравнения в ситуации референтного общения [8] оказалась эффективным инструментом для построения адекватных вербальных портретов.

Полученные результаты позволили нам сформулировать некоторые принципы формирования дескрипторов для вербального портрета, предназначенного для передачи информации об объекте, который необходимо выбрать из контекста аналогичных. Речь идет о такой формулировке дескриптора, которая будет отражать способы сравнения и описания объектов, которые характерны именно для ситуации восприятия объектов в контексте аналогичных (а не для ситуации сравнения только двух объектов, из которых один является целевым). Как мы уже показали, процедура парного сравнения необходима для построения исходных вербальных портретов, поскольку только в такой процедуре возможно выполнить основное условие получения адекватных вербализаций — сравнение каждого изучаемого объекта с каждым [6; 8; 18]. В таких условиях получают сбалансированные вербальные данные относительно каждого из изучаемых объектов, что позволяет количественно сопоставить их характеристики. Но обнаружилось, что такие исходные вербальные портреты не всегда оказываются достаточно информативными для однозначного выбора представленного портретом объекта из набора других объектов. Необходима дополнительная корректировка дескрипторов вербальных портретов, которая, как показали наши эксперименты, может позволить повысить качество передаваемой в вербальном портрете информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье обсуждались результаты экспериментов, направленных на определение таких способов построения вербальных портретов, которые обеспечивают адекватное распознавание людьми звуков, характеристики которых заложены в соответствующих вербальных портретах. Было показано, что в зависимости от конкретных задач исследования необходим определенный компромисс в выборе метода получения исходных вербальных данных и процедур оценки их адекватности. Мы постарались показать возможность компромисса между двумя способами построения вербальных портретов. Он заключается в том, что основа вербального портрета закладывается при обработке данных, полученных в процедуре парного сравнения объектов. Выбранные для этой процедуры критерии позволяют получить достаточный объем статистически значимых признаков объекта, при этом остается возможность их корректировки или замены без потери значимости.

Полученные эмпирические результаты дают основания для установления определенной после-

довательности этапов выбора способа описания (дескриптора “X”) на основании вербальных данных, полученных в ситуации парного сравнения.

Этап 1. Анализ соотношения показателей использования дескриптора “X” для обозначения сходства (Nx_{sim}) или различия (Nx_{dif}). Дескриптор “X” (например, дескриптор “звук громкий”, выделенный из описания “первый звук громкий”) включается в вербальный портрет, если соблюдено условие $Nx_{dif} > Nx_{sim}$ ($p < 0.05$). Включение в вербальный портрет дескрипторов, обозначающих сходство сравниваемых объектов (например, “оба звука громкие”), будет приводить к снижению “оригинальности” вербального портрета.

Этап 2. Среди описаний, характеризующих различия (*dif*), анализируется соотношение показателей использования дескриптора “X” в градуальной (Nx_{gra}) или классификационной (Nx_{cla}) форме. Если $Nx_{cla} > Nx_{gra}$ ($p < 0.05$), то для вербального портрета выбирается термин “X” (например, “звук неприятный”). Если $Nx_{cla} < Nx_{gra}$ ($p < 0.05$), то для вербального портрета выбирается термин “более (менее) X” (например, “звук более неприятный”).

Этап 3. Среди описаний, характеризующих различия (*dif*), анализируется соотношение присутствия характеристики, обозначаемой дескриптором “X” (Nx_{yes}), или ее отсутствия (Nx_{no}). Дескриптор “X” (например, “слышны металлические призвуки”) оставляется в вербальном портрете, если $Nx_{yes} > Nx_{no}$ ($p < 0.05$). Негативный эквивалент дескриптора “X” (например, “нет металлических призвуков”) оставляется в вербальном портрете, если $Nx_{yes} < Nx_{no}$ ($p < 0.05$).

Таким образом, предлагаемые принципы корректировки или замены дескрипторов вербального портрета заключаются прежде всего в изменении их формулировки, не только позволяющей искать объект, соответствующий той или иной характеристике, но и побуждающей сравнивать, группировать и отбрасывать объекты внутри данного набора. Экспериментальная проверка применения этих принципов показала возможность повышения информативности вербальных портретов, скорректированных таким образом. Нам представляется, что такой подход дает перспективу дальнейшей операционализации методов анализа текстов с целью создания вербальных портретов, которые позволят людям адекватно обмениваться содержанием воспринимаемого качества окружающих их объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ломов Б.Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психологический журнал. 1980. № 5. С. 26–42.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
3. Носуленко В.Н. Психофизика восприятия естественной среды. Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2004.
4. Носуленко В.Н. Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
5. Носуленко В.Н., Самойленко Е.С. Индуктивный анализ в рамках перцептивно-коммуникативного подхода // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы / Под ред. А.В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 366–370.
6. Носуленко В.Н., Самойленко Е.С. “Познание и общение”: системная исследовательская парадигма // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 5–16.
7. Носуленко В.Н., Самойленко Е.С. Реконструкция воспринимаемого качества акустического события по его вербальным описаниям // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 3. С. 74–82.
8. Самойленко Е.С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
9. Самойленко Е.С., Носуленко В.Н., Мелкумян Т.А. Роль вербально выраженного сравнения объектов в субъективной оценке степени их сходства // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3. № 3. С. 93–109.
10. Самойленко Е.С., Носуленко В.Н., Старикова И.В. Феномен сравнения в процессе референтного общения // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 39–62.
11. Теплов Б.М. Об объективном методе в психологии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952.
12. Krauss R.M., Chiu C.-Y. Language and social behavior / Eds. D. Gilbert, S. Fiske, G. Lindsey // Handbook of Social Psychology. V. 2. P. 41–88. Boston: McGraw-Hill, 1998.
13. Krauss R.M., Weinheimer S. Changes in reference phrases as a function of frequency of usage in social interaction // Psychonomic Science. 1964. № 1. P. 113–114.
14. Krauss R.M., Weinheimer S. Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. V. 4. № 3. P. 343–346.
15. Krauss R.M., Weinheimer S. Effect of referent similarity and communication mode on verbal encoding // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1967. V. 6. № 3. P. 359–363.

16. *Nosulenko V., Parizet E., Samoylenko E.* Identification des bruits des portes des véhicules selon leurs portraits verbaux // CFA 2014, Poitiers, 2014. P. 651–657.
17. *Parizet E., Guyader E., Nosulenko V.* Analysis of car door closing sound quality // Applied Acoustics. 2008. № 69 (1). P. 12–22.
18. *Samoylenko E., McAdams S., Nosulenko V.* Systematic analysis of verbalizations produced in comparing musical timbres // International Journal of Psychology. 1996. № 31 (6). P. 255–278.

RECOGNITION OF COMPLEX SOUNDS BY THEIR VERBAL PORTRAITS²

V. N. Nosulenko*, E. S. Samoylenko**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

**ScD (Psychology), Chief Researcher, Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology.
E-mail: valery.nosulenko@ipras.ru*

***ScD (Psychology), Chief Researcher, Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology.
E-mail: elena.samoylenko@ipras.ru*

Received 14.04.2020

Abstract. We study the principles of constructing such descriptions (verbal portraits) of perceived complex sounds that would allow other people to recognize these sounds. In the framework of the approach of the perceived quality of the natural environment, a statement has been formulated that the source of information about subjectively significant characteristics of objects is free verbalizations obtained by the perception and comparison of different objects. Experiments were performed to recognize sounds by their verbal portraits in two situations (when pairwise listening and when listening in context). It is shown that a verbal portrait of sound, constructed according to its pairwise comparison with other sounds, turns out to be quite informative when it is recognized in a situation of listening to it paired with another sound. At the same time, in a situation of sound recognition when listening to it in the context of more than two similar sounds, such verbal portraits turned out to be much less informative. The principles of adjusting descriptors in verbal portraits are proposed, which are based on such changes in descriptor wording that will facilitate the use of a comparison method that is typical for the perception of an object in a similar context, and not for its pairwise listening situation. The effectiveness of such descriptor changes has been experimentally proven.

Keywords: perception, sound, communication, comparison, free verbalizations, perceived quality, verbal portrait, perceptual reconstruction.

REFERENCES

1. *Lomov B.F.* Osobennosti poznavatel'nykh protsessov v usloviyakh obcheniya. *Psikhologicheskii zurnal*. 1980. № 5. P. 26–42. (In Russian)
2. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problem psihologii. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian).
3. *Nosulenko V.N.* Psihofizika vospriyatija estestvennoj sredy. Diss. ... d-ra psihol. nauk. Moscow: Institut psihologii RAN, 2004. (In Russian)
4. *Nosulenko V.N.* Psihofizika vospriyatija estestvennoj sredy. Problema vosprinimaemogo kachestva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. (In Russian)
5. *Nosulenko V.N., Samoylenko E.S.* Induktivnyj analiz v ramkah perceptivno-kommunikativnogo podhoda. Aktual'nye problem teoreticheskoy i prikladnoj psihologii: tradicii i perspektivy. Ed. A.V. Karpova. Jaroslavl': JarGU, 2011. P. 366–370. (In Russian)
6. *Nosulenko V.N., Samoylenko E.S.* "Poznanie i obshhenie": sistemnaja issledovatel'skaja paradig. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012. V. 33. № 4. P. 5–16. (In Russian).
7. *Nosulenko V.N., Samoylenko E.S.* Rekonstrukcija vosprinimaemogo kachestva akusticheskogo sobytija po ego verbal'nym opisaniyam. *Jeksperimental'naja psihologija*, 2013. V. 6. № 3. P. 74–82. (In Russian)

² The study was carried out within the framework of the State Assignment, project No. 0159-2020-0009 "Multidimensionality of cognitive processes in communication". Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

8. *Samoylenko E.S.* Problemy sravnenija v psihologicheskom issledovanii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (In Russian)
9. *Samoylenko E.S., Nosulenko V.N., Melkumyan T.A.* Rol' verbal'no vyrazhennogo sravnenia ob'ektov v sub'ektivnoj otsenke stepeni ikhskhodstva. Eksperimental'naya psihologiya. 2010. V. 3. № 3. P. 93–109. (In Russian)
10. *Samoylenko E.S., Nosulenko V.N., Starikova I.V.* Fenomen sravnenija v processe referentnogo obshhenija. Eksperimental'naya psihologiya, 2012. V. 5. № 2. P. 39–62. (In Russian)
11. *Teplov B.M.* Ob ob'ektivnom metode v psihologii. Moscow: Izd-vo "APN RSFSR", 1952. (In Russian)
12. *Krauss R.M., Chiu C.-Y.* Language and Social Behavior. Eds. D. Gilbert, S. Fiske, G. Lindsey. Handbook of Social Psychology. V. 2. P. 41–88. Boston: McGraw-Hill, 1998.
13. *Krauss R.M., Weinheimer S.* Changes in reference phrases as a function of frequency of usage in social interaction. Psychonomic Science. 1964. № 1. P. 113–114.
14. *Krauss R.M., Weinheimer S.* Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication. Journal of Personality and Social Psychology. 1966. V. 4. № 3. P. 343–346.
15. *Krauss R.M., Weinheimer S.* Effect of referent similarity and communication mode on verbal encoding. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1967. V. 6. № 3. P. 359–363.
16. *Nosulenko V., Parizet E., Samoylenko E.* Identification des bruits des portes des véhicules selon leurs portraits verbaux. CFA 2014, Poitiers, 2014. P. 651–657.
17. *Parizet E., Guyader E., Nosulenko V.* Analysis of car door closing sound quality. Applied Acoustics. 2008. № 69 (1). P. 12–22.
18. *Samoylenko E., McAdams S., Nosulenko V.* Systematic analysis of verbalizations produced in comparing musical timbres. International Journal of Psychology. 1996. № 31 (6). P. 255–278.

УДК 159.9:33

ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗАВИСТИ¹

© 2020 г. Р. М. Шамионов^{1,*}, Т. В. Бескова^{2,**}

¹ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»;
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Россия.

²ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;
410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития.

E-mail: shamionov@mail.ru

**Кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики.

E-mail: tatbeskova@yandex.ru

Поступила 02.04.2019

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении соотношения экономико-психологических характеристик личности и завистливости. Проверялась гипотеза о том, что соотношение экономико-психологических характеристик личности и завистливости имеет двойственную направленность, характеризуя противоположную направленность связей для разных видов зависти — ситуативной и стабильной. В исследовании приняли участие 196 человек (86 мужчин) в возрасте от 18 до 48 лет ($M = 28.6$; $SD = 8.5$). Для оценки завистливости и экономико-психологических характеристик личности использовались: методика диагностики завистливости личности и предметных областей зависти (Т.В. Бескова); «Денежная шкала убеждений и поведения» А. Фернама (в адаптации М.Ю. Семенова); опросник субъективного экономического благополучия В.А. Хашенко; опросник «Нравственная оценка денег» Е.И. Горбачевой и А.Б. Купрейченко. Были выявлены противоречивые взаимосвязи между завистливостью и отношением к деньгам: у завистливых людей наблюдаются как позитивное отношение к деньгам, внимание к ним, умение управлять ими, восприятие их как символа независимости и власти, так и тревожность, напряжение из-за денег и негативное отношение к деньгам. Для завистливых также выявлена повышенная психотерапевтическая функция денег. Установлена двойственная природа зависти, формы которой по-разному связаны с экономико-психологическими характеристиками. В результате структурного моделирования показано, что завистливость как относительно стабильное личностное качество является предиктором для негативных переживаний, связанных с деньгами: негативных эмоций и тревоги, а также предиктором вариаций нравственно-этического отношения к деньгам и реализации их терапевтической функции. Предметная зависть как ситуативное образование является переменной, в предикцию которой вносят вклад такие характеристики, как отношение к деньгам и нравственная оценка денег.

Ключевые слова: личность, зависть, завистливость, доход, субъективный экономический статус, материальное благополучие, зависть-неприязнь, зависть-уныние.

DOI: 10.31857/S020595920010389-3

Экономические детерминанты и эффекты зависти являются, пожалуй, одним из наиболее актуальных вопросов в исследованиях межличностных отношений. Это связано с фундаментальным свойством зависти «отобрать», нивелировать превосходство другого в той или иной области. Применительно к экономическим характеристикам это свойство становится весьма явным и влекущим

за собой вполне реальные поведенческие феномены, в результате которых возможно причинение материального прямого или непрямого вреда, иногда скрытого (например, в виде испорченной экономической репутации) [3; 4; 6; 12; 18]. В связи с этим исследование связи экономико-психологических характеристик личности и зависти является важной задачей социальной и экономической психологии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00134А.

Исследования ряда авторов, выполненные в последние годы, свидетельствуют о живом интересе

к изучаемому вопросу. В работе Т.В. Бесковой было показано, что зависть вызывают именно те предметы (превосходства), ценность и значимость которых весьма велика для субъекта зависти [2]. Значимость экономического статуса, финансов, экономического благополучия может стать основанием для появления чувства зависти в отношении конкретного человека. Однако, по нашему мнению, для этого должны быть определенные условия в виде стабильного личностного образования — завистливости. В случае низкого уровня завистливости в единстве с этической направленностью личности никакая значимость предмета не может “всколыхнуть” ситуативную зависть и тем более реализовать ее на поведенческом уровне.

Несмотря на недостаточно ясную природу зависти, ее относительно раннее проявление и значительное влияние на отношения человека к другим, их достижениям и потерям ставят вопрос о соотношении зависти и экономико-психологических характеристик личности на уровень важнейших для социально-психологического анализа.

Авторы известной работы о зависти В.С. Мухина и А.А. Хвостов [10] приходят к выводу, что зависть провоцирует человека на поступки. Таким образом, зависть не сама по себе, а ее поведенческие эффекты являются наиболее опасными с точки зрения межличностных взаимодействий. Это же относится к экономическому статусу субъекта и другим важным индикаторам превосходства. Данный вопрос не является простым. В современных условиях весьма высокого уровня дифференциации в области материального отношение к его признакам (деньгам, экономическому статусу, иным объективным и субъективным признакам и т.п.) становится важнейшим с точки зрения экономического развития общества. Однако поведенческие эффекты зависти (например, отобрать, нанести вред другому) могут быть блокированы благодаря социальной конгруэнтности и просоциальным установкам [25; 26].

Исследования соотношения завистливости и отношения к деньгам, к материальному превосходству другого в условиях капиталистического устройства общественных отношений является достаточно важной проблемой для психологического исследования. В связи с этим научные работы, посвященные зависти, часто затрагивают вопрос об экономических отношениях личности — экономические отношения рассматриваются либо как объект зависти, либо как влияющий (опосредующий) фактор. Так, изменения социального статуса контактирующих лиц в связи с резкой дифференциацией экономического благосостояния

способны становиться фактором всплеска зависти [9; 12; 21; 24; 27]. Существенным фактором зависти является и жадность [22], склонность при распределении ориентироваться на собственные потребности и “свою” шкалу справедливости. При этом предпочтения людей жить в обществе с равными или неравными доходами (распределением) весьма слабо связаны с завистливостью [20]. Тем не менее важным обстоятельством является то, что зависть выступает критерием процедур распределения в экономической теории [19].

Л.М. Попов и Н.В. Горшенина отмечают, что низкий уровень завистливости связан с деловой активностью, а высокий уровень — с низкой активностью [13]. Иначе говоря, завистливость блокирует саму возможность достижений, что, очевидно, распространяется и на экономические отношения. Однако это, вероятнее всего, относится к правовым формам достижений. В наших исследованиях [23] было показано, что социально-экономические представления завистливой личности сосредоточены вокруг атрибуции значения денег как способа реализации социальных потребностей (власть, свобода) и обретения смысла, а также доступа к противозаконным способам достижения экономического благополучия, рискованности в условиях опасности и отказа от рискованной активности в отношении своего имущества (независтливая личность чаще отказывается от риска во взаимоотношениях с другими). Иначе говоря, завистливость неоднозначно связана с экономическими отношениями личности. Желание обладать благами в столкновении с высоким экономическим статусом (значимого) другого может, с одной стороны, послужить основой зависти (в случае негативного результата социального сравнения), с другой — вызвать активность, направленную на риск или неправомерные действия, связанные с достижением материального статуса или направленные на нивелирование неравенства (например, путем воздействия на те или иные признаки превосходства другого, не обязательно относящегося к его материальному статусу). Наконец, разное отношение к материальным благам может по-разному быть связано с завистливостью личности. В связи с этим необходимо определить, каким образом связаны экономико-психологические характеристики личности и ее завистливость.

Цель данного исследования заключается в изучении связей между экономико-психологическими характеристиками личности и завистью.

Задачи исследования:

1) изучить взаимосвязи между выраженностью у людей той или иной формы зависти и показателями денежной шкалы убеждений и поведения, их

субъективным экономическим благополучием и нравственно-этическим отношением людей к деньгам;

2) провести регрессионный анализ (пошаговый метод), включив в качестве зависимой переменной показатели зависти, а независимых — экономико-психологические характеристики личности;

3) на основе метода структурного моделирования проанализировать направленность связей между изучаемыми показателями и установить роль зависти в отношении к деньгам как “стабильной” личностной характеристики и роль отношения к деньгам при ситуативной (предметной) зависти.

Предполагается наличие множественных связей между показателями зависти и экономико-психологическими характеристиками личности. Их специфика (направленность) может быть определена с помощью структурного моделирования. Стабильная (зависть-неприязнь и зависть-уныние) и ситуативная (предметная) зависть может иметь различные взаимосвязи с экономико-психологическими характеристиками личности.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие 196 человек обоего пола в возрасте от 18 до 48 лет. Средний возраст составил 28.6 года, $SD = 8.5$ (44% мужчин). Жителей города — 85%, села — 13.8%. Женаты/замужем 54.4%. Средний доход на человека в семье составляет 18.4 тыс. руб., по интервалам: до 10 тыс. руб. — 26%, 11–20 тыс. — 48.5%, 21–30 тыс. — 16.3%, 31–40 тыс. — 3.6%, более 41 тыс. — 4.1%.

Для оценки отношения к деньгам была использована “Денежная шкала убеждений и поведения” А. Фернама (в адаптации М.Ю. Семенова) [14]. Опросник включает 45 пунктов, распределенных по пяти шкалам: 1) Позитивное и рациональное отношение к деньгам. Искусство управлять деньгами; 2) Фиксация на деньгах. Мотив экономии; 3) Тревожность из-за денег. Мотив финансовой безопасности; 4) Негативные эмоции по отношению к деньгам. Напряжение из-за денег; 5) Терапевтическая функция денег, деньги как удовольствие или лекарство. Пункты оценивались от 1 до 7, где 1 означает “совершенно не согласен”, а 7 — “полностью согласен”. Все шкалы показали достаточный уровень внутренней согласованности: α Cronbach = 0.75–0.79; χ^2 Friedman = 208.15; $p < 0.001$.

Для оценки ассоциаций, связанных с деньгами, использовался опросник “Нравственная оценка денег” Е.И. Горбачевой и А.Б. Купрейченко [5].

Респондентам было предложено оценить, в какой степени в их представлениях понятие “деньги” связано с перечисленными понятиями (было предложено 15 нравственных категорий: Правдивость, Беспринципность, Ответственность, Достижения, Справедливость, Свобода, Здоровье, Терпимость, Зависимость, Комфорт, Развлечения, Цинизм, Власть, Сила, Безопасность), используя шкалу от 1 до 5, где 1 — степень связи самая низкая, 5 — степень связи самая высокая.

Для оценки параметров субъективного экономического благополучия была использована методика В.А. Хашенко [15]. Методика позволяет оценить характеристики экономического благополучия по ряду параметров: 1) Экономический оптимизм; 2) Благостояние семьи; 3) Финансовая депривированность (низкие значения показателей свидетельствуют о высокой финансовой депривированности, соответствующей низкому уровню субъективного экономического благополучия); 4) Субъективная адекватность дохода; 5) Экономическая тревожность (низкие значения показателей свидетельствуют о высокой экономической тревожности, соответствующей низкому уровню субъективного экономического благополучия). Все шкалы показали достаточный уровень внутренней согласованности: α Cronbach = 0.68–0.83; χ^2 Friedman = 215.09; $p < 0.001$.

Для исследования завистливости личности была использована “Методика диагностики зависти” Т.В. Бесковой [1] (47 пунктов), которая состоит из четырех шкал: интегральной оценки завистливости (32 пункта, максимальный балл 128); зависти-неприязни (ЗН) (17 пунктов, максимальный балл 68); зависти-уныния (ЗУ) (15 пунктов, максимальный балл 60); маскировки зависти (15 пунктов, максимальный балл 60). Данные по последней шкале не были использованы в процессе анализа. Пункты оценивались по 5-балльной шкале (0 — полностью не согласен, 4 — полностью согласен). Все шкалы показали достаточный уровень внутренней согласованности: α Cronbach = 0.67–0.90; χ^2 Friedman = 36.13; $p < 0.001$.

Также использовались шкалы косвенной оценки зависти Т.В. Бесковой [1], на основе которых завистливость измерялась по отношению к разным сферам превосходства другого (физическое, социальное, материальное превосходство, в профессиональной сфере (карьера), в сфере межличностных и семейных отношений и т.д.). Была использована 5-балльная шкала, в которой 1 — “не завидую никогда”; 2 — “в основном не завидую”; 3 — “затрудняюсь ответить”; 4 — “завидую”; 5 — “сильно завидую”. Все шкалы показали достаточный уровень

внутренней согласованности: α Cronbach = 0.88–0.89; χ^2 Friedman = 143.003; $p < 0.001$. Социально-демографические показатели (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, доход, место проживания) и религиозность выявлялись с помощью разработанной анкеты.

Все показатели были проверены на нормальность распределения по методу Колмогорова—Смирнова. Показатели критерия Колмогорова—Смирнова дали положительный результат ($p > 0.05$), свидетельствующий о предположительном соответствии эмпирических распределений нормальному распределению.

Для статистического анализа были использованы первичные статистики, корреляционный анализ по методу Пирсона, предварительный регрессионный анализ из статистического пакета IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO. Структурное моделирование проведено с использованием встроенной в данный пакет программы AMOS.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Значения корреляций, представленные в табл. 1, свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности всех показателей завистливости; их сопряженность позволяет использовать шкалы как фиксирующие разные формы зависти (стабильную и ситуативную).

Из приведенной таблицы видно, что показатели зависти тесно связаны с характеристиками отношения к деньгам. Однако эти связи характеризуются

некоторой противоречивостью: положительные корреляции зависти обнаружены и с позитивным отношением к деньгам, их терапевтической функцией, и с тревожностью и негативными эмоциями в отношении денег. Вместе с тем показатели субъективного экономического благополучия (финансовая депривированность и экономическая тревожность) отрицательно связаны лишь с предметной завистью и завистью-унынием. Зависть-неприязнь не связана с благополучием.

Обратимся к данным, отражающим взаимосвязи завистливости и нравственно-этического отношения к деньгам.

Из табл. 2 видно, что завистливость как характеристика личности в наименьшей степени связана с различными нравственно-этическими категориями в оценке денег. В то же время ситуативная (предметная) зависть самым тесным образом связана с этими категориями. В случае ситуативной зависти отношение к деньгам весьма противоречивое: их оценка по отношению к категориям терпимости, принципиальности, ответственности, комфорта, средства существования, безответственности (с низкими уровнями значимости корреляций) сходна с их оценкой по отношению к категориям цинизма, развлечений, силы, конфликта, лживости, безопасности, несправедливости, зависимости (с высоким уровнем значимости).

Наличие большого количества корреляций между изучаемыми переменными и показатели статистики Z Колмогорова—Смирнова (см. табл. 1), свидетельствующие о распределении переменных, не отличающемся от нормального распределения,

Таблица 1. Средние значения и корреляции показателей зависти и экономических отношений

Показатели зависти и отношения к деньгам	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>Z</i>	Зависть-неприязнь	Зависть-уныние	Зависть предметная
Зависть-неприязнь	11.10	9.93	1.30	1.00	0.82**	0.47**
Зависть-уныние	15.48	9.98	0.85	0.82**	1.00	0.51**
Зависть предметная	1.24	0.71	0.47	0.47**	0.51**	1.00
Денежная шкала убеждений и поведения А. Фернама						
Позитивное отношение к деньгам	35.24	7.94	0.87	0.40**	0.39**	0.29**
Фиксация на деньгах	24.87	5.99	0.78	0.19*	0.11	0.19
Тревожность (Деньги)	31.56	8.97	0.92	0.52**	0.49**	0.43**
Негативные эмоции (Деньги)	21.83	6.19	0.96	0.48**	0.49**	0.39**
Терапевтическая функция денег	29.95	6.61	1.13	0.37**	0	0.44**
Шкала субъективного экономического благополучия В.А. Хашенко						
Экономический оптимизм	25.22	7.68	1.08	0.15	0.13	0.04
Благосостояние семьи	14.55	4.58	0.91	0.05	-0.09	-0.13
Финансовая депривированность	22.56	5.24	1.22	-0.13	-0.29**	-0.34**
Субъективная адекватность дохода	14.82	5.36	0.64	-0.06	-0.19	-0.22*
Экономическая тревожность	24.26	8.49	0.88	-0.19	-0.33**	-0.42**

Примечание. * $p < 0.01$; ** $p < 0.05$. *M* — среднее арифметическое; *SD* — стандартное отклонение; *Z* — показатель критерия Колмогорова—Смирнова (все значения $p > 0.05$).

Таблица 2. Взаимосвязь завистливости и категорий нравственно-этического отношения к деньгам

Нравственно-этические категории	Зависть		
	неприязнь	уныние	предметная
Правдивость	0.12	0.06	0.2
Беспринципность	0.01	0.06	0.27**
Любовь	0.27**	0.23*	0.30**
Ответственность	0.06	0.15	0.24*
Достижения	0.09	0.18	0.29**
Нетерпимость	0.1	0.19	0.24*
Справедливость	0.1	0.13	0.19
Свобода	0.05	0.15	0.27**
Средство существования	0.03	0.11	0.21*
Здоровье	0.07	0.03	0.20*
Терпимость	-0.03	0	0.22*
Несправедливость	0.05	0.17	0.33**
Зависимость	0.13	0.26**	0.34**
Принципиальность	0.16	0.16	0.22*
Комфорт	0.04	0.15	0.22*
Развлечения	0.20*	0.22*	0.39**
Безответственность	0.18	0.24*	0.24*
Информация	0.15	0.15	0.32**
Цинизм	0.14	0.20*	0.36**
Власть	0.1	0.19	0.35**
Конфликт	0.26**	0.25*	0.42**
Сила	0.24*	0.26**	0.44**
Безопасность	0.16	0.18	0.34**
Лживость	0.20*	0.21*	0.32**
Развитие	0.16	0.15	0.27**

Примечание. * $p < 0.01$; ** $p < 0.05$.

указывают на перспективность проведения регрессионного анализа.

Исходя из результатов регрессионного анализа, можно предположить, что предметная (ситуативная) зависть наиболее тесно связана с характеристиками

Таблица 3. Отношение к деньгам как предикторы зависти

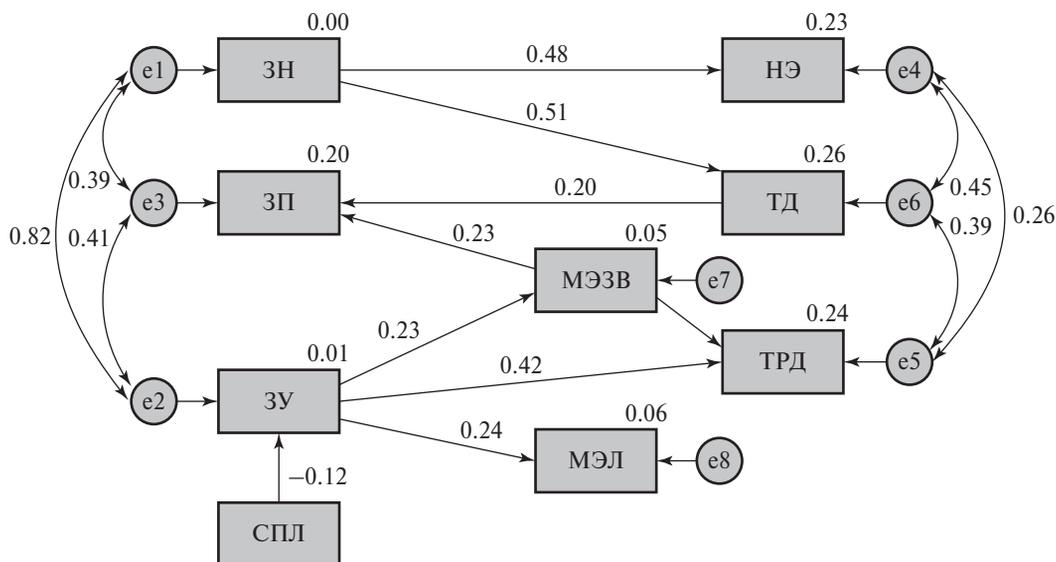
Предикторы	Зависть-уныние			Зависть-неприязнь			Зависть-предметная		
	Бета	t	p	Бета	t	p	Бета	t	p
(Константа)									
Категории нравственности		1.60	0.11		3.248	0.002		-1.222	0.225
Зависимость	0.245	2.44	0.02				0.293	3.218	0.002
Любовь	0.235	2.35	0.02	0.32	3.2	0.002			
Сила							0.277	2.695	0.008
Развлечения							0.212	2.068	0.042
	$F = 7.15; p < 0.001; R^2 = 0.14$			$F = 10.24; p < 0.002; R^2 = 0.10$			$F = 12.76; p < 0.002; R^2 = 0.31$		
(Константа)									
Отношение к деньгам		-2.87	0.005		-3.03	0.003		-1.39	0.166
Тревожность				0.34	3.12	0.002			
Негативные эмоции	0.352	3.72	0	0.285	2.62	0.01	0.254	2.47	0.016
Терапия	0.34	3.58	0.001				0.331	3.22	0.002
	$F = 23.56; p < 0.001; R^2 = 0.34$			$F = 20.45; p < 0.001; R^2 = 0.31$			$F = 14.42; p < 0.001; R^2 = 0.25$		

отношения к деньгам. Так, нравственно-этические категории, приписываемые деньгам, обуславливают до 31% вариаций предметной зависти, а характеристики отношения к деньгам — до 25% вариаций. Общей для всех переменных зависти детерминантой являются негативные эмоции по отношению к деньгам. При этом для зависти-уныния важной переменной также выступает терапевтическая функция денег, а для зависти-неприязни — тревожность из-за денег, мотив финансовой безопасности.

На следующем этапе исследования нами проведена процедура структурного моделирования (см. рисунок). Предложенная “модель путей” [11] включает систему гипотетических направленных и корреляционных связей между изучаемыми переменными (параметрами зависти и экономико-психологическими характеристиками личности).

В качестве экзогенной переменной использовалась переменная семейного положения, фиксирующая наличие или отсутствие у участника исследования семьи (данная переменная является категориальной и может интерпретироваться как дискретная версия непрерывной переменной [11, с. 353]). Ее направленная связь с завистью-унынием является слабо отрицательной, что свидетельствует о более выраженной завистливости лиц, не обремененных семейными узами (“отношениями”). Вместе с тем ее направленность “задает” целостность и устойчивость связей всей модели.

Из представленной модели видно, что зависть-неприязнь и зависть-уныние обуславливают разные экономико-психологические характеристики личности. Зависть-неприязнь вносит весомый вклад в негативные переживания, связанные с деньгами: негативные эмоции и тревогу; зависть-уныние — в вариации категорий нравственно-

CMIN = 22.398; df = 21; p = 0.377; CFI = 0.995; AGFI = 0.902; GFI = 0.954; RMSEA = 0.026; PCLOSE = 0.664

Рисунок. Модель связей между отношением к деньгам и завистью:

ЗН — зависть-неприязнь; ЗУ — зависть-уныние; ЗП — зависть предметная; МЭЗВ — зависимость; МЭЛ — любовь; СПЛ — семейное положение (экзогенная переменная); НЭ — негативные эмоции из-за денег; ТД — тревожность из-за денег; ТРД — терапевтическая функция денег. Модель, представленная на рисунке, является наиболее подходящей по размерам

этического отношения к деньгам и реализации их терапевтической функции. Однако ситуативная зависть (предметная) оказывается обусловленной выраженностью тревоги и нравственной категорией, характеризующей отношение к деньгам, — зависимости. Кроме того, данная переменная (зависимость) является опосредующей в связке зависти-уныния и терапевтической функции денег.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате корреляционного анализа не удалось установить связь между реальным доходом людей и каким-либо параметром зависти. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что как ситуативная, так и стабильная завистливость не связаны с общим доходом. Эти данные согласуются с результатами ряда исследований, в которых, вопреки обыденным представлениям, не было выявлено прямой связи между завистью и уровнем дохода [2; 8; 16]. Вместе с тем, поскольку зависть имеет “отношенческую” природу [7], важное значение могут приобретать не реальные доходы, а их восприятие и отношение к ним.

Взаимосвязь зависти и отношения к деньгам весьма противоречива. Все показатели зависти (неприязнь, уныние, предметная) связаны с позитивным отношением к деньгам. Тем не менее завистливые обнаруживают высокий уровень тревожности из-за денег, а потеря финансовых источников воспринимается как трагедия, переоценивается

значимость денег. Вместе с тем деньги выполняют терапевтическую функцию, поскольку дают ощущение свободы. Соответственно, завистливые могут гордиться своими финансовыми достижениями и возможностями, но сильно переживают обман, сопряженный с потерей денег. Здесь важно учесть и то, что, как показано в других наших исследованиях [17], высокий уровень субъективного экономического благополучия не связан с унынием, но может быть частью детерминации зависти-неприязни в отношении других.

Анализируя связи зависти и более обобщенной категории — субъективного экономического благополучия, можно заметить, что связи сосредоточены в основном вокруг зависти-уныния и предметной зависти. Это относится к ряду негативных полюсов благополучия. Высокий уровень зависти сопряжен с низкими показателями финансовой депривированности, экономической тревожности и субъективной адекватности дохода. Иначе говоря, завистливые характеризуют свое экономическое благополучие как низкое: постоянное ощущение недостатка финансовых средств, доход, не соответствующий потребностям, наконец наличие негативных эмоциональных состояний в связи с финансовыми и материальными проблемами. Таким образом, в финансово-денежной сфере завистливые проявляют весьма противоречивое отношение к деньгам — и позитивное, и негативное. С одной стороны, они любят достаток, видят в деньгах некий сакральный смысл, а с другой — видят в них

социально-статусный смысл, средство влияния на других, что связано с чувством вины. Постоянное ощущение экономического неблагополучия, возможно, тоже связано не столько с достатком, сколько с субъективным отношением к деньгам. Такой вывод обусловлен отсутствием прямой корреляции между доходом и субъективным экономическим благополучием. Более того, некое недовольство в отношении своего экономического статуса может быть связано с тем, что завистливая личность не столько соизмеряет свои доходы и трудовые вложения, доходы и расходы, сколько обращает внимание на доходы (и, очевидно, расходы) других, и даже умелое распоряжение пусть небольшими средствами может вызывать ситуативную зависть. Кроме того, из результатов корреляционного анализа данных, полученных с помощью шкалы косвенной оценки зависти, следует, что 76.5% предметных областей зависти связаны с тревожностью в отношении денег и 58.8% — с терапевтической функцией денег. Эти результаты свидетельствуют в пользу того, что ситуативная (предметная) зависть обусловлена общей тревожностью в отношении денег, с переоценкой их значимости, с некой денежной несостоятельностью, а средством нивелирования переживаний, связанных с завистью, является “денежная терапия”.

Исходя из данных, полученных в ходе корреляционного анализа показателей зависти и категорий нравственно-этического отношения к деньгам, можно заметить, что принципиальным отличием зависти-неприязни и зависти-уныния в отношении к деньгам является наличие связи зависти-уныния с атрибуцией денег, с зависимостью, безответственностью и цинизмом. Можно предположить, что зависть-уныние предполагает рефлексию негативной стороны денег, а порой приписывание им такого смысла. Таким образом, отношение лиц с выраженной завистью-унынием к деньгам можно было бы характеризовать через выражение “люблю и ненавижу”.

В результате проведения регрессионного анализа было установлено, что категории нравственной оценки денег (посредством установления связи с понятием “деньги”) являются слабыми предикторами зависти-уныния и зависти-неприязни, но в значительной степени обуславливают предметную (ситуативную) зависть. В случае зависти-уныния таковыми выступают категории “зависимость” и “любовь”, а в случае зависти-неприязни — “любовь”. Предикторами предметной зависти являются категории “зависимость”, “сила” и “развлечения”.

Таким образом, отношение к деньгам и их разная нравственно-этическая оценка позволяют предполагать наличие у человека различных видов завистливости. Однако направленность этих связей вовсе неоднозначна. Это связано с тем, что завистливость как характеристика личности — генетически более раннее образование, нежели отношение к деньгам, финансовое и вообще экономическое благополучие. В связи с этим логично предположить, что в случае зависти-неприязни и зависти-уныния как более стабильных образований связи будут направлены к экономическим отношениям, а в случае предметной (ситуативной) зависти, наоборот, от отношений к зависти. Для проверки данного предположения был использован метод структурного моделирования.

Исходя из представленной модели, зависть-уныние и зависть-неприязнь являются переменными, обуславливающими вариации отношения к деньгам (23–26% вариаций), а также категорий нравственно-этической оценки денег (5–6% вариаций). Так, зависть-неприязнь обуславливает 23% вариаций негативных эмоций по отношению к деньгам, что может быть связано с тем, что завидующий сравнивает людей по деньгам и достатку и, поскольку результат сравнения ввиду определенной фиксации строится не в его пользу, склонен задействовать определенные защиты в виде ассоциации “деньги—несчастья”, что приводит к напряжению в этой сфере. Зависть-неприязнь объясняет до 26% вариаций тревожности из-за денег, что может указывать на переоценивание человеком их значения и стремление контролировать их и не допускать каких-либо “необдуманных” трат. Зависть-уныние связана с использованием денег в терапевтических целях, а также обуславливает высокую оценку связи денег с категориями “любовь” и “зависимость”. Отметим, что в модели категория “зависимость” является медиатором, ослабляющим прямую связь между завистью-унынием и использованием денег в терапевтических целях. Это может свидетельствовать в пользу того, что зависть-уныние, связанная с атрибуцией денег с позиции зависимости, обуславливает поведение (накопление, траты и пр.), реализация которого осуществляет терапевтическую функцию. Примечательно, что в этой модели предметная зависть обусловлена тревожностью из-за денег и представлением о деньгах как источнике зависимости. Очевидно, предметная зависть как ситуативная переменная в большей степени обусловлена отношением к деньгам (заметим также, что изменение направления связей ведет к ухудшению модели). Это согласуется и с нашими прежними данными, в которых установлена более тесная связь между предметной завистью и финансовой

рискованностью [23]. Таким образом, напряжение, возрастающее при стабильной завистливости в обоих вариантах ее проявления, обуславливает отношение к деньгам, и в то же время отношение к деньгам становится фактором усиления внимания к признакам превосходства другого в межличностных отношениях и, соответственно, предметной зависти в реальных условиях бытия. На основании результатов моделирования можно утверждать, что выдвинутая гипотеза о различной направленности связей между параметрами зависти и отношения к деньгам подтвердилась. Однако требует дополнительных исследований предположение о различной природе устойчивой (уныние или неприязнь) и ситуативной (предметной) зависти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение связи завистливости и отношений личности к деньгам относится к числу тех задач социальной и экономической психологии, решение которых имеет прямое практическое значение. Такое знание позволяет понять, почему деньги являются важной сферой манипулирования для завистливой личности. Главный вопрос здесь заключается в причинно-следственной связи: либо наделение денег особым смыслом, ценностью является причиной зависти, либо завистливость является причиной наделения денег особым смыслом и их специфичного использования в повседневной практике. Исходя из результатов теоретико-эмпирического анализа, следует признать за завистью двойственную природу: с одной стороны, существует относительно стабильное образование — завистливость, которая реализуется в двух ипостасях — уныние и неприязнь, с другой стороны, имеется нестабильное и во многом ситуативное образование — предметная зависть, которая обращена к конкретным проявлениям превосходства другого. Важным результатом данной работы является то, что завистливость создает зону тенденциозного отношения к деньгам, а последнее в немалой степени обуславливает предметную завистливость.

1. Завистливость во всех ее ипостасях связана с отношением личности к деньгам. Позитивное отношение к деньгам, внимание к ним, умение управлять ими, их восприятие как символа независимости и власти чередуются с тревожностью, напряжением из-за денег и негативным отношением к деньгам. В то же время деньги выполняют психотерапевтическую функцию, завистливые нередко испытывают удовольствие от владения ими.

2. Отличием зависти-уныния и предметной зависти от зависти-неприязни является связь последней с экономической тревожностью, финансовой депривацией и субъективной неадекватностью дохода, что свидетельствует об общих эмоциональных проявлениях зависти и экономических отношений.

3. Ряд этических категорий, ассоциированных с деньгами, связан с силой завистливости во всех ее ипостасях: любовь, развлечения, конфликт, сила, лживость наделяются такими характеристиками, которые находятся ближе к полюсу их использования, манипулирования ими, а не справедливого распределения или ответственного добывания.

4. Во взаимосвязи зависти с переменными отношения к деньгам и приписываемым деньгам нравственно-этическими категориям зависть-уныние и зависть-неприязнь выступают модераторами, а предметная зависть — переменной, предикция которой может быть сделана на основе иных характеристик. Зависть-уныние связана с использованием денег в терапевтических целях прямо, а также опосредованно через приписывание деньгам категории “зависимость”. Зависть-неприязнь связана с негативными эмоциями и тревожностью по отношению к деньгам. Предметная зависть является переменной, предикция которой может быть сделана на основе таких характеристик, как тревожность по отношению к деньгам и сила ассоциации “деньги—зависимость”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бескова Т.В.* Методика диагностики зависти // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 127–141.
2. *Бескова Т.В.* Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013.
3. *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 31–42.
4. *Донцов А.И.* Феномен зависти. Homo invidens? М.: Эксмо, 2014.
5. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2003.
6. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2007.
7. *Лабунская В.А.* Зависть, безнадежность и надежда как способ преобразования бытия субъекта //

- Личность и бытие: субъектный подход. Краснодар: Кубанский университет, 2005. С. 120–137.
8. Микелевич Е.Б. Взаимосвязь социально-демографических характеристик сотрудников и совладание с завистью в служебных отношениях // Право. Экономика. Психология. 2016. № 2 (5). С. 106–110.
  9. Муругова В.В. Социально-экономические условия ослабления феномена деструктивной зависти в современном российском обществе // Вестник развития науки и образования. 2018. № 7. С. 44–50.
  10. Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от себя: тщеславие и гордость, порождающие зависть и ненависть к ближнему // Развитие личности. 2011. № 2. С. 26–67.
  11. Наследов А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013.
  12. Ореховский П. Экономический человек и роль зависти в его поведении // Общество и экономика. 2014. № 12. С. 102–119.
  13. Попов Л.М., Горшенина Н.В. Структурно-уровневый подход к исследованию завистливой личности // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 101–115.
  14. Семенов М.Ю. Вопросы теории и методики разработки опросника для изучения отношения к деньгам // Педагогические измерения. 2012. № 2. С. 92–108.
  15. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. № 1. С. 106–127.
  16. Шамионов Р.М. Зависть в системе социально-экономических установок и активность личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. № 4. С. 46–53.
  17. Шамионов Р.М. Взаимосвязь завистливости и характеристик объективного и субъективного экономического благополучия личности // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 87–97.
  18. Debbane E. Envy and its relation to destructiveness // Canadian Journal of Psychoanalysis. 2011. V. 19. № 1. P. 108–124.
  19. Fujinaka Y., Wakayama T. Maximal manipulation of envy-free solutions in economies with indivisible goods and money // Journal of economic theory. 2015. № 158(A). P. 165–185.
  20. Kemp S., Bolle F. Are egalitarian preferences based on envy? // Journal of Socio-Economics. 2013. V. 45. P. 57–63.
  21. Pignol C. Rousseau's notion of envy: a comparison with modern economic theory // European Journal of the History of Economic Thought. 2012. V. 19. № 4. P. 529–549.
  22. Seuntjens T.G., Zeelenberg M., van de Ven N., Breugelmans S.M. Dispositional greed // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. V. 108. № 6. P. 917–933.
  23. Shamionov R.M. Envy and monetary attitudes of personality // Advances in Public, Environmental and Occupational Health. 2014. V. 4. P. 43–48.
  24. Tadenuma K. Egalitarian-equivalence and the Pareto principle for social preferences // Social Choice and Welfare. 2005. V. 24. № 3. P. 455–473.
  25. Van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Warding off the evil eye: when the fear of being envied increases prosocial behavior // Psychological Science. 2010. V. 21. № 11. P. 1671–1677.
  26. Van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R. Why envy outperforms admiration // Personality and Social Psychology Bulletin. 2011. V. 37. № 6. P. 784–795.
  27. Winkelmann R. Conspicuous consumption and satisfaction // Journal of Economic Psychology. 2012. V. 33. № 1. P. 183–191.

ECONOMIC AND PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF ENVY²⁾R. M. Shamionov^{1,*}, T. V. Beskova^{2,**}¹Saratov State University; 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83, Russia.²Saratov State Law Academy; 410056, Saratov, Volskaya str., 1, Russia.

*PhD, Dr. Sc. (Psychological Sciences), Professor,

Head of the Department of Social Psychology of Education and Development.

E-mail: shamionov@mail.ru.

**PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor,

Professor of the Department of Legal Psychology, Forensic Science and Pedagogy.

E-mail: tatbeskova@yandex.ru

Received 02.04.2019

Abstract. The study of economic and psychological determinants of envy will help to clarify the role of the individual's attitude to money, economic attitudes in the manifestation of envy in its various forms. The study suggests that the ratio of economic and psychological characteristics of personality and envy has a dual orientation, describing the opposite direction of relations for different types of envy-situational and stable. The purpose of the study is to investigate the correlation of economic and psychological characteristics of the individual and envy. The study involved 196 people (44% of men) aged 18 to 48 years ($M = 28.6$; $SD = 8.5$). To assess envy and economic and psychological characteristics of the individual, the method of diagnosing envy of the individual and the subject areas of envy (T.V. Beskova), "Monetary scale of beliefs and behavior" by A. Fernam (adapted by M.Yu. Semenov), the questionnaire of subjective economic well-being by V.A. Khashchenko, the questionnaire "Moral evaluation of money" by E.I. Gorbacheva and A.B. Kupreichenko were used. Contradictory relationships between envy and attitude to money were revealed: envious people have a positive attitude to money, attention to it, the ability to manage it, their perception as a symbol of independence and power, as well as anxiety, tension over money and a negative attitude to money. For the envious, an increased psychotherapeutic function of money was also revealed. The dual nature of envy is established, the forms of which are differently associated with economic and psychological characteristics. As a result of structural modeling, it is established that envy as a relatively stable personal quality is a predictor for negative feelings associated with money: negative emotions and anxiety, as well as a predictor of variations in the moral and ethical attitude to money and the realization of their therapeutic function. Envy as a situational entity is a variable, in the prediction of which such characteristics as the attitude towards money and the moral evaluation of money contribute.

Keywords: personality, envy, income, subjective economic status, material well-being, envy-hostility, envy-dependency.

REFERENCES

1. Beskova T.V. Metodika diagnostiki zavisti. Voprosy psikhologii. 2012. № 2. P. 127–141. (In Russian)
2. Beskova T.V. Social'no-psihologicheskaya struktura i determinanty zavisti. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. (In Russian)
3. Gudkov L.D., Pchelina M.V. Bednost' i zavist': negativnyj fon perekhodnogo obshchestva. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremenny. 1995. № 6. P. 31–42. (In Russian)
4. Doncov A.I. Fenomen zavisti. Homo invidens? Moscow: Eksmo, 2014. (In Russian)
5. Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. Nravstvenno-psihologicheskaya regulyaciya ekonomicheskoy aktivnosti. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2003. (In Russian)
6. Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. Ekonomicheskoe samoopredelenie: teoriya i empiricheskie issledovaniya. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2007. (In Russian)
7. Labunskaya V.A. Zavist', beznadezhnost' i nadezhda kak sposob preobrazovaniya bytiya sub'ekta. Lichnost' i bytie: sub'ektnyj podhod. Krasnodar: Kubanskij universitet, 2005. P. 120–137. (In Russian)
8. Mikelevich E.B. Vzaimosvyaz' social'no-demograficheskikh harakteristik sotrudnikov i sovladanie s zavist'yu v sluzhebnyh otnosheniyah. Pravo. Ekonomika. Psihologiya. 2016. № 2 (5). P. 106–110. (In Russian)
9. Murugova V.V. Social'no-ekonomicheskie usloviya oslableniya fenomena destruktivnoj zavisti v sovremennom

²⁾ Research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of scientific project No. 18-013-00134 A

- rossijskom obshchestve. Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2018. № 7. P. 44–50. (In Russian)
10. *Muhina V.S., Hvoslov A.A.* Otchuzhdenie ot sebya: tshcheslavie i gordost', porozhdayushchie zavist' i nenavist' k blizhnemu. *Razvitie lichnosti*. 2011. № 2. P. 26–67. (In Russian)
  11. *Nasledov A.* IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyj statisticheskij analiz dannyh. St. Petersburg: Piter, 2013. (In Russian)
  12. *Orekhovskij P.* Ekonomicheskij chelovek i rol' zavisti v ego povedenii. *Obshchestvo i ekonomika*. 2014. № 12. P. 102–119. (In Russian)
  13. *Popov L.M., Gorshenina N.V.* Strukturno-urovnevyy podhod k issledovaniyu zavistlivoj lichnosti. *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*. 2017. V. 2. № 2. P. 101–115. (In Russian)
  14. *Semenov M.Yu.* Voprosy teorii i metodiki razrabotki oprosnika dlya izucheniya otnosheniya k den'gam. *Pedagogicheskie izmereniya*. 2012. № 2. P. 92–108. (In Russian)
  15. *Hashchenko V.A.* Sub"ektivnoe ekonomicheskoe blagopoluchie i ego izmerenie: postroenie oprosnika i ego validizaciya. *Ekspperimental'naya psihologiya*. 2011. № 1. P. 106–127. (In Russian)
  16. *Shamionov R.M.* Zavist' v sisteme social'no-ekonomicheskikh ustanovok i aktivnost' lichnosti. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*. 2011. № 4. P. 46–53. (In Russian)
  17. *Shamionov R.M.* Vzaimosvyaz' zavistlivosti i harakteristik ob"ektivnogo i sub"ektivnogo ekonomicheskogo blagopoluchiya lichnosti. *Ekspperimental'naya psihologiya*. 2019. V. 12. № 2. P. 87–97. (In Russian)
  18. *Debbane E.* Envy and its relation to destructiveness. *Canadian Journal of Psychoanalysis*. 2011. V. 19. № 1. P. 108–124.
  19. *Fujinaka Y., Wakayama T.* Maximal manipulation of envy-free solutions in economies with indivisible goods and money. *Journal of economic theory*. 2015. № 158(A). P. 165–185.
  20. *Kemp S., Bolle F.* Are egalitarian preferences based on envy? *Journal of Socio-Economics*. 2013. V. 45. P. 57–63.
  21. *Pignol C.* Rousseau's notion of envy: a comparison with modern economic theory. *European Journal of the History of Economic Thought*. 2012. V. 19. № 4. P. 529–549.
  22. *Seuntjens T.G., Zeelenberg M., van de Ven N., Breugelmans S.M.* Dispositional greed. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. V. 108. № 6. P. 917–933.
  23. *Shamionov R.M.* Envy and monetary attitudes of personality. *Advances in Public, Environmental and Occupational Health*. 2014. V. 4. P. 43–48.
  24. *Tadenuma K.* Egalitarian-equivalence and the Pareto principle for social preferences. *Social Choice and Welfare*. 2005. V. 24. № 3. P. 455–473.
  25. *Van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R.* Warding off the evil eye: when the fear of being envied increases prosocial behavior. *Psychological Science*. 2010. V. 21. № 11. P. 1671–1677.
  26. *Van de Ven N., Zeelenberg M., Pieters R.* Why envy outperforms admiration. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. V. 37. № 6. P. 784–795.
  27. *Winkelmann R.* Conspicuous consumption and satisfaction. *Journal of Economic Psychology*. 2012. V. 33. № 1. P. 183–191.

УДК 159.922.73

РАЗВИТИЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ: РОЛЬ МОДЕЛИ ПСИХИЧЕСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТА

© 2020 г. Е. И. Лебедева*, Е. А. Сергиенко**

Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: evlebedeva@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 11.02.2020

Аннотация. Представлены результаты исследования соотношения развития символических функций, модели психического и интеллектуального развития в дошкольном возрасте. Проверялась гипотеза о сопряженности уровня интеллектуального развития и развития модели психического с пониманием и использованием дошкольниками символических средств в игре и рисовании. Для исследования развития символических функций были разработаны задачи, позволяющие проанализировать успешность использования и понимания детьми символических средств в игре и рисовании. Развитие модели психического оценивалось при помощи двух батарей задач, охватывающих ее основные компоненты: распознавание эмоций, понимание ситуативных и ментальных причин эмоций, визуальной перспективы, намерений, неверных мнений и обмана. Для тестирования уровня интеллектуального развития использовалась методика Д. Векслера для дошкольного и младшего школьного возраста. В исследовании приняли участие 60 детей двух возрастных групп — 3–4 года и 5–6 лет. Корреляционный анализ показал возрастную вариативность связей между развитием символических функций, аспектами модели психического и отдельными интеллектуальными способностями. С возрастом изменились связи между интеллектом и символическими функциями: от связей между невербальными способностями и использованием символических средств к связям между вербальными способностями и пониманием символических средств в игре и рисовании. Также с возрастом усиливалась связь между отдельными аспектами модели психического и способностью к символизации. Результаты моделирования на основе структурных уравнений указывают на опосредующую роль модели психического в воздействии интеллекта и возраста на развитие символических функций.

Ключевые слова: модель психического, символические функции, психометрический интеллект, развитие игры и рисования, символическая игра, дошкольный возраст.

DOI: 10.31857/S020595920011080-4

Как развиваются символические функции в онтогенезе? П. Смит на примере символической игры описывает три возможных “сценария” взаимосвязи символических функций и позитивных изменений в психическом развитии в детском возрасте [29]. Первая точка зрения соответствует позиции Л.С. Выготского о рассмотрении символизации (в том числе и в игре) как необходимой основы для развития высших психических функций [1]. С точки зрения теории Ж. Пиаже символическая игра является скорее показателем нового этапа развития, закономерным когнитивным достижением, которое свидетельствует о переходе на качественно новый уровень развития, но не является его причиной [5]. Третья позиция,

которой придерживается сам Смит, заключается в том, что символическая игра действительно может способствовать позитивным изменениям в развитии ребенка, но наряду с другими когнитивными функциями. Развитие символических функций — речи, игры, рисования — предполагает становление метакогнитивных способностей, позволяющих оперировать с представляемыми объектами. Но и способность к модели психического также относится к метакогнитивным функциям, поскольку оперирует ментальными моделями разной степени сложности.

Развитие символизации рассматривается в неизменной связи с развитием модели психического.

Модель психического — это способность понимания собственных ментальных состояний и ментальных состояний других людей. Эта способность представляет собой систему ментальных репрезентаций о психическом, собственном и других людей, что позволяет понимать психические состояния других и прогнозировать их поведение [6; 7; 9]. М. Томаселло предполагает, что с раннего возраста дети воспринимают других людей как агентов, обладающих намерениями, и через имитацию и распознавание намерений они овладевают способами использования символических средств для обозначения определенных объектов [32].

Понимание ментальных состояний, как и способность к символизации, предполагает переход от реальности к ментальным представлениям, что дает основание предполагать наличие связей в их развитии. Результаты современных исследований указывают на множественность и когерентность разных линий развития в онтогенезе [21; 22]. Детального анализа также требует изучение вклада интеллектуальных способностей в реализацию символических функций для создания общей ментальной модели и ее развития в критическом для когнитивного развития возрасте.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО

В ранних исследованиях поиска взаимосвязей развития символических функций и модели психического были выявлены корреляции между показателями развития символической игры и отдельными аспектами модели психического. Уровень развития символической игры (количество эпизодов игры, умение договариваться с партнером по игре, принятие на себя роли) был связан с пониманием неверных мнений, способностью различать видимое и реальное, способностью принять точку зрения другого [11; 28]. При этом в лонгитюдных исследованиях развития символической игры и модели психического были получены противоречивые результаты. В одном случае дети, имеющие более высокий уровень развития модели психического по сравнению со своими сверстниками, оказывались и более успешными в символической игре [18], в то время как в другом — именно принятие на себя роли в игре предсказывало в дальнейшем более успешное выполнение задач на модель психического [33].

Результаты исследования также показали необходимость понимания намерений для успешного использования и понимания символических средств в игре и рисовании [12–14; 24]. Было

установлено, что трехлетние понимали различия символических (эпизоды символической игры) от несимволических действий и при имитации символических действий намного чаще смотрели на взрослого, что расценивалось как необходимость понимания его намерений [24]. В исследовании понимания собственной символической продукции маленьких детей просили нарисовать два похожих рисунка карандашами разного цвета: воздушный шарик с ниточкой и леденец на палочке. После непродолжительной отвлекающей деятельности даже трехлетние дети безошибочно узнавали нарисованный предмет, что предполагает, что они понимают рисунки как символы объектов, ориентируясь на цвет карандаша как на маркер намерения нарисовать тот или иной предмет [12].

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Результаты исследований, посвященных взаимосвязи общих когнитивных способностей и символических функций, весьма противоречивы, что может быть связано с различием как методик оценки интеллекта, так и критериев символической деятельности в игре и рисовании, применяемых разными авторами. В ранних исследованиях символической игры была выявлена связь интеллекта с параллельной и совместной символической игрой, но не с одиночной [19; 25]. Э. Лиллард с коллегами в своем обзоре исследований влияния символической игры на психическое развитие детей трактуют результаты этих исследований как доказательство взаимосвязи способности вовлекать других в игру и уровня интеллекта, но не связи символических функций и интеллектуального развития [22].

Дальнейшие корреляционные исследования либо не обнаруживали связи между символической игрой и уровнем интеллектуального развития [20; 23], либо демонстрировали только связи показателей интеллекта и отдельных характеристик игры [10; 16]. Аналогичные противоречивые результаты были показаны в исследованиях влияния игры на интеллектуальное развитие: только в единичных работах был выявлен позитивный эффект [27; 30; 31].

Взаимосвязь когнитивного развития и символических функций также изучалась в исследованиях рисования. Результаты формирующего эксперимента [2] показали взаимосвязь между символическим опосредованием в рисовании (выбор рисунка, соответствующего ситуации, изображенной на картинке) и диалектическим мышлением у детей дошкольного возраста.

Таким образом, на данный момент нет убедительных доказательств, что понимание и использование символических средств в игре и рисовании играют причинную роль в развитии понимания ментальных состояний и когнитивном развитии, но нет и убедительных результатов об их обратной связи. Тем не менее результаты корреляционных исследований говорят о связи символических функций с показателями интеллектуального развития и модели психического. Нас интересуют, будут ли выявлены различия в связях символических функций, модели психического и интеллектуального развития в разных возрастных группах (3–4 года и 5–6 лет). Поскольку исследования развития модели психического указывают на возраст 4–5 лет как критический для становления данной способности (подробнее см.: [7; 9]), выявление возрастных изменений взаимосвязей в период становления модели психического дает возможность проверить ее опосредующую роль в соотношении символических функций и интеллектуальных способностей на всем периоде дошкольного возраста.

Цель исследования состоит в том, чтобы идентифицировать различия в соотношении символических функций с моделью психического и психометрическим интеллектом у детей 3–4 и 5–6 лет, а также определить роль модели психического в отношениях между интеллектуальным развитием и символическими функциями в дошкольном возрасте.

Общей гипотезой работы было предположение о неравномерности и нелинейности взаимодействий модели психического, интеллекта и символических функций, изменяющих систему метакогнитивного развития в дошкольном возрасте.

Частные гипотезы:

Гипотеза 1. Символические функции у детей 3–4 и 5–6 лет связаны с разными аспектами модели психического и психометрического интеллекта.

Гипотеза 2. Модель психического опосредует отношения между символическими функциями и психометрическим интеллектом в дошкольном возрасте.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 60 детей, из них 30 детей 3–4 лет (16 девочек, от 40 до 59 месяцев, $M = 46$ мес.) и 30 детей 5–6 лет (15 девочек, от 61 до 87 месяцев, $M = 71$ мес.).

Методы исследования. Для оценки успешности использования символических средств в рисовании была разработана задача, в которой детям предлагалось выполнить предметный рисунок и рисунок по рассказу. Для предметного рисунка ребенку предлагалось выбрать одну из пяти игрушек (мяч, домик, машинка, собака, кукла) и нарисовать ее. Оценивались выбор предмета, стадия развития рисунка по Ж. Люке (каракули, случайный, интеллектуальный или визуальный реализм), а также уровень схемы (от 0 — не распознается до 4 — предмет легко распознается, изображение представлено в трехмерном пространстве). Для рисунка по рассказу читалась короткая история, описывающая радостное или грустное событие с участием двух героев. Ребенку предлагалось нарисовать что-то одно, что, по его мнению, в этом рассказе самое главное. Кроме уровня схемы и стадии развития рисунка, оценивалось также содержание рисунка (от 0 — произвольный рисунок до 3 — переданы отношения между героями). Таким образом, мы получили оценки по четырем отдельным показателям, которые в дальнейшем суммировались в общий показатель “Использование символических средств в рисовании” (согласованность показателей по коэффициенту альфа-Кронбаха: $\alpha = 0.77$).

Для оценки понимания символических средств в рисовании детям предъявлялось шесть предметных рисунков сверстников, выполненных по образцам, которые использовались для оценки символических средств (мяч, домик, машинка, собака, кукла). Респондентам необходимо было определить, что нарисовано. Ответы оценивались от 0 до 2 баллов по степени близости к названию, которое было дано автором рисунка. Баллы, полученные по результатам распознавания шести рисунков, суммировались ($\alpha = 0.72$).

При разработке задачи для оценки использования символических средств в игре мы стремились предоставить ребенку такую игровую ситуацию, которая бы не ограничивала его конкретным типом игры и позволяла использовать всевозможные средства символизации. Такая игровая ситуация давалась с помощью мультфильма, в котором показывались действия с предметом. После просмотра ребенку предлагалось поиграть, как в мультфильме, с игрушкой, действия с которой он только что наблюдал. Потом дети самостоятельно выбирали один из трех наборов предметов-заместителей. Каждый набор включал три предмета, соответствующих каждому из действий с игрушкой, показанных в мультфильме. Соответственно, содержание наборов было идентичным, но предлагаемые предметы-заместители в разной степени

отличались по размеру и внешнему сходству от реальных предметов. Первый набор представлял собой миниатюрные копии реальных предметов, что четко определяло его символическое значение, но затрудняло возможность функционального использования, так как игрушка была гораздо больше миниатюры. Использование этих предметов не требовало от ребенка навыков предметного замещения, однако невозможность в полной мере совершить с ними необходимое действие требовала символизации этого действия. Второй набор был создан при использовании объемных фигур, соответствующих по форме реальным предметам и с изображением его перспектив с каждой стороны. Размеры этих предметов соответствовали необходимым для манипуляции с основной игрушкой. В этом случае значение предмета-заместителя задано не явно, но обозначено, при этом символизация действия с этим предметом облегчается за счет соответствия по размеру. Третий набор включал в себя абстрактные предметы, полностью функционально соответствующие реальным, но их символическое значение было не определено и должно было задаваться самим ребенком.

Оценивались качество предмета-заместителя, уровень символизации действий (от 0 — действия проигрываются полностью до 2 баллов — действия отмечаются символически), точность значения предметов и действий, имитация и развитие сюжета (от 0 — играет в свою игру до 3 баллов — повторяет увиденное в мультфильме, развивая сюжет), вербальное и звуковое сопровождение (от 0 — играет молча до 2 баллов — комментирует свои действия, объясняя их значение). Полученные по каждому показателю баллы суммировались в общий показатель ($\alpha = 0.72$).

Оценка понимания символических средств в игре требовала создания такой ситуации, которая была бы, во-первых, максимально приближена к реальным условиям, когда ребенок наблюдает за игрой своего сверстника, во-вторых, сопоставима с оценкой использования символических средств. Стимульный материал разрабатывался с опорой на первую часть методики “Использование символических средств в игре”. Он совпадал по основным характеристикам с тем, в который дети уже играли, но за основу был взят незнакомый сюжет. При помощи этих материалов были записаны два видео, на которых с игрушкой разыгрывались три действия, каждое из которых совершалось с предметами-заместителями, имеющими разную степень сходства с обозначаемым. От ребенка требовалось назвать каждое из действий. Вначале предъявлялось первое видео, в котором действие

с предметом кратко обозначалось. Если ребенок называл хотя бы одно действие неверно, ему предъявлялось второе видео, где действие проигрывалось в развернутой форме. Понимание свернутого действия с абстрактным предметом оценивалось в 6 баллов, с символическим изображением предмета — 4 балла, с миниатюрной копией предмета — 2 балла. В том случае, когда ребенок способен был распознать действие только в развернутой форме, оценка снижалась вдвое. Полученные в задании баллы суммировались ($\alpha = 0.75$).

Для изучения развития модели психического у детей дошкольного возраста использовалась батарея задач “Модель психического”, разработанная Т. Хатчинсон с коллегами [17], и “Модель психического. Детский вариант”, разработанная Е.А. Сергиенко и Е.И. Лебедевой [8]. По результатам оценки успешности решения отдельных задач для каждого ребенка были выделены следующие показатели: распознавание эмоций, понимание ситуативных и ментальных причин эмоций, понимание визуальной перспективы, понимание намерений и понимание неверных мнений и обмана.

Оценка интеллектуального развития детей проводилась с помощью теста Векслера для дошкольного и младшего школьного возраста [3].

МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

План анализа был следующий: 1) провести описательный анализ показателей отдельных задач модели психического и символических функций для возрастных групп и выборки в целом; 2) оценить корреляционные взаимосвязи показателей модели психического, символических функций и интеллекта в возрастных группах; 3) провести тестирование теоретической модели влияния интеллектуального развития и модели психического на развитие символических функций для всей выборки.

Описательный и корреляционный анализ данных проводился с использованием статистического пакета SPSS23.0; для тестирования теоретической модели использовалась статистическая процедура моделирования структурными уравнениями с помощью приложения AMOS23.0. Оценка достоверности отличия корреляций от нуля осуществлялась с использованием критического корреляционного подхода, сравнивая выборочный коэффициент корреляции при уровне значимости 0.05. Критическое значение для каждой возрастной группы было равно 0.361. Таким образом, коэффициенты корреляции меньше данного значения не рассматривались

как достоверные. Оценка максимального правдоподобия (*Maximum-Likelihood estimation*) использовалась для исследования прямых и опосредующих эффектов влияния интеллекта и возраста на символические функции через модель психического с помощью бутстрапа с включением 200 случаев.

Исследование выполнено аспиранткой Н.А. Королевой под руководством Е.А. Сергиенко.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Межгрупповое сравнение результатов выполнения задач на оценку модели психического и понимание символических средств в игре и рисовании детьми 3–4 и 5–6 лет показало статистически значимые различия с большим размером эффекта (см. таблицу). Сравнение успешности использования символических средств хоть и показало достоверные различия, однако величина эффекта оказалась небольшой для рисования и средней для игры. Полученные результаты свидетельствуют о развитии модели психического и символических функций в дошкольном возрасте.

Корреляционный анализ показал, что в раннем дошкольном возрасте интеллектуальные способности

связаны только с использованием символических средств (как в игре, так и в рисовании), но не с пониманием (см. приложение, табл. 1). Способность символически изобразить в рисунке как видимый объект, так и сюжет или героя рассказа связана как со способностью детей интегрировать из частей единое целое при отсутствии эталона, образа предмета (“Складывание фигур” $r = 0.43$, $p = 0.02$, $z = 2.2$), так и с аналитическими способностями ребенка, предполагающими процесс расчленения фигуры на составляющие ее элементы (“Кубики Косса”: $r = 0.37$, $p = 0.04$, $z = 2.32$). Для успешного использования символических средств в рисовании и в игре при выборе набора игрушек, которые бы, с одной стороны, позволяли совершать необходимые игровые действия, а с другой — сохраняли видимое соответствие с набором из мультфильма, необходим достаточный уровень развития зрительного внимания и умения замечать основные детали (“Недостающие детали” и использование символических средств в рисовании $r = 0.47$, $p = 0.01$).

Если рассмотреть картину взаимосвязей между символическими функциями, интеллектуальным развитием и моделью психического в целом, то можно увидеть интересную тенденцию: в раннем дошкольном возрасте отдельные аспекты модели психического, также как и интеллектуальные

Таблица. Средние показатели и результаты сравнения показателей модели психического и символических функций у детей 3–4 и 5–6 лет

	3–4 года	5–6 лет	$t(df)$, p -value	Cohen's d [95% CI]	Общая выборка
	M (SD)	M (SD)			M (SD)
Распознавание эмоций	10.4 (1.56)	10.83 (1.46)	1.12 (54.41), $p = 0.266$	0.28 [-0.33–1.20]	10.62 (1.49)
Понимание ситуативных причин эмоций	5.3 (2.56)	8.43 (1.54)	5.73 (47.66), $p = 0.000$	1.47 [2.03–4.23]	6.87 (2.62)
Понимание ментальных причин эмоций	6.53 (2.78)	10.93 (2.55)	6.36 (57.57), $p = 0.000$	1.64 [3.01–5.78]	8.73 (3.45)
Понимание визуальной перспективы	2.67 (1.74)	4.53 (1.79)	4.08 (57.96), $p = 0.000$	1.04 [0.95–2.78]	3.6 (1.99)
Понимание ментальных состояний	2.37 (1.49)	4.00 (1.93)	3.63 (54.61), $p = 0.001$	0.94 [0.74–2.52]	3.18 (1.9)
Понимание неверных мнений и обмана	3.53 (3)	9.03 (2.48)	7.73 (57.96), $p = 0.000$	1.99 [4.07–6.92]	6.28 (2.48)
Использование символических средств в игре	21 (7.23)	25.53 (5.58)	2.71 (54.5), $p = 0.009$	0.70 [1.19–7.87]	23.27 (6.79)
Использование символических средств в рисовании	5.83 (1.98)	9.77 (2.19)	4.89 (49.9), $p = 0.000$	0.39 [2.65–5.4]	7.8 (2.86)
Понимание символических средств в игре	6.67 (3.59)	10.5 (2.34)	7.28 (57.43), $p = 0.000$	1.88 [2.85–5.01]	8.58 (3.57)
Понимание символических средств в рисовании	6.77 (1.69)	9 (1.89)	4.81 (57.03), $p = 0.000$	1.24 [1.3–3.16]	7.88 (2.1)

Примечание. M — среднее, SD — стандартное отклонение, t — значение критерия Стьюдента, df — количество степеней свободы, p -value — уровень значимости, Cohen's d — размер эффекта d Коэна, CI — доверительный интервал.

способности, связаны только с использованием символических средств в игре и рисовании (распознавание эмоций и игра $r = 0.41$, $p = 0.03$; понимание визуальной перспективы и рисование $r = 0.48$, $p = 0.01$; понимание неверных мнений/обмана и рисование $r = 0.42$, $p = 0.02$). Вероятно, уровень развития модели психического в этом возрасте не дает возможности в распознавании символической деятельности в рисунке и игре учитывать намерения и другие ментальные состояния других людей, что подтверждается в целом неуспешным распознаванием рисунков и игровых действий других детей.

В старшем дошкольном возрасте складывается иная картина: результаты исследования показали роль вербального интеллекта в понимании и использовании символических средств в рисовании и в игре (см. приложение, табл. 1). Интересно, что для успешного понимания игры сверстников, их действий с предметами-заместителями в игре, имеющими как большую, так и меньшую символизацию, необходимо развитие уровня обобщения и способность свободно оперировать словами родного языка, дефинитивное мышление (“Аналогии” $r = 0.41$, $p = 0.02$ и “Словарный” $r = 0.36$, $p = 0.05$). В то время, как для распознавания предметных и сюжетных рисунков своих сверстников важными оказываются способности сравнения, сопоставления, умения ментально оперировать символами (“Арифметический” $r = 0.46$, $p = 0.01$).

Успешность символизации в собственном рисунке оказалась связана со способностью строить умозаключения на основе практических знаний и опыта, пониманием социально приемлемых способов поведения (“Понятливость” $r = 0.40$, $p = 0.03$). Можно предположить, что способность к символизации в рисовании у детей 3–4 лет и детей 5–6 лет, по-видимому, имеет под собой разные основания. Если для детей младшего возраста значимыми являются способность представить себе образ предмета, то для старших детей — это некоторые знания о поведении людей, о том, как поступать в той или иной проблемной ситуации.

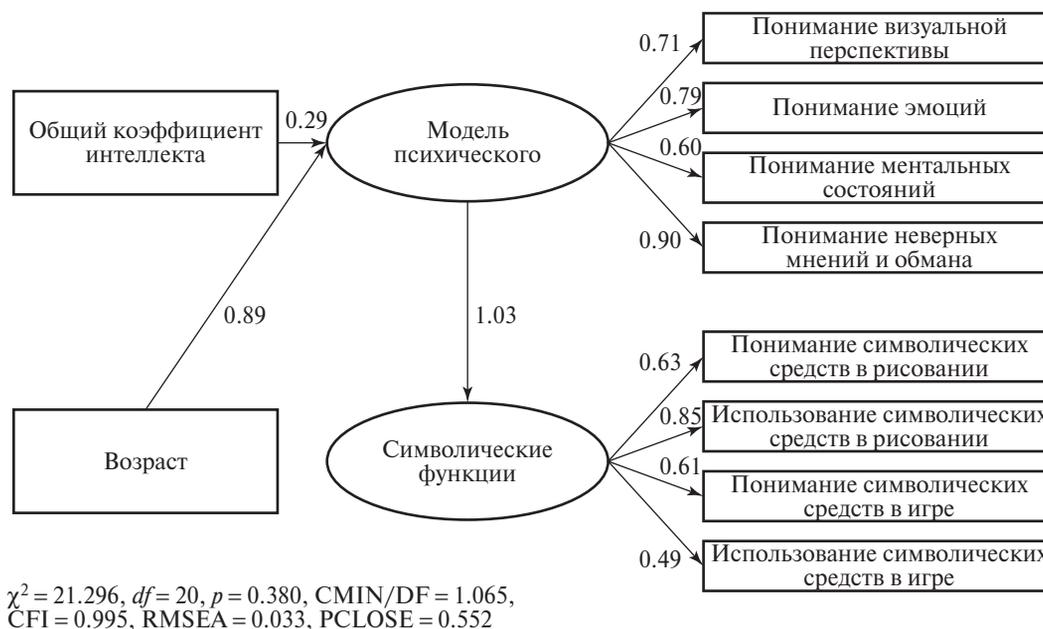
Рассматривая картину взаимосвязей в целом, мы можем заключить, что в старшем дошкольном возрасте модель психического становится связана не только с использованием, но и с пониманием символических средств. В этом возрасте ключевые аспекты модели психического — понимание ментальных состояний ($r = 0.48$, $p = 0.01$) и понимание неверных мнений и обмана ($r = 0.38$, $p = 0.04$) — оказываются связанными с пониманием символических средств в рисовании. Понимание символических средств в рисовании достоверно взаимосвязано

также с пониманием ситуативных ($r = 0.49$, $p = 0.01$) и ментальных ($r = 0.44$, $p = 0.01$) причин эмоций, в то время как использование символических средств в рисовании — с пониманием ментальных причин эмоций ($r = 0.47$, $p = 0.01$) и пониманием неверных мнений и обмана ($r = 0.45$, $p = 0.01$). Связи как символических функций, так и модели психического именно с вербальными интеллектуальными способностями предположительно говорят о становлении модели психического и символизации как тесно взаимосвязанных структур и о опосредованном участии интеллекта в более старшем возрасте в развитии символизации (см. приложение, табл. 1 и 3).

Таким образом, анализ сопряженности символических функций и психометрического интеллекта указывает на изменение роли интеллектуальных способностей в развитии символических функций в дошкольном возрасте. Если в раннем дошкольном возрасте только использование символических средств связано с интеллектуальными способностями, то с возрастом интеллектуальные способности, как и модель психического, начинают играть роль и в понимании детьми символических средств в рисовании и игре. Также с возрастом происходит увеличение взаимосвязей между отдельными способностями модели психического и способности к символизации в игре.

Открытыми остаются вопросы: что же действительно определяет понимание и использование символических средств детьми дошкольного возраста? Каков вклад в развитие символических функций в рисовании и игре общих интеллектуальных способностей и модели психического детей? Рассматривая результаты гетерохронности взаимосвязи символических функций и интеллектуального развития как обоснование теоретической модели взаимосвязи этих способностей, а также увеличение связей между моделью психического и символическими функциями с возрастом, нам кажется оправданной идея об опосредующей роли модели психического во вкладе когнитивных способностей в развитие символических функций.

Для проверки гипотезы об опосредующей роли модели психического была построена модель (рис. 1), в которой возраст и общий коэффициент интеллекта выступали в качестве независимых переменных, модель психического — в качестве посредника, а символические функции — в качестве зависимой переменной. Причинно-следственные связи между переменными представлены в соответствии с результатами, полученными на предыдущем этапе исследования и нашими теоретическими предположениями. Исходя из критериев проверки

Рис. 1. Модель соотношения символических функций, модели психического и психометрического интеллекта в дошкольном возрасте (рядом со стрелками показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей)

согласия модели можно утверждать, что теоретическая модель отражает структуру эмпирических данных.

Каждая латентная переменная модели была протестирована с помощью конфирматорного факторного анализа. Проверка критериев согласия модели свидетельствует о приемлемом соответствии моделей исходным данным (модель психического: $CMIN/DF = 0.98$, $CFI = 0.1.0$, $RMSEA = 0.00$, $PCLOSE = 0.37$; символические функции: $CMIN/DF = 0.99$, $CFI = 1.0$, $RMSEA = 0.00$, $PCLOSE = 0.44$).

Включение индикаторов понимания эмоций, ментальных состояний, визуальной перспективы и понимания неверных мнений и обмана в переменную “модель психического” обусловлено как теоретическими предпосылками, поскольку данные переменные являются ключевыми показателями развития модели психического для детей дошкольного возраста, так и статистическими процедурами, обеспечивающими приемлемое согласие модели эмпирическим данным.

Относительно небольшое количество участников исследования не позволило выделить нам интеллектуальное развитие в латентную переменную с набором индикаторов, поэтому мы ввели независимую переменную, отражающую коэффициент общего интеллекта в соответствии с тестированием участников исследования по тесту интеллекта Д. Векслера. Коэффициент интеллекта высчитывался по 8 субтестам (по 4 субтестам вербальной и невербальной серий), которые показали наибольшие

связи с показателями способности к символизации по результатам корреляционного анализа (см. приложение, табл. 1).

Для проверки значимости влияния переменных модели психического, интеллекта и возраста на использование и понимание символических средств в игре и рисовании нами были рассмотрены стандартизированные коэффициенты регрессионных связей между основными переменными (см. рис. 1).

Результаты анализа свидетельствуют о положительном влиянии возраста участников и уровня интеллектуального развития на модель психического в дошкольном возрасте. Высокий коэффициент регрессионной связи модели психического и символических функций, вероятно, объясняется опосредующим влиянием интеллектуального развития ($\beta = 0.29$, $p = 0.004$) и возрастной динамики ($\beta = 0.90$, $p = 0.003$) на понимание и использование символических средств в игре и рисовании. Это подтверждает наше предположение о том, что модель психического является важным медиатором связи между интеллектуальными способностями и символическими функциями в дошкольном возрасте.

Мы обратились к модели полной, а не частичной медиации именно из-за изменений взаимосвязей между интеллектуальными способностями с символическими функциями и моделью психического с возрастом. Корреляционный анализ показал, что с возрастом взаимосвязи между интеллектом и символическими функциями изменяются от связей между невербальными способностями

и использованием символических средств к связям между вербальными способностями и пониманием символических средств в игре и рисовании. В то же время количество взаимосвязей между моделью психического и символическими функциями с возрастом увеличивается, также как и в случае с интеллектом, переходя от взаимосвязей с использованием символических средств к связям с пониманием символических средств в игре и рисовании. Увеличение количества корреляционных связей между символическими функциями и моделью психического с возрастом, а также совместное изменение связей между символическими функциями, моделью психического и интеллектом подтверждает наше предположение о том, что модель психического является медиатором воздействий интеллекта и возрастных изменений на символические функции в дошкольном возрасте.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В исследовании был поставлен вопрос о соотношении в развитии символических функций, модели психического и интеллектуальных способностей в дошкольном возрасте.

Результаты моделирования структурными уравнениями продемонстрировали, что влияние интеллекта на развитие символических функций в игре и рисовании опосредовано способностью модели психического в дошкольном возрасте. Для того чтобы объяснить структуру этих связей, нам необходимо обратиться к возрастной динамике развития способностей к символизации и пониманию ментального мира других людей. С возрастом увеличивается успешность в использовании и понимании символических средств в игре и рисовании: старшие дошкольники понимают “свернутые” символические игровые действия своих сверстников, успешнее распознают их рисунки, точнее символизируют объекты и вербальную информацию в рисунках, способны воспроизводить игровые действия с символическими объектами, а не с точными копиями предметов. С возрастом также дети лучше понимают намерения, лучше распознают и приписывают другим людям ментальные состояния для прогнозирования и объяснения их поведения [4].

Поскольку интеллектуальные способности (способности к категоризации, анализу и синтезу, наименованию объектов) необходимы как для использования, так и для понимания символизации в рисовании и игре, но именно с развитием модели психического возрастает успешность символизации в дошкольном возрасте и именно понимание

намерений, приписывание и распознавание ментальных состояний других людей делают возможным понимание символических изображений в рисунках (отталкиваясь от предполагаемого намерения рисовавшего) и символических действий в игре.

Подтверждением наших данных могут служить результаты экспериментов имитации игровых и неигровых действий [24], где была показана необходимость распознавания ментальных состояний для успешного использования и понимания символических средств в игре. Исследования Т. Каллаган [13; 14] также указывают на необходимость способностей к категоризации и пониманию намерений другого при символическом опосредовании (выборе предмета, соотносящегося с изображением). Успешность соотнесения рисунка с объектом коррелировало с успешностью создания рисунка, необходимого для выбора объекта (отображение в рисунке отличительных черт объекта), что говорит о том, что для успешного понимания и использования символических средств в рисовании необходимо развитие понимания намерений и способности к категоризации.

Результаты формирующего эксперимента [2] также показали взаимосвязь между символическим опосредованием в рисовании (выбор рисунка, соответствующего ситуации, изображенной на картинке) и диалектическим мышлением у детей дошкольного возраста. Представляется, что данная связь, обнаруживаемая до и после обучающих занятий по символическому опосредованию, может означать, что способность к символизации и способность к категоризации, анализу, сопоставлению и обобщению развиваются совместно в дошкольном возрасте.

Еще одним подтверждением когерентности развития символических функций, интеллекта и модели психического может служить исследование, где были обнаружены взаимосвязи между ментальным вербальным возрастом и символической игрой для детей дошкольного возраста с типичным развитием и общими расстройствами развития, но не для детей с аутизмом [26]. Вероятно, что при дефицитности развития модели психического все связи между отдельными когнитивными способностями распадаются.

В заключение следует сказать, что в данном исследовании впервые рассмотрена общая картина соотношения способностей к символизации, пониманию ментального мира и интеллектуальных способностей в дошкольном возрасте. Предположение об опосредующей роли модели психического во влиянии интеллектуальных способностей

на развитие символических функций подтвердилось. Это означает, что способность символизировать и понимать символичные обозначения игровых действий и рисунков с необходимостью обусловлена не только базовыми когнитивными способностями, но и способностью приписывать и распознавать ментальные состояния других людей, что дает возможность воспринимать символическую деятельность как намеренное действие других людей. Было показано своеобразие паттернов вовлеченности способностей к пониманию ментального мира и интеллекта в разные компоненты символической деятельности на протяжении дошкольного возраста.

ВЫВОДЫ

1. Существуют возрастные различия связей модели психического и символических функций. В возрасте 5–6 лет развитие модели психического становится важным фактором, обеспечивающим понимание и использование символических средств в рисовании, тогда как в 3–4 года развитие этой способности связано с использованием символических средств в игре и рисовании.

2. Вклад психометрического интеллекта в развитие символических функций изменяется с возрастом. В возрасте 3–4 лет невербальные интеллектуальные способности являются важным фактором, обеспечивающим развитие символических функций в рисовании и игре, тогда как в 5–6 лет этим фактором становятся вербальные интеллектуальные способности.

3. Воздействие психометрического интеллекта на развитие символических функций в игре и рисовании опосредовано способностью модели психического в дошкольном возрасте.

4. Метакогнитивная система претерпевает в дошкольном периоде реорганизацию: от взаимодействия невербального интеллекта, недифференцированной модели психического и использования символических средств к возрастанию роли вербального интеллекта, опосредованной дифференцированной моделью психического, что обуславливает понимание символических средств в игре и рисовании.

К ограничениям данного исследования относятся небольшой размер выборки, а также отсутствие стандартизации процедуры оценки развития символических функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выготский Л.С.* Проблемы детской и возрастной психологии // Собр. соч. М.: Педагогика, 1984.
2. *Веракса Н.Е., Коконцева Е.В.* Символ как средство диалектического мышления старших дошкольников // Вестник РГГУ. Серия “Психологические науки”. 2014. № 20 (142). С. 63–76.
3. *Ильина М.Н.* Психологическая оценка интеллекта у детей. СПб.: Питер, 2006.
4. *Королева Н.А., Сергиенко Е.А.* Генезис соотношения модели психического и символических функций в дошкольном возрасте // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.01.2020).
5. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.
6. *Сергиенко Е.А.* Модель психического как интегративное понятие в современной психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.01.2020).
7. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
8. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Королева Н.А.* Разработка теста “Модель психического. Детский вариант” // V Международная научная конференция “Психология индивидуальности”: сборник материалов / Под ред. А.С. Елисеенко. М.: Университетская книга, 2015. С. 157–158.
9. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Уланова А.Ю.* Модель психического — способность понимания мира людей // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 269–342.
10. *Смирнова Е.О., Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Рябкова И.А.* Связь игровой деятельности дошкольников с показателями познавательного развития // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 4–14.
11. *Astington J.W., Jenkins J.M.* Theory of mind development and social understanding // *Cognition & Emotion*. 1995. V. 9. № 2–3. P. 151–165.
12. *Bloom P., Markson L.* Intention and analogy in children's naming of pictorial representations // *Psychological Science*. 1998. V. 9. № 3. P. 200–204.
13. *Callaghan T.C.* Early understanding and production of graphic symbols // *Child Development*. 1999. V. 70. № 6. P. 1314–1324.
14. *Callaghan T.C.* Factors affecting children's graphic symbol use in the third year: Language, similarity, and iconicity // *Cognitive Development*. 2000. V. 15. № 2. P. 185–214.

15. *Callaghan T.C., Rankin M.P.* Emergence of graphic symbol functioning and the question of domain specificity: A longitudinal training study // *Child Development*. 2002. V. 73. № 2. P. 359–376.
16. *Cole D., La Voie J.C.* Fantasy play and related cognitive development in 2-to 6-year-olds // *Developmental Psychology*. 1985. V. 21. № 2. P. 233–240.
17. *Hutchins T.L., Bonazinga L.A., Prelock P.A., Taylor R.S.* Beyond false beliefs: The development and psychometric evaluation of the Perceptions of Children's Theory of Mind Measure — Experimental Version (PCToMM-E) // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2008. V. 38. № 1. P. 143–155.
18. *Jenkins J.M., Astington J.W.* Theory of mind and social behavior: Causal models tested in a longitudinal study // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2000. V. 4. № 2. P. 203–220.
19. *Johnson J.E.* Relations of divergent thinking and intelligence test scores with social and nonsocial make believe play of preschool children // *ETS Research Bulletin Series*. 1976. № 1. P. 1–16.
20. *Johnson J.E., Ershler J., Lawton J.T.* Intellectual correlates of preschoolers' spontaneous play // *The Journal of General Psychology*. 1982. V. 106. № 1. P. 115–122.
21. *Lillard A.S.* Pretend play skills and the child's theory of mind // *Child Development*. 1993. V. 64. № 2. P. 348–371.
22. *Lillard A.S., Lerner M.D., Hopkins E.J., Dore R.A., Smith E.D., Palmquist C.M.* The impact of pretend play on children's development: A review of the evidence // *Psychological Bulletin*. 2013. V. 139. № 1. P. 1–34.
23. *Peisach E., Hardeman M.* Imaginative play and logical thinking in young children // *The Journal of Genetic Psychology*. 1985. V. 146. № 2. P. 233–248.
24. *Rakoczy H., Tomasello M., Striano T.* Young children know that trying is not pretending: a test of the “behaving-as-if” construal of children's early concept of pretense // *Developmental Psychology*. 2004. V. 40. № 3. P. 388–399.
25. *Rubin K.H., Maioni T.L.* Play preference and its relationship to egocentrism, popularity and classification skills in preschoolers // *Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*. 1975. V. 21. № 3. P. 171–179.
26. *Rutherford M.D., Rogers S.J.* Cognitive underpinnings of pretend play in autism // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2003. V. 33. № 3. P. 289–302.
27. *Saltz E., Dixon D., Johnson J.* Training disadvantaged preschoolers on various fantasy activities: Effects on cognitive function and impulse control // *Child Development*. 1977. V. 48. № 2. P. 367–380.
28. *Schwebel D.C., Rosen C.S., Singer J.L.* Preschoolers' pretend play and theory of mind: The role of jointly constructed pretense // *British Journal of Developmental Psychology*. 1999. V. 17. № 3. P. 333–348.
29. *Smith P.K.* *Children and play*. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2010.
30. *Smith P.K., Dalglish M., Herzmark G.* A comparison of the effects of fantasy play tutoring and skills tutoring in nursery classes // *International Journal of Behavioral Development*. 1981. V. 4. № 4. P. 421–441.
31. *Stavrou P.D.* The Development of Emotional Regulation in Pre-Schoolers: The Role of Sociodramatic Play // *Psychology*. 2019. V. 10. № 1. P. 62–78.
32. *Tomasello M.* Having intentions, understanding intentions, and understanding communicative intentions // *Developing theories of intention: Social understanding and self-control* / Ed. by P.D. Zelazo, J.W. Astington, D.R. Olson. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1999. P. 63–75.
33. *Youngblade L.M., Dunn J.* Individual differences in young children's pretend play with mother and sibling: Links to relationships and understanding of other people's feelings and beliefs // *Child Development*. 1995. V. 66. № 5. P. 1472–1492.

DEVELOPMENT OF SYMBOLIC FUNCTIONS IN PRESCHOOL AGE: THE ROLE OF THEORY OF MIND AND INTELLIGENCE

© 2020 E. I. Lebedeva*, E. A. Sergienko**

Institute of Psychology RAS;

129366, Moscow, Yaroslavskaia str., 13, Russia.

*PhD, Senior Researcher. E-mail: evlebedeva@yandex.ru

**ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher. E-mail: elenas13@mail.ru

Received 11.02.2020

Abstract. The results of a study of the relationship between the development of symbolic functions, theory of mind and intelligence in preschool age are presented. The hypothesis of the conjugation of the level of intellectual development and development of theory of mind with the understanding and use of symbolic means by preschool children in play and drawing was tested. To study the development of symbolic functions, tasks have been developed that allow us to analyze the success of children using and understanding symbolic means in play and drawing. The development of theory of mind was evaluated using two batteries of tasks covering its main components: recognition of emotions, understanding of situational and mental causes of emotions, visual perspective, intentions, false beliefs and deception. To test the level of intellectual development, we used the test of D. Wechsler for preschool and primary school age. The study involved 60 children of two age groups — 3–4 years and 5–6 years. Correlation analysis showed age-related variability of connections between the development of symbolic functions, aspects of theory of mind and intellectual abilities. The relationship between intelligence and symbolic functions has changed with age: from the connections between non-verbal intellectual abilities and the use of symbolic means to the connections between verbal intellectual abilities and understanding of symbolic means in the play and drawing. Also, with age, the relationship between individual aspects of theory of mind and the ability to symbolize increased. The results of structural equations modeling confirmed the hypothesis of the mediative role of theory of mind in the influence of intelligence on the development of symbolic functions.

Keywords: theory of mind, symbolic functions, intelligence, development of the play and drawing, symbolic play, preschool age.

REFERENCES

1. *Vygotskij L.S. Problemy detskoj i vozrastnoj psihologii. Sbornik sochinenij. Moscow: Pedagogika, 1984. (In Russian)*
2. *Veraksa N.E., Kokonceva E.V. Simvol kak sredstvo dialekticheskogo myshleniya starshih doshkol'nikov. Vestnik RGGU. Seriya "Psihologicheskie nauki". 2014. № 20 (142). P. 63–76. (In Russian)*
3. *Il'ina M.N. Psihologicheskaya ocenka intellekta u detej. Saint Petersburg: Piter, 2006. (In Russian)*
4. *Koroleva N.A., Sergienko E.A. Genezis sootnosheniya modeli psihicheskogo i simvolicheskikh funkcij v doshkol'nom vozraste. Psihologicheskie issledovaniya. 2017. V. 10. № 52. P. 9. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 10.01.2020). (In Russian)*
5. *Piazhe Zh. Izbrannye psihologicheskie trudy. Moscow: Prosveshchenie, 1969. (In Russian)*
6. *Sergienko E.A. Model' psihicheskogo kak integrativnoe ponyatie v sovremennoj psihologii. Psihologicheskie issledovaniya. 2017. V. 10. № 54. P. 7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 10.01.2020). (In Russian)*
7. *Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. Model' psihicheskogo v ontogeneze cheloveka. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian)*
8. *Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Koroleva N.A. Razrabotka testa "Model' psihicheskogo. Detskij variant". V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Psihologiya individual'nosti": sbornik materialov. Ed. A.S. Eliseenko. Moscow: Universitetskaya kniga, 2015. P. 157–158. (In Russian)*
9. *Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Ulanova A. Yu. Model' psihicheskogo — sposobnost' ponimaniya mira lyudej. Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii. Eds. E.A. Sergienko, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 269–342. (In Russian)*
10. *Smirnova E.O., Veraksa A.N., Buhalenkova D.A., Ryabkova I.A. Svyaz' igrovoj deyatel'nosti doshkol'nikov s pokazatelyami poznavatel'nogo razvitiya. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2018. V. 14. № 1. P. 4–14. (In Russian)*
11. *Astington J.W., Jenkins J.M. Theory of mind development and social understanding. Cognition & Emotion. 1995. V. 9. № 2–3. P. 151–165.*

12. Bloom P., Markson L. Intention and analogy in children's naming of pictorial representations. *Psychological Science*. 1998. V. 9. № 3. P. 200–204.
13. Callaghan T.C. Early understanding and production of graphic symbols. *Child Development*. 1999. V. 70. № 6. P. 1314–1324.
14. Callaghan T.C. Factors affecting children's graphic symbol use in the third year: Language, similarity, and iconicity. *Cognitive Development*. 2000. V. 15. № 2. P. 185–214.
15. Callaghan T.C., Rankin M.P. Emergence of graphic symbol functioning and the question of domain specificity: A longitudinal training study. *Child Development*. 2002. V. 73. № 2. P. 359–376.
16. Cole D., La Voie J.C. Fantasy play and related cognitive development in 2- to 6-year-olds. *Developmental Psychology*. 1985. V. 21. № 2. P. 233–240.
17. Hutchins T.L., Bonazinga L.A., Prelock P.A., Taylor R.S. Beyond false beliefs: The development and psychometric evaluation of the Perceptions of Children's Theory of Mind Measure — Experimental Version (PCToMM-E). *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2008. V. 38. № 1. P. 143–155.
18. Jenkins J.M., Astington J.W. Theory of mind and social behavior: Causal models tested in a longitudinal study. *Merrill-Palmer Quarterly*. 2000. V. 4. № 2. P. 203–220.
19. Johnson J.E. Relations of divergent thinking and intelligence test scores with social and nonsocial make believe play of preschool children. *ETS Research Bulletin Series*. 1976. № 1. P. 1–16.
20. Johnson J.E., Ershler J., Lawton J.T. Intellectual correlates of preschoolers' spontaneous play. *The Journal of General Psychology*. 1982. V. 106. № 1. P. 115–122.
21. Lillard A.S. Pretend play skills and the child's theory of mind. *Child Development*. 1993. V. 64. № 2. P. 348–371.
22. Lillard A.S., Lerner M.D., Hopkins E.J., Dore R.A., Smith E.D., Palmquist C.M. The impact of pretend play on children's development: A review of the evidence. *Psychological Bulletin*. 2013. V. 139. № 1. P. 1–34.
23. Peisach E., Hardeman M. Imaginative play and logical thinking in young children. *The Journal of Genetic Psychology*. 1985. V. 146. № 2. P. 233–248.
24. Rakoczy H., Tomasello M., Striano T. Young children know that trying is not pretending: a test of the “behaving-as-if” construal of children's early concept of pretense. *Developmental Psychology*. 2004. V. 40. № 3. P. 388–399.
25. Rubin K.H., Maioni T.L. Play preference and its relationship to egocentrism, popularity and classification skills in preschoolers. *Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*. 1975. V. 21. № 3. P. 171–179.
26. Rutherford M.D., Rogers S.J. Cognitive underpinnings of pretend play in autism // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2003. V. 33. № 3. P. 289–302.
27. Saltz E., Dixon D., Johnson J. Training disadvantaged preschoolers on various fantasy activities: Effects on cognitive function and impulse control. *Child Development*. 1977. V. 48. № 2. P. 367–380.
28. Schwebel D.C., Rosen C.S., Singer J.L. Preschoolers' pretend play and theory of mind: The role of jointly constructed pretence. *British Journal of Developmental Psychology*. 1999. V. 17. № 3. P. 333–348.
29. Smith P.K. *Children and play*. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2010.
30. Smith P.K., Dalgleish M., Herzmark G. A comparison of the effects of fantasy play tutoring and skills tutoring in nursery classes. *International Journal of Behavioral Development*. 1981. V. 4. № 4. P. 421–441.
31. Stavrou P.D. *The Development of Emotional Regulation in Pre-Schoolers: The Role of Sociodramatic Play*. *Psychology*. 2019. V. 10. № 1. P. 62–78.
32. Tomasello M. Having intentions, understanding intentions, and understanding communicative intentions. *Developing theories of intention: Social understanding and self-control*. Ed. by P.D. Zelazo, J.W. Astington, D.R. Olson. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1999. P. 63–75.
33. Youngblade L.M., Dunn J. Individual differences in young children's pretend play with mother and sibling: Links to relationships and understanding of other people's feelings and beliefs. *Child Development*. 1995. V. 66. № 5. P. 1472–1492.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Корреляционные связи между показателями символических функций и интеллекта у детей 3–4 и 5–6 лет

Субтесты теста интеллекта Д. Векслера		Использование символических средств		Понимание символических средств	
		Игра	Рисование	Игра	Рисование
3–4 года	Осведомленность	-0.02 ($p = 0.91$)	0.04 ($p = 0.79$)	0.20 ($p = 0.27$)	-0.02 ($p = 0.88$)
	Понятливость	0.11 ($p = 0.53$)	0.13 ($p = 0.46$)	-0.04 ($p = 0.80$)	-0.05 ($p = 0.79$)
	Арифметический	0.03 ($p = 0.87$)	0.19 ($p = 0.30$)	0.17 ($p = 0.35$)	0.11 ($p = 0.56$)
	Аналогии	-0.09 ($p = 0.61$)	0.07 ($p = 0.68$)	0.01 ($p = 0.93$)	0.17 ($p = 0.34$)
	Словарный	-0.09 ($p = 0.61$)	-0.19 ($p = 0.29$)	-0.01 ($p = 0.93$)	-0.17 ($p = 0.36$)
	Недостающие детали	0.35 ($p = 0.05$)	0.47 ($p = 0.00$)	0.14 ($p = 0.43$)	0.11 ($p = 0.56$)
	Кубики Косса	0.21 ($p = 0.24$)	0.37 ($p = 0.04$)	-0.04 ($p = 0.82$)	-0.24 ($p = 0.20$)
	Складывание фигур	0.33 ($p = 0.071$)	0.43 ($p = 0.01$)	0.14 ($p = 0.46$)	-0.14 ($p = 0.44$)
5–6 лет	Осведомленность	0.10 ($p = 0.58$)	-0.03 ($p = 0.87$)	0.02 ($p = 0.91$)	0.27 ($p = 0.14$)
	Понятливость	0.08 ($p = 0.64$)	0.40 ($p = 0.03$)	0.08 ($p = 0.67$)	0.27 ($p = 0.14$)
	Арифметический	0.33 ($p = 0.071$)	0.33 ($p = 0.06$)	0.21 ($p = 0.25$)	0.46 ($p = 0.01$)
	Аналогии	-0.09 ($p = 0.63$)	-0.09 ($p = 0.60$)	0.41 ($p = 0.02$)	0.22 ($p = 0.22$)
	Словарный	0.20 ($p = 28$)	-0.20 ($p = 0.28$)	0.36 ($p = 0.05$)	-0.03 ($p = 0.83$)
	Недостающие детали	0.10 ($p = 0.59$)	0.01 ($p = 0.93$)	0.18 ($p = 0.32$)	0.07 ($p = 0.68$)
	Кубики Косса	-0.10 ($p = 0.57$)	-0.09 ($p = 0.60$)	0.10 ($p = 0.58$)	-0.28 ($p = 0.12$)
	Складывание фигур	0.30 ($p = 0.10$)	0.01 ($p = 0.95$)	0.22 ($p = 0.22$)	0.17 ($p = 0.36$)

Примечание. Здесь и в табл. 2 полужирным шрифтом отмечены коэффициенты корреляции, значимые при $p \leq 0.05$.

Таблица 2. Корреляционные связи между показателями символических функций и модели психического у детей 3–4 и 5–6 лет

		Использование символических средств		Понимание символических средств	
		Игра	Рисование	Игра	Рисование
3–4 года	Распознавание эмоций	0.41 ($p = 0.02$)	0.20 ($p = 0.27$)	0.24 ($p = 0.19$)	0.20 ($p = 0.27$)
	Понимание ситуативных причин эмоций	-0.15 ($p = 0.42$)	0.01 ($p = 0.94$)	0.34 ($p = 0.06$)	0.07 ($p = 0.70$)
	Понимание ментальных причин эмоций	0.24 ($p = 0.19$)	0.01 ($p = 0.96$)	0.35 ($p = 0.05$)	0.19 ($p = 0.31$)
	Понимание визуальной перспективы	0.27 ($p = 0.14$)	0.48 ($p = 0.01$)	0.18 ($p = 0.34$)	-0.01 ($p = 0.94$)
	Понимание ментальных состояний	0.19 ($p = 0.29$)	0.12 ($p = 0.50$)	0.05 ($p = 0.79$)	0.04 ($p = 0.83$)
	Понимание неверных мнений и обмана	0.19 ($p = 0.31$)	0.43 ($p = 0.02$)	0.12 ($p = 0.50$)	0.19 ($p = 0.30$)
5–6 лет	Распознавание эмоций	-0.24 ($p = 0.20$)	-0.26 ($p = 0.15$)	-0.02 ($p = 0.90$)	-0.11 ($p = 0.54$)
	Понимание ситуативных причин эмоций	0.14 ($p = 0.43$)	0.34 ($p = 0.06$)	0.10 ($p = 0.56$)	0.49 ($p = 0.01$)
	Понимание ментальных причин эмоций	0.12 ($p = 0.50$)	0.47 ($p = 0.01$)	0.18 ($p = 0.33$)	0.44 ($p = 0.01$)
	Понимание визуальной перспективы	0.10 ($p = 0.57$)	0.00 ($p = 0.99$)	0.17 ($p = 0.36$)	0.18 ($p = 0.32$)
	Понимание ментальных состояний	0.21 ($p = 0.26$)	0.17 ($p = 0.37$)	0.16 ($p = 0.39$)	0.48 ($p = 0.01$)
	Понимание неверных мнений и обмана	0.28 ($p = 0.12$)	0.45 ($p = 0.01$)	0.34 ($p = 0.06$)	0.38 ($p = 0.04$)

Таблица 3. Корреляционные связи между показателями модели психического и интеллекта у детей 3–4 и 5–6 лет

Субтесты теста интеллекта Д. Векслера		РЭ	ПСЭ	ПМЭ	ПВП	ПМС	ПНО
3–4 года	Осведомленность	0.13 ($p = 0.48$)	0.39 ($p = 0.03$)	0.49 ($p = 0.01$)	0.58 ($p = 0.00$)	0.17 ($p = 0.36$)	0.33 ($p = 0.06$)
	Понятливость	0.18 ($p = 0.32$)	0.18 ($p = 0.32$)	0.32 ($p = 0.07$)	0.32 ($p = 0.08$)	-0.04 ($p = 0.82$)	0.39 ($p = 0.03$)
	Арифметический	0.29 ($p = 0.10$)	0.18 ($p = 0.33$)	0.33 ($p = 0.07$)	0.33 ($p = 0.06$)	0.27 ($p = 0.14$)	0.46 ($p = 0.01$)
	Аналогии	-0.15 ($p = 0.42$)	0.34 ($p = 0.06$)	0.03 ($p = 0.86$)	0.00 ($p = 0.96$)	0.01 ($p = 0.95$)	-0.02 ($p = 0.89$)
	Словарный	0.01 ($p = 0.94$)	0.11 ($p = 0.55$)	0.12 ($p = 0.52$)	0.30 ($p = 0.09$)	-0.12 ($p = 0.51$)	0.22 ($p = 0.23$)
	Недостающие детали	0.48 ($p = 0.01$)	0.22 ($p = 0.24$)	0.30 ($p = 0.09$)	0.25 ($p = 0.17$)	0.45 ($p = 0.01$)	0.45 ($p = 0.01$)
	Кубики Косса	0.23 ($p = 0.22$)	0.20 ($p = 0.26$)	0.10 ($p = 0.56$)	0.35 ($p = 0.05$)	0.42 ($p = 0.02$)	0.48 ($p = 0.01$)
	Складывание фигур	-0.29 ($p = 0.11$)	-0.06 ($p = 0.71$)	-0.05 ($p = 0.77$)	0.15 ($p = 0.40$)	-0.19 ($p = 0.30$)	0.01 ($p = 0.93$)

Субтесты теста интеллекта Д. Векслера		РЭ	ПСЭ	ПМЭ	ПВП	ПМС	ПНО
5–6 лет	Осведомленность	0.15 ($p = 0.41$)	0.45 ($p = 0.01$)	0.44 ($p = 0.01$)	0.34 ($p = 0.06$)	0.24 ($p = 0.20$)	0.07 ($p = 0.69$)
	Понятливость	0.14 ($p = 0.44$)	0.50 ($p = 0.00$)	0.34 ($p = 0.06$)	0.22 ($p = 0.23$)	0.29 ($p = 0.11$)	0.17 ($p = 0.36$)
	Арифметический	0.07 ($p = 0.71$)	0.59 ($p = 0.00$)	0.37 ($p = 0.04$)	0.13 ($p = 0.47$)	0.31 ($p = 0.09$)	0.39 ($p = 0.03$)
	Аналогии	0.331 ($p = 0.07$)	0.40 ($p = 0.02$)	0.44 ($p = 0.01$)	0.21 ($p = 0.26$)	-0.02 ($p = 0.91$)	0.14 ($p = 0.45$)
	Словарный	-0.14 ($p = 0.45$)	-0.15 ($p = 0.42$)	0.08 ($p = 0.65$)	0.26 ($p = 0.16$)	0.06 ($p = 0.73$)	0.01 ($p = 0.92$)
	Недостающие детали	-0.02 ($p = 0.89$)	0.11 ($p = 0.53$)	0.05 ($p = 0.78$)	0.22 ($p = 0.24$)	0.20 ($p = 0.27$)	0.00 ($p = 0.99$)
	Кубики Косса	-0.15 ($p = 0.404$)	0.07 ($p = 0.683$)	-0.14 ($p = 0.454$)	0.03 ($p = 0.839$)	-0.02 ($p = 0.908$)	0.19 ($p = 0.302$)
	Складывание фигур	0.00 ($p = 0.96$)	-0.10 ($p = 0.59$)	-0.10 ($p = 0.59$)	0.16 ($p = 0.39$)	0.12 ($p = 0.52$)	0.07 ($p = 0.68$)

Примечание. РЭ — распознавание эмоций, ПСЭ — понимание ситуативных причин эмоций, ПМЭ — понимание ментальных причин эмоций, ПВП — понимание визуальной перспективы, ПМС — понимание ментальных состояний, ПНО — понимание неверных мнений и обмана. Полужирным шрифтом отмечены коэффициенты корреляции, значимые при $p \leq 0.05$ и $p \leq 0.001$.

УДК 159.942.5

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ: ФАКТОРЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ВИДЫ ПОВЕДЕНИЯ¹

© 2020 г. Г. А. Виленская

ФГБУН психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к.1, Россия.

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.

E-mail: vga2001@mail.ru

Поступила 23.05.2020

Аннотация. Проведены информационно-аналитический обзор литературы и теоретический анализ исследований эмоциональной регуляции человека. Описаны основные этапы развития эмоциональной регуляции, общие направления изменений, происходящих в онтогенезе. Рассматриваются внешние и внутренние факторы, влияющие на становление эмоциональной регуляции. В качестве внутренних факторов рассматриваются темперамент и исполнительные функции, в качестве внешних — отношение родителей к детям, стиль воспитания в семье, способы саморегуляции родителей. Отдельно рассмотрены области исследований, тесно примыкающие к изучению эмоциональной регуляции: просоциальное поведение и его связь с эмоциональной регуляцией и эмоциональным интеллектом.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, развитие эмоциональной регуляции, темперамент, детско-родительское взаимодействие, исполнительные функции, просоциальное поведение, эмоциональный интеллект.

DOI: 10.31857/S020595920011083-7

Изучение эмоциональной регуляции (ЭР) в психологии началось сравнительно недавно, но ведется интенсивно. В изучении ЭР можно выделить два основных направления: первое — эмоции как одно из основных средств регуляции психики (работы В.К. Вилюнаса, К. Изарда, П.В. Симонова, В.В. Лебединского, К. Лоренца, З. Фрейда, Дж. Кампоса); второе — эмоциональная регуляция как совокупность средств для регуляции собственно эмоций и способов их выражения (Дж. Гросс, Дж. Томпсон, Н. Эйзенберг и др.).

ЭР включает набор процессов, которые люди используют для распознавания, мониторинга, оценки и модификации эмоционального опыта. Эти процессы могут как увеличивать, так и уменьшать интенсивность и количество эмоциональных реакций. Регуляции подлежат не только негативные, но и позитивные эмоции: и те и другие несут полезную информацию [71]. Адаптивная ЭР улучшает качество жизни.

Выделяются несколько подходов к определению сути эмоционального развития и, соответственно, ЭР. *Мотивационный подход* исходит из постулата о ведущей роли эмоционального развития для личности, поскольку эмоции являются универсальным мотиватором для всех психических процессов, и в этом случае ЭР рассматривается как аналог саморегуляции вообще [6].

Функциональный подход описывает эмоциональное развитие как совершенствование подстройки эмоционального опыта к происходящим событиям, а ЭР — как механизм адаптации к внешним воздействиям. Акцент делается на осознанности ЭР: осознании эмоций, оценке вызвавших их обстоятельств, активному выбору эмоциогенных ситуаций [33].

Динамический подход фокусируется на динамике индивидуального опыта, оцениваемого при помощи эмоций, а ЭР выступает как механизм его организации. Главная задача эмоций и их регуляции — обеспечить целостность индивидуального опыта, при этом человек способен гибко, динамично

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-113-50594.

и избирательно мобилизовать эмоции в процессе достижения цели [41].

Когнитивный подход признает доминирующую роль когнитивных процессов в эмоциональном развитии, обеспечивающих обработку эмоциональной информации [62]. Сюда же можно отнести работы К. Копп [58; 59], где ЭР рассматривается как фундамент поведенческой регуляции, а также Л. Пулккинен, которая понимает ЭР как подсистему самоконтроля, занимающегося распределением, модификацией и контролем эмоционального возбуждения [73].

В отечественной психологии ЭР стала предметом специального исследования сравнительно недавно, хотя основы для ее изучения были заложены, например, в работах о механизме эмоционального предвосхищения А.В. Запорожца [5], о социальных эмоциях Л.И. Божович [1]. При этом первоначально ЭР рассматривалась как целенаправленный, осознанный и опосредованный процесс изменения эмоционального состояния. В настоящее время специфический деятельностный подход развивается Е.И. Изотовой [7], где деятельность рассматривается как основа эмоционального развития, а эмоции, в свою очередь, играют важную роль в регуляции деятельности. В настоящее время в отечественной психологии регуляция эмоций рассматривается, как правило, в рамках более широких направлений исследований саморегуляции. Это, например, концепция осознанной саморегуляции [13], регуляция психических состояний [16], саморегуляция функциональных состояний в профессиональной деятельности [4; 11], исследования контроля поведения [19].

РАЗВИТИЕ ЭР НА ПРОТЯЖЕНИИ ЖИЗНИ

Наибольшее внимание исследователей ЭР привлекали и привлекают начальные этапы становления ЭР — младенчество и раннее детство. Также активно исследуется ЭР у подростков как весьма уязвимой группы в плане регуляции, последние 10–15 лет интенсивно исследуется ЭР на поздних этапах онтогенеза.

Наиболее ранние стратегии ЭР наблюдаются уже в первые месяцы жизни и сводятся к приближению к приятным стимулам и избеганию неприятных. Дети используют врожденные формы поведения, такие как сосание или поворот головы к стимулу и от него, и могут своим поведением сигнализировать о дистрессе (например, хмурить брови или сжимать губы) [59; 60].

В 3–8 месяцев развивающаяся моторика и внимание расширяют репертуар стратегий ЭР, позволяя ребенку более эффективно варьировать свою включенность в эмоциогенные ситуации [2; 20; 57; 59]. В этом возрасте дети становятся способны произвольно перемещать фокус внимания [17; 31], что открывает возможности для новых способов ЭР, например смещения интереса с раздражающего стимула на привлекательный объект для уменьшения фрустрации. На этом этапе начинаются отбор детьми эффективных стратегий поведения и отбрасывание неэффективных. Например, частота отвлечения внимания от стимула и самоуспокаивающего поведения уменьшается в возрасте 6–12 месяцев, а переключение внимания на мать, наоборот, учащается [76]. В этот же период дети обнаруживают, что родитель может поддержать их в обеспечении регуляции [40].

В 2 года дети могут активно разрабатывать стратегии ЭР и применять определенные тактики ЭР для воздействия на различные эмоциональные состояния [29]. В этом возрасте ведущую роль в ЭР все еще играют родители как внешний источник регуляции [20; 60]. Однако дети постепенно могут перенимать способы, которыми родители контролируют их эмоции и поведение (см. ниже).

На протяжении дошкольного возраста происходит социализация содержания и форм проявления эмоций. Дошкольники усваивают правила социального взаимодействия (с 3–4 лет в детской игре появляются игры с правилами). Расширяется спектр испытываемых эмоций, в него активно входят сложные, социально обусловленные эмоции (гордость, стыд, вина, смущение и т.д.), параллельно обогащается эмоциональный словарь ребенка. Совершенствуется способность опознавать эмоции по мимике. Начинает формироваться структурированное представление об эмоциях [52].

Дети уже с 3–4 лет связывают определенные стратегии ЭР с конкретными эмоциональными состояниями. Однако, если представление о возможном контроле поведенческих проявлений у детей возникает с конца младенческого возраста, то собственно эмоции вплоть до конца дошкольного детства рассматриваются как не поддающиеся когнитивному контролю, что связано с недостаточным уровнем развития когнитивного контроля и необходимостью достичь уровня конкретных операций, позволяющих эффективно оперировать ментальными репрезентациями [10].

Развивается когнитивная основа понимания эмоций — модель психического [21]. По мере формирования целостного представления о внутреннем мире другого развивается эмоциональная рефлексия, ребенок начинает понимать возможность

одновременного сосуществования множественных или противоречивых эмоций (к 5–6 годам) [10], эта способность продолжает активно развиваться вплоть до подросткового возраста.

Согласно исследованию Е.И. Изотовой [7], нижней возрастной границей произвольной регуляции эмоций оказывается младший дошкольный возраст. В качестве механизмов произвольной регуляции эмоций ею рассматриваются механизмы произвольного кодирования эмоций: симуляция (выражение непереживаемой эмоции), подавление (скрытие или снижение интенсивности выражения переживаемой эмоции), маскировка (изображение непереживаемой эмоции вместо переживаемой, актуализируется позже всех).

Знание о ЭР становится более консолидированным в детстве. Дети в возрасте 6–10 лет хорошо распознают контекст, в котором те или иные способы выражения эмоций наиболее социально приемлемы и в каких случаях эмоции должны регулироваться. Общее направление развития в этом возрасте — использование более когнитивных стратегий ЭР, замещающих базовые стратегии, вроде отвлечения, приближения и ухода [80].

В подростковом возрасте регуляция поведения осложняется в связи с физиологическими особенностями пубертатного возраста, необходимостью сепарации от родителей, освоением новых социальных ролей. Вместе с тем развивающиеся когнитивные способности позволяют использовать новые стратегии ЭР, включая переформулирование проблемы, переоценку ситуации, взгляд с других точек зрения, и решения о регуляции эмоций становятся более сложными, зависящими от многих факторов. Ключевое отличие от более ранних стадий развития ЭР состоит в том, что у подростков ЭР начинает развиваться под сознательным когнитивным контролем, позволяя рефлексировать используемые стратегии [39]. Это тесно связано с переходом на стадию формальных операций, развитием абстрактного мышления, что облегчает рефлексивность и собственных, и чужих эмоциональных состояний. Однако система, ответственная за порождение эмоций, развивается раньше, чем система когнитивного контроля, что означает, что когнитивные инструменты для ЭР еще не полностью развиты у подростков, поэтому требования к ЭР могут превышать их возможности [47; 65]. Для подростков важным аспектом адаптации становится способность завязывать и поддерживать межличностные отношения. Чем более развита у ребенка способность распознавать эмоции и управлять ими, тем выше оценивается его социальная компетентность и лучше отношения

со сверстниками [27; 84]. Использование дисфункциональных стратегий ЭР ассоциируется с различными дезадаптивными состояниями: проблемами поведения, гиперактивностью, самоповреждающим поведением, депрессией, булимией. В то же время развитая ЭР может ослабить связь между стрессогенными событиями и депрессией [71].

Индивидуальная способность к ЭР меняется на протяжении жизни, хотя исследования обычно фокусируются на детстве. Однако развитие целостной регуляторной системы — длительный процесс, продолжающийся и во взрослости [37]. Во взрослом возрасте продолжают открываться возможности для модификации ЭР, связанные с изменением физического и социального окружения, а также с накоплением жизненного опыта [49]. Например, существенные изменения в ЭР могут происходить, когда люди становятся родителями [77]. Существуют данные о возрастных изменениях эмоционального интеллекта (ЭИ) — способности к распознаванию, пониманию эмоций, управлению своими и чужими эмоциями, — подтверждающие, что он увеличивается с возрастом [8; 9; 25; 69].

Изменения ЭР в пожилом возрасте оцениваются неоднозначно. Сообщается об изменении динамики эмоциональных состояний, учащении отрицательных эмоций, снижении эмоционального контроля и эмпатии [82]. Однако есть данные, показывающие, что ЭР пожилых может быть даже более эффективна, чем у более молодых людей, за счет использования жизненного опыта и мотивации к поддержанию эмоционального благополучия, хотя успешность сильно зависит от выбранной стратегии и контекста ситуации [53]. Пожилые люди, несмотря на снижение сенсорных и когнитивных способностей, сообщают о более высоком уровне благополучия и меньше сожалеют о неудачах, чем более молодые люди. То есть здоровое старение может способствовать использованию более позитивных и более оптимальных стратегий ЭР для компенсации дефицита внутренних и внешних ресурсов [82]. Высказывается предположение, что пожилые люди могут улучшать свою ЭР также и за счет предвидения последствий эмоциогенной ситуации, что позволяет им дистанцироваться от ситуаций с негативным исходом, фокусируясь на тех, которые можно успешно разрешить [61].

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭР

В качестве внутренних факторов, связанных с развитием ЭР, чаще всего рассматриваются темперамент [3], а также исполнительные функции

(ИФ) и нейропсихологические основы ЭР (развитие и взаимодействие соответствующих мозговых структур).

Темперамент в связи с ЭР рассматривается, как правило, в рамках модели М. Ротбарт, предполагающей в качестве одной из ведущих характеристик темперамента контроль усилий (*effortful control*), или волевой контроль [41]. М. Ротбарт определяет его как способность тормозить доминирующий ответ в пользу субдоминантного ответа, способность планировать и способность находить ошибки [75].

Контроль усилий связан со сниженной негативной эмоциональностью, в том числе лонгитудно [42; 43], и обеспечивает базу для развития ЭР. Наиболее интенсивное его развитие происходит в первые пять лет жизни [44]. Он основывается на физиологических механизмах, обеспечивающих ориентировочное внимание [75], таким образом этот концепт позволяет связать воедино представления о темпераменте, эмоциональной регуляции и исполнительных функциях.

Различия в ЭР наблюдаются уже в первый год жизни и находятся под влиянием пренатальных факторов, формирующих детский темперамент, и затем модифицируются постнатальным воспитанием. Высокая тревожность и повышенный уровень кортизола у матери во время беременности предсказывают повышенный уровень негативной эмоциональности у детей и частоту использования ими некоторых стратегий ЭР [83]. Темперамент опосредует связи ЭР и родительского отношения. Например, низкий уровень негативных эмоций у детей с трудным темпераментом связан с высоким уровнем материнского контроля, а у детей с заторможенным темпераментом — с высоким уровнем проявления материнской любви [78]. Влияния темперамента на ЭР могут продолжаться в течение всего дошкольного детства [22] и далее — первоклассники с трудным темпераментом имеют больше проблем в ЭР, чем дети с легким [87].

В подростковом возрасте высокий уровень негативной эмоциональности и низкий уровень позитивной эмоциональности связаны с риском развития депрессии, при этом низкий уровень позитивной эмоциональности усиливает связь между высокими уровнями негативной эмоциональности и депрессивных симптомов. Высокий уровень негативной эмоциональности связан с более частым использованием дезадаптивных ЭР стратегий, но не связан с использованием адаптивных ЭР стратегий. То есть связь темперамента, депрессивных симптомов и стратегий ЭР в подростковом возрасте несимметрична и неоднозначна [85].

Нейропсихологическое изучение ЭР подчеркивает роль генетического вклада, развития мозговых структур и функций и пластичности развития. Люди с адаптивной ЭР имеют низкий уровень активации миндалины и высокий уровень активации префронтальной коры [48]. *Ochsnerand* и *Gross* [68] предложили модель нейрональной основы ЭР, включающую как восходящие, так и нисходящие процессы. Она предполагает, что ЭР включает взаимодействие восходящей (миндалина) и нисходящей (префронтальная и цингулярная кора) систем оценки стимулов, одна из которых продуцирует аффекты, а другая контролирует их. Аффективные процессы усложняются по мере развития мозга, в свою очередь, эмоциональный опыт модифицирует нейронные связи. Для подросткового возраста была предложена модель иерархических изменений в функционировании мозга, сопровождающих эмоциональное развитие, на основе ФМР исследований. Эти иерархические изменения от подкорково-подкорковых к подкорково-корковым, затем к корково-подкорковым и, наконец, к корково-корковым связям могут лежать в основе постепенных изменений в эмоциональной реактивности и регуляции в подростковом возрасте и далее в ранней взрослости [23; 34].

Как уже упоминалось, контроль усилий тесно связан с вниманием и ЭР. На протяжении развития система произвольного внимания взаимодействует с лимбической системой, приспосабливая реакции и связанные с ними позитивные и негативные аффекты к культурным нормам [76]. Связи ЭР с вниманием и другими ИФ подтверждаются в различных эмпирических исследованиях. Например, в работе Феррье с соавторами [45] показаны лонгитудные отношения между ИФ и эмоциональностью у детей 3–5 лет, при этом эмоциональность и ИФ взаимно предсказывают друг друга на протяжении полугода. На основании метаанализа исследований Грациано и Гарсия приходят к выводу о ключевой роли ЭР в понимании проблем, возникающих у детей и подростков с СДВГ [50]. У здоровых детей младшего подросткового возраста также наблюдается прямая связь между уровнем ИФ и ЭР [81]. Некоторые исследователи предполагают, что трудности детей и подростков в регуляции поведения связаны с дискоординацией между хорошо развитыми эмоциональными процессами и слабо развитой системой когнитивного контроля [70].

Таким образом, взаимосвязи ЭР с другими регуляторными процессами подтверждаются на разных выборках и на разных стадиях онтогенеза, но исследованы еще недостаточно.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ В РАЗВИТИИ ЭР: РОЛЬ РОДИТЕЛЕЙ

Одним из важнейших факторов, вносящих вклад в становление ЭР, являются детско-родительские отношения. Родители множеством способов влияют на развитие ЭР у детей с самого рождения, включая как прямое влияние, так и опосредованное.

В самом начале жизни ребенка одними из наиболее важных параметров для развития ЭР становятся сензитивность родителя к сигналам ребенка и его отзывчивость на них. Реакция взрослого на ребенка помогает младенцу регулировать свои эмоции [14; 60]. Помимо этого, родители осуществляют прямую внешнюю регуляцию эмоций ребенка. В младенческом возрасте такая регуляция включает, как правило, предупреждение и модификацию фрустрирующих ситуаций, переключение внимания ребенка с фрустрирующих стимулов на позитивные или нейтральные [29]. По мере взросления ребенка расширяется репертуар способов, которыми родители помогают детям регулировать эмоции. Эти способы включают, например: прямое обучение ребенка конкретным стратегиям ЭР (переключение внимания, поиск информации, переоценка ситуации и т.д.); признание и озвучивание эмоций ребенка, что помогает тому понимать и справляться со своими эмоциями; утешение/успокоение ребенка или, напротив, наказание за чрезмерное выражение эмоций; побуждение детей к самостоятельной ЭР при помощи различных социальных и материальных поощрений и наказаний [72]. При этом родители обучают детей распознаванию и обозначению эмоций, культурным и субкультурным правилам оценки, переживания, выражения и регуляции эмоций [20; 24; 31]. Используемые родителями при общении с ребенком стратегии ЭР влияют на их эмоциональное развитие, способствуя выбору конкретных стратегий и методов ЭР детьми [56]. Например, родители могут поддерживать гендерные стереотипы в выражении эмоций, поощряя выражение дочерьми страха, а сыновьями — гнева [35]. В свою очередь, дети своим поведением могут влиять на то, какие стратегии ЭР используют родители, например, матери боязливых детей усиливают защитное поведение по отношению к ребенку [54]. Эффективные стратегии поддерживают развитие самоконтроля у ребенка, моделируя желаемое поведение, а не только требуя его. Слишком требовательный или непредсказуемый стиль взаимодействия взрослого может нарушить развитие ЭР [44].

Одной из наиболее полно суммирующих прямые и косвенные методы, которыми родители могут

влиять на ЭР ребенка, является трехчастная модель родительского и семейного влияния на ЭР ребенка [66], которая предполагает три компонента родительского вклада в развитие ЭР у ребенка.

Первый связан с тем, что ребенок изучает стратегии регуляции, наблюдая родителей и других членов семьи и их практики ЭР, а позже и обучаясь стратегиям по вербальным инструкциям. Вторым источником родительского влияния — родительские практики по отношению к ребенку. Например, родительское обусловленное отношение (родители могут менять степень внимания и проявляемых эмоций в зависимости от желательности поведения ребенка) связано с трудностями в ЭР у детей [74]. Третий компонент модели делает акцент на эмоциональном климате в семье и его влиянии на детскую ЭР. От него во многом зависит чувство безопасности у ребенка, которое, в свою очередь, опосредует риск развития эмоционально-личностных нарушений у ребенка в случае семейного неблагополучия. Работает также и механизм “заражения” эмоциями, и, если ребенок, например, длительно находится в тяжелой эмоциональной атмосфере в семье, он начинает считать негативные эмоции нормой [15]. При этом дети могут перенимать у родителей и вырабатывать как адаптивные, так и дезадаптивные стратегии [24].

Тип привязанности играет значительную роль в обучении ребенка регуляторным стратегиям. Способность регулировать эмоции развивается в соответствии с качеством привязанности и с сензитивностью и отзывчивостью родителя [46; 55]. Дети с надежной привязанностью применяют более адаптивные регуляторные стратегии, чем дети с ненадежной привязанностью [79]. В диадах с надежной привязанностью ребенка родитель принимает полный спектр эмоций ребенка и реагирует сензитивно. Следовательно, ребенок узнает, что выражение эмоций может быть полезным способом получить поддержку от окружающих, а эмоциональный дистресс управляем, и с ним можно совладать. Напротив, в диадах с избегающей или амбивалентной привязанностью родители отвергают эмоциональные реакции ребенка или пренебрегают ими, соответственно, дети научаются подавлять эмоции, чтобы избежать отвержения, или, напротив, усиливают эмоциональные сигналы, чтобы “достучаться” до родителя [36]. М. Падун проводит параллели между типами привязанности и когнитивно-поведенческими стратегиями, используемыми ребенком в семье, где родители находятся в конфликте [15].

В развитии ЭР происходит взаимодействие генетических и средовых факторов. Например, дети с определенными

вариациями генов, отвечающих за метаболизм серотонина, чаще имеют сниженную саморегуляцию, если у них ненадежный тип привязанности [56]. В одном из исследований оценивались требования приемных родителей к детям в задаче уборки игрушек как мера структурированного родительства. У детей с генетическим риском психопатологии усиление структурированности связано с уменьшением проблем поведения. У детей же с низким риском психопатологии структурированное родительство связано с увеличением поведенческих проблем [63]. Таким образом, последствия родительского поведения для детского развития могут зависеть как от генетических, так и от средовых факторов.

ЭР И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Интерес представляют взаимоотношения эмоциональной регуляции и эмоционального интеллекта. С точки зрения системно-субъектного подхода существует непрерывность в развитии эмоциональной регуляции и эмоционального интеллекта как операционализации одного из компонентов контроля поведения (регулятивной функции субъекта) — эмоционального контроля [18]. Все модели эмоционального интеллекта включают умение или способность регулировать свои и чужие эмоции (Мэйер и Сэловей, Гоулмен, Д.В. Люсин, Е.А. Сергиенко), а также служащие основой для него способности понимать, оценивать, сравнивать эмоции, понимать причины и последствия возникновения эмоций [12; 18; 67]. В последнее время стали появляться работы, в которых анализируется связь уровня ЭИ и способности к ЭР, например, теоретически, на базе модели ЭР Дж. Гросса [69]. Эта модель интеграции предполагает, что люди с высоким ЭИ могут регулировать эмоции начиная с самой ранней точки их возникновения и имеют множество стратегий регуляции. Еще один важный момент, на котором фокусируется эта модель: люди с высоким ЭИ не только могут успешно регулировать эмоции, но и понимают необходимость эмоций и “оставляют им место” в своей жизни. Получены и эмпирические доказательства связи ЭИ и ЭР — люди с более высоким ЭИ лучше регулируют свои эмоциональные реакции как в краткосрочной, так и в более длительной перспективе [88]; однако шкала ЭИ, содержащая утверждения, требующие от респондента оценить, насколько точно они его описывают, лучше предсказывает повседневную ЭР, чем тест на ЭИ, содержащий задачи, касающиеся управления эмоциями, т.е. представления человека о своих способностях к пониманию

и управлению эмоциями в большей мере связано с его ЭР, чем инструментальная оценка этих способностей [30].

Вопрос о соотношении ЭР и ЭИ остается пока далеким от разрешения, в первую очередь в силу дискуссионности природы ЭИ. Он рассматривается либо как набор специфических способностей, либо как сложное психическое образование, имеющее смешанную природу. В первом случае его, видимо, можно рассмотреть как предпосылку или один из факторов для развития ЭР, во втором ЭИ будет рассматриваться как часть системы регуляции, отражающей индивидуальные предпочтения в эмоциональной регуляции [18], возможно, как ресурс ЭР. Однако ответ на этот вопрос требует дальнейших исследований в области ЭИ и его соотношения с ЭР.

ЭР И ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Просоциальное поведение и эмоции — поведение, направленное на повышение благополучия других людей, и эмоции, связанные с этим, являются важной частью социальной и эмоциональной компетентности. В свою очередь, эмоциональная компетентность, включающая переживание эмоций, их эффективную передачу и понимание чужих эмоций, тесно связана с эмоциональной регуляцией. В то же время очевидно, что недостаточное развитие ЭР приводит к проблемам в адаптации, особенно в возникновении экстернатальных проблем (агрессивность, непослушание, упрямство, девиантное поведение) [42], наличие которых явно затрудняет реализацию просоциального поведения.

Важность ЭР в развитии просоциального поведения показана в исследованиях, где участвовали люди разного возраста. На выборке дошкольников был показан существенный вклад родительского поведения в развитие просоциального поведения [86], в том числе отрицательная связь между предпочтением родителями стратегии подавления эмоций и просоциальным поведением детей, что подтверждает важность принятия и понимания эмоций для развития этого вида поведения. Эта же направленность связи между стратегией подавления эмоций и вероятностью просоциального поведения (уже у одного и того же человека) была найдена у подростков [26; 51].

Сходный паттерн был обнаружен и у взрослых людей. Наблюдалась значимая позитивная связь между эмпатией и просоциальными тенденциями у людей с низкой или средней тенденцией к переоценке ситуации, но не у людей с сильной склонностью

к переоценке [64]. В то же время стратегии переоценки могут действовать по-разному. В исследовании К. Бретель-Хаурвиц с коллегами [28] было выявлено, что когда респондентов при предъявлении им изображений людей, находящихся в дистрессе, инструктировали использовать две различные стратегии переоценки — основанную на надежде (этим людям можно помочь) и основанную на дистанцировании/избегании (этим людям ничем не поможешь), то обе эти стратегии приводили к уменьшению негативного аффекта, но только первая приводила к усилению положительного аффекта и к учащению благотворительных пожертвований (т.е. просоциальному поведению).

Однако связи между ЭР и просоциальным поведением неоднозначны. В частности, ЭР не обязательно приводит к просоциальному поведению. ЭР также может тормозить эмпатию и просоциальность, как это показано в исследованиях “коллапса сопереживания”, где высокая ЭР приводит к уменьшению озабоченности множественными жертвами [32]. Более того, было выявлено, что высокий ЭИ может приводить и к отклоняющемуся социальному поведению [38]. Это предположение базировалось на предпосылке о том, что ЭР способствует более эффективному достижению цели, следовательно, оно усиливает эффекты проявления личностных черт как ориентированных на себя, так и ориентированных на других. В этом исследовании было обнаружено, что, с одной стороны, у людей с высокими оценками знания о ЭР наблюдаются более сильные положительные связи моральной идентичности с просоциальным поведением при решении социальных дилемм; с другой же стороны, макиавеллизм у таких людей демонстрирует более сильные положительные связи с отклонениями в межличностных отношениях на работе. Таким образом, знание о ЭР имеет как положительную, так и темную сторону, и связи ЭР с просоциальным поведением, как минимум, неоднозначны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткие итоги обзору исследований, можно отметить, что, несмотря на разнообразие подходов к ЭР, все авторы признают ее огромную роль в социальной адаптации, совладании, просоциальном поведении, отмечают ее интенсивное развитие в детском и подростковом возрасте, при том что развитие ЭР продолжается на протяжении всей жизни человека, выделяют общие тенденции, состоящие в усложнении и “когнитивизации” используемых стратегий ЭР. ЭР взаимосвязана с когнитивной регуляцией (исполнительные функции)

и с индивидуальными особенностями человека, в первую очередь темпераментом. Наряду с этим огромную роль в формировании ЭР играют родители и их способы взаимодействия с ребенком и регулирования его поведения.

Среди перспектив исследования ЭР надо отметить преодоление методологической гетерогенности, выработку обобщенного взгляда на природу эмоций и ЭР, проведение кросскультурных исследований, особенно касающихся культурных особенностей социализации переживания и выражения эмоций, дальнейшее изучение развития ЭР во взрослом и пожилом возрасте, прояснение вклада ЭР в совладающее поведение, просоциальное поведение, эмоциональный интеллект, особенности ЭР при различных патологических состояниях, связь ЭР с когнитивной и волевой регуляцией, уточнение нейропсихологических механизмов ЭР и многое другое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Божович Л.И.* Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 23–34.
2. *Виленская Г.А.* Регуляция поведения в раннем возрасте // Психология сегодня: теория, образование и практика / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, А.В. Карпова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 70–86.
3. *Виленская Г.А., Сергиенко Е.А.* Роль темперамента в развитии регуляции поведения в раннем возрасте // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 68–85.
4. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2003.
5. *Запорожец А.В.* Эмоциональное развитие дошкольника. М., 1986.
6. *Изард К.Е.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002.
7. *Изотова Е.И.* Динамика эмоционального развития современных дошкольников // Мир психологии. 2015. № 1 (81). С. 65–76.
8. *Ильин Е.П., Липина А.Н.* Динамика характеристик эмоциональной сферы и агрессивности на протяжении периода от юности до старости // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4 (13). С. 42–46.
9. *Карабущенко Н.Б., Зорина Н.Н.* Возрастные особенности эмоционального интеллекта у женщин разного возраста // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 4 (216). С. 108–114.

10. *Карелина И.О.* Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс: монография. Прага: Vědeckovydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2017.
11. *Леонова А.Б.* Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2007. № 1. С. 87–103.
12. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004. С. 29–36.
13. *Моросанова В.И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010
14. *Мухамедрахимов Р.Ф.* Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: СПбГУ, 2003.
15. *Падун М.А.* Регуляция эмоций и эмоциональная безопасность ребенка в семье // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 17–35.
16. *Прохоров А.О.* Образ психического состояния. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
17. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
18. *Сергиенко Е.А.* Эмоциональный интеллект — разработка понятия // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленской. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 201–254.
19. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А.* Контроль поведения // Разработка понятий в современной психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 343–378.
20. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
21. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.В.* Модель психического и ее развитие в детском возрасте. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
22. *Abulizi X., Pryor L., Michel G., Melchior M., van der Waerden J.* Temperament in infancy and behavioral and emotional problems at age 5.5: The EDEN mother-child cohort. 2017. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0171971>.
23. *Ahmed S., Bittencourt-Hewitt A., Sebastian C.* Neurocognitive Bases of Emotion Regulation Development in Adolescence // Developmental Cognitive Neuroscience. 2015. V. 15. P. 11–25. DOI: 10.1016/j.dcn.2015.07.006
24. *Bariola E., Hughes E.K., Gullone E.* Relationships between parent and child emotion regulation strategy use: A brief report // Journal of Child and Family Studies. 2012. V. 21 (3). P. 1–6.
25. *Bar-On R.* Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i): A Measure of Emotional Intelligence. Technical Manual. Toronto. Canada: Multi-health Systems, 2004.
26. *Benita M., Levkovitz T., Roth G.* Integrative emotion regulation predicts prosocial behavior through the mediation of empathy // Learning and Instruction. 2017. V. 50. P. 14–20.
27. *Blair B.L., Gangle M.R., Perry N.B., O'Brien M., Calkins S.D., Keane S.P., Shanahan L.* Indirect Effects of Emotion Regulation on Peer Acceptance and Rejection: The Roles of Positive and Negative Social Behaviors // Merrill Palmer Q. 2016. V. 62 (4). P. 415–439.
28. *Brethel-Haurwitz K.M., Stoianova M., Marsh A.A.* Empathic emotion regulation in prosocial behavior and altruism. URL: <https://psyarxiv.com/ds3gc/> (препринт). 2019.
29. *Bridges L.J., Grolnick W.S.* The development of emotional self-regulation in infancy and early childhood // Review of personality and social psychology / Ed. N. Eisenberg. Sage Publications, Inc., 1995. P. 185–211.
30. *Bucich M., MacCann C.* Emotional Intelligence and Day-To-Day Emotion Regulation Processes: Examining Motives for Social Sharing // Personality and Individual Differences. 2019. V. 137. P. 22–26.
31. *Calkins S.D., Hill A.* Caregiver influences on emerging emotion regulation: Biological and environmental transactions in early development // Handbook of emotion regulation / Ed. J.J. Gross. N.Y., NY: Guilford, 2007. P. 229–248
32. *Cameron C.D., Payne B.K.* Escaping Affect: How Motivated Emotion Regulation Creates Insensitivity to Mass Suffering // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. V. 100 (1). P. 1–15.
33. *Campos J.J., Frankel C.B., Camras L.* On the Nature of Emotion Regulation // Child Development. 2004. V. 75. № 2. P. 377–394.
34. *Casey B.J., Heller A.S., Gee D.G., Cohen A.O.* Development of the emotional brain // Neuroscience Letters, 2019. V. 693. P. 29–34.
35. *Cassano M., Perry-Parrish C., Zeman J.* Influence of gender on parental socialization of children's sadness regulation // Social Development. 2007. V. 16. P. 210–231.
36. *Cassidy J.* Emotion regulation: Influences of attachment relationships // Monographs of Social Research Child Development. 1994. V. 59. № 2–3. P. 228–249.
37. *Cicchetti D., Cohen D.J.* Developmental psychopathology: Theory and method. 2nd ed. John Wiley & Sons Inc, 2006.
38. *Côté S., DeCelles K.A., McCarthy J.M., van Kleef G.A., Hiding I.* The Jekyll and Hyde of emotional intelligence: emotion-regulation knowledge facilitates both prosocial and interpersonally deviant behavior // Psychological Science. 2011. V. 22. Iss. 8. P. 1073–1080.
39. *Diamond L., Aspinwall L.G.* Emotion Regulation Across the Life Span: An Integrative Perspective Emphasizing

- Self-Regulation, Positive Affect, and Dyadic Processes // *Motivation and Emotion*. 2003. V. 27. № 2. P. 125–156.
40. Diener M., Mangelsdorf S., McHale J., Frosch C. Infants' behavioral strategies for emotion regulation with fathers and mothers: Associations with emotional expressions and attachment quality // *Infancy*. 2002. V. 3 (2). P. 153–174.
  41. Eisenberg N. Temperamental Effortful Control (Self-Regulation). In: Tremblay R.E., Boivin M., Peters RDeV, eds. Rothbart M.K., topic ed. *Encyclopedia on Early Childhood Development* [online]. URL: <http://www.child-encyclopedia.com/temperament/according-experts/temperamental-effortful-control-self-regulation>. Updated April 2012. Accessed April 30, 2020.
  42. Eisenberg N., Eggum N., Vaughan J., Edwards A. Relations of self-regulatory/control capacities to maladjustment, social competence, and emotionality // Ed. R. Hoyle. *Handbook of personality and self-regulation*. N.Y.: Wiley, 2010. P. 21–46.
  43. Eisenberg N., Smith C., Spinrad T.L. Effortful control: Relations with emotion regulation, adjustment, and socialization in childhood // Vohs K.D. *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* / Ed. R.F. Baumeister. N.Y.: Guilford, 2011. P. 263–283.
  44. Eisenberg N., Spinrad T.L., Eggum N.D. Emotion-Related Self-Regulation and Its Relation to Children's Maladjustment // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2010. V. 27. № 6. P. 495–525.
  45. Ferrier D.E., Bassett H.H., Denham S.A. Relations between executive function and emotionality in preschoolers: Exploring a transitive cognition–emotion linkage // *Frontiers in Psychology*. 2014. № 5. P. 487.
  46. Fonagy P., Gergely G., Jurist E.L., Target M. *Affect regulation, mentalization, and the development of the self*. L.: H. Karnac (Books) Ltd, 2004.
  47. Garnefski N., Kraaij V. Relationships between cognitive emotion regulation strategies and depressive symptoms: A comparative study of five specific samples // *Personality and Individual Differences*. 2006. V. 40. № 8. P. 1659–1669.
  48. Goldsmith H.H., Pollak S.D., Davidson R.J. Developmental neuroscience perspectives on emotion regulation // *Child Developmental Perspectives*. 2008. V. 2 (3). P. 132–140.
  49. Gross J.J., Thompson R.A. *Emotion Regulation: Conceptual Foundations* // *Handbook of emotion regulation* / Ed. J.J. Gross. The Guilford Press, 2007. P. 3–24.
  50. Graziano P.A., Garcia A. Attention-deficit hyperactivity disorder and children's emotion dysregulation: A meta-analysis // *Clinical Psychology Review*. 2016. V. 46. P. 106–123.
  51. Hein S., Röder M., Fingerle M. The role of emotion regulation in situational empathy-related responding and prosocial behaviour in the presence of negative affect // *International Journal of Psychology*. 2018. V. 53. № 6. P. 477–485.
  52. Hoeksma J.B., Oosterlaan J., Schipper E.M. Emotion Regulation and the Dynamics of Feelings: A Conceptual and Methodological Framework // *Child Development*. 2004. V. 75. № 2. P. 354–360.
  53. Isaacowitz D.M., Livingstone K.M., Castro V.L. Aging and emotions: experience, regulation, and perception // *Current Opinions in Psychology*. 2017. V. 17. P. 79–83.
  54. Kiel E.J., Kalomiris A.E. Current themes in understanding children's emotion regulation as developing from within the parent–child relationship // *Current Opinion in Psychology*. 2015. V. 3. P. 11–16.
  55. Kochanska G. Emotional development in children with different attachment histories: The first three years // *Child Development*. 2001. V. 72. № 2. P. 474–490.
  56. Kochanska G., Philibert R.A., Barry R.A. Interplay of genes and early mother–child relationship in the development of self-regulation from toddler to preschool age // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009. V. 50. P. 1331–1338.
  57. Kochanska G., Coy K.C., Murray K.Y. The development of self-regulation in the first four years of life // *Child Development*. 2001. V. 72. № 4. P. 1091–1111
  58. Kopp C. Antecedents of Self-Regulation: A developmental perspective // *Developmental Psychology*. 1982. V. 18. P. 199–208.
  59. Kopp C. Regulation of distress and negative emotions: A developmental view // *Developmental Psychology*. 1989. V. 25. P. 343–354.
  60. Kopp C.B., Neufeld S.J. *Emotional development during infancy* // Series in affective science. *Handbook of affective sciences* / Eds. R.J. Davidson, K.R. Scherer, H.H. Goldsmith. Oxford University Press, 2003. P. 347–374.
  61. Lantrip C., Huang J.H. Cognitive Control of Emotion in Older Adults: A Review // *Clinical Psychiatry (Wilmingtton)*. 2017. V. 3. № 1. P. 9.
  62. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping*. N.Y.: Springer, 1984.
  63. Leve L.D., Harold G.T., Ge X., Neiderhiser J.M., Shaw D., Scaramella L.V., Reiss D. Structured parenting of toddlers at high versus low genetic risk: Two pathways to child problems // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2009. V. 48 (11). P. 1102–1109.
  64. Lockwood P.L., Seara-Cardoso A., Viding E. Emotion Regulation Moderates the Association between Empathy and Prosocial Behavior // *PLoS ONE*. 2014. V. 9. № 5. e96555.
  65. Luna B., Padmanabhan A., O'Hearn K. What has fMRI told us about the development of cognitive control through adolescence? // *Brain and Cognition*. 2010. V. 72. № 1. P. 101–113.
  66. Morris A., Criss M.M., Silk J.S., Houlberg B.J. The Impact of Parenting on Emotion Regulation During

- Childhood and Adolescence // Child Development Perspectives. 2017. V. 11 (4). P. 233–238.
67. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence // *Intelligence*. 1999. V. 27 (4). P. 267–298.
  68. Ochsner K.N., Gross J.J. The neural architecture of emotion regulation // *Handbook of emotion regulation*. N.Y.: Guilford, 2007. P. 87–109.
  69. Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J. Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis // *Frontiers in Psychology*. 2015. V. 6. P. 160.
  70. Phillips K.F.V., Power M.J. A new self-report measure of emotion regulation in adolescents: The regulation of emotions questionnaire // *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2007. V. 14. P. 145–156.
  71. Phillips K., Power M. Emotional regulation // *Encyclopedia of Adolescence* / Ed. J.R. Roger. Levesque: Springer, 2011.
  72. Power T.G. Stress and coping in childhood: the parents' role // *Parenting: Science and Practice*. 2004. V. 4. № 4. P. 271–317.
  73. Pulkkinen L., Kokko K. *Human Development from Middle Childhood to Middle Adulthood: Growing Up to be Middle-aged*. Routledge, 2017.
  74. Roth G., Assor A., Niemiec C.P., Deci E.L., Ryan R.M. The emotional and academic consequences of parental conditional regard: comparing conditional positive regard, conditional negative regard, and autonomy support as parenting practices // *Developmental Psychology*. 2009. V. 45. № 4. P. 1119–1142.
  75. Rothbart M.K., Sheese B.E., Posner M.I. Temperament and emotion regulation // *Handbook of emotion regulation* / Ed. J.J. Gross. Guilford Press, 2014. P. 305–320.
  76. Rothbart M.K., Sheese B.E., Rueda M.R., Posner M.I. Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life // *Emotional Review*. 2011. V. 3 (2). P. 207–213.
  77. Rutherford H.J.V., Wallace N.S., Laurent H.K., Mayes L.C. Emotion Regulation in Parenthood // *Developmental Review*. 2015. V. 36. P. 1–14.
  78. Séguin D.G., MacDonald B. The role of emotion regulation and temperament in the prediction of the quality of social relationships in early childhood // *Early Child Development and Care*. 2018. V. 188. Iss. 8. P. 1147–1163.
  79. Shaver P.R., Mikulincer M. Adult attachment strategies and the regulation of emotion // *Handbook of Emotion Regulation*. 2007. P. 446–465.
  80. Stegge H., Terwog M.M. Awareness and regulation of emotion in typical and atypical development // *Handbook of Emotion Regulation* / Ed. J.J. Gross. N.Y.: Guilford Press, 2007. P. 269–286.
  81. Sudikoff E.L., Bertolin M., Lordo D.N., Kaufman D.A.S. Relationships between Executive Function and Emotional Regulation in Healthy Children // *Journal of Neurology and Psychology*. 2015. V. S(2). P. 8.
  82. Suri G., Gross J.J. Emotion regulation and successful aging // *Trends in Cognitive Sciences*. 2012. V. 16 (8). P. 409–410.
  83. Thomas J.C., Letourneau N., Campbell T.S., Tomfohr-Madsen L., Giesbrecht G.F. APrON Study Team. Developmental origins of infant emotion regulation: Mediation by temperamental negativity and moderation by maternal sensitivity // *Developmental Psychology*. 2017. V. 53 (4). P. 611–628.
  84. Trentacosta J.C., Shaw D.S. Emotional Self-Regulation, Peer Rejection, and Antisocial Behavior: Developmental Associations from Early Childhood to Early Adolescence // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2009. V. 30 (3). P. 356–365.
  85. Van Beveren M.-L., McIntosh K., Vandevivere E., Wante L., Vandeweghe L., Van Durme K., Vandewalle J., Verbeke S., Braet C. Associations Between Temperament, Emotion Regulation, and Depression in Youth: The Role of Positive Temperament // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. V. 25. P. 1954–1968.
  86. Xiao S.X., Spinrad T., Carter D.B. Parental emotion regulation and preschoolers' prosocial behavior: The mediating roles of parental warmth and inductive discipline // *Journal of Genetic Psychology*. 2018. V. 179. № 5. P. 246–255.
  87. Zarra-Nezhad M., Aunola K., Kiuru N., Mullola S., Moazami-Goodarzi A. Parenting Styles and Children's Emotional Development during the First Grade: The Moderating Role of Child Temperament // *Journal of Psychology and Psychotherapy*. 2015. V. 5. Iss. 5. P. 206.
  88. Zysberg L., Raz S. Emotional intelligence and emotion regulation in self-induced emotional states: Physiological evidence // *Personality and Individual Differences*. 2019. V. 139. P. 202–207.

EMOTIONAL REGULATION: FACTORS OF DEVELOPMENT AND FORMS OF MANIFESTATION IN BEHAVIOR²

© 2020 G. A. Vilenskaya

*Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Psychology
of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.
E-mail: vga2001@mail.ru*

Received 23.05.2020

Abstract. The article is devoted to the review and theoretical analysis of research on human emotional regulation. The main stages of development of emotional regulation and general directions of changes occurring in ontogenesis are described. External and internal factors that influence the formation of emotional regulation are considered. Temperament and Executive functions are considered as internal factors, while parents' attitude to children, parenting style in the family, and ways of self-regulation of parents are considered as external factors. The research areas closely related to the study of emotional regulation — prosocial behavior and its relationship with emotional regulation and emotional intelligence — are considered separately.

Keywords: emotional regulation, development of emotional regulation, temperament, child-parent interaction, executive functions, prosocial behavior, emotional intelligence.

REFERENCES

1. *Bozhovich L.I.* Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze. *Voprosy psihologii.* 1979. № 4. P. 23–34. (In Russian)
2. *Vilenskaya G.A.* Regulyaciya povedeniya v rannem vozraste. *Psihologiya segodnya: teoriya, obrazovanie i praktika.* Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, A.V. Karpov. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2009. P. 70–86. (In Russian)
3. *Vilenskaya G.A., Sergienko E.A.* Rol' temperamenta v razvitiy regulyacii povedeniya v rannem vozraste. *Psihologicheskij zhurnad.* V. 22. № 3. 2001. P. 68–85. (In Russian)
4. *Dikaya L.G.* Psihicheskaya samoregulyaciya funkcional'nogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatelnostnyj podhod). Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2003. (In Russian)
5. *Zaporozhec A.V.* Emocional'noe razvitie doshkol'nika. Moscow, 1986. (In Russian)
6. *Izard K.E.* *Psihologiya emocij.* St. Petersburg: Piter, 2002. (In Russian)
7. *Izotova E.I.* Dinamika emocional'nogo razvitiya sovremennyh doshkol'nikov. *Mir psihologii.* 2015. № 1 (81). P. 65–76. (In Russian)
8. *I'in E.P., Lipina A.N.* Dinamika harakteristik emocional'noj sfery i agressivnosti na protyazhenii perioda ot yunosti do starosti. *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya.* 2007. № 4 (13). P. 42–46. (In Russian)
9. *Karabushchenko N.B., Zorina N.N.* Vozrastnye osobennosti emocional'nogo intellekta u zhenshchin raznogo vozrasta. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo universiteta.* 2018. № 4 (216). P. 108–114. (In Russian)
10. *Karelina I.O.* Razvitie ponimaniya emocij v period doshkol'nogo detstva: psihologicheskij rakurs: monografiya. Praga: Vědeckovydatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2017. (In Russian)
11. *Leonova A.B.* Strukturno-integrativnyj podhod k analizu funkcional'nyh sostoyanij cheloveka. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya.* 2007. № 1. P. 87–103. (In Russian)
12. *Lyusin D.V.* Sovremennye predstavleniya ob emocional'nom intellekte. *Social'nyj intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya.* Ed. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2004. P. 29–36. (In Russian)
13. *Morosanova V.I.* Samoregulyaciya i individual'nost' cheloveka. Moscow: Nauka, 2010. (In Russian)
14. *Muhamedrahimov R.F.* Mat' i mladenec: psihologicheskoe vzaimodejstvie. St. Petersburg: SPbGU, 2003. (In Russian)
15. *Padun M.A.* Regulyaciya emocij i emocional'naya bezopasnost' rebenka v sem'e. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya.* 2017. V. 6. № 2. P. 17–35. (In Russian)
16. *Prohorov A.O.* *Obraz psicheskogo sostoyaniya.* Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. (In Russian)

²The reported study was funded by RFBR, project number 19-113-50594.

17. *Sergienko E.A.* Rannee kognitivnoe razvitie: novyj vzglyad. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2006. (In Russian)
18. *Sergienko E.A.* Emocional'nyj intellekt — razrabotka ponyatiya. Razrabotka ponyatij v sovremennoj psihologii. V. 2. Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. P. 201–254. (In Russian)
19. *Sergienko E.A., Vilenskaya G.A.* Kontrol' povedeniya. Razrabotka ponyatij v sovremennoj psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 343–378. (In Russian)
20. *Sergienko E.A., Vilenskaya G.A., Kovaleva Yu.V.* Kontrol' povedeniya kak sub"ektnaya regulyaciya. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (In Russian)
21. *Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.V.* Model' psihicheskogo i ee razvitie v detskom vozraste. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian)
22. *Abulizi X., Pryor L., Michel G., Melchior M., van der Waerden J.* Temperament in infancy and behavioral and emotional problems at age 5.5: The EDEN mother-child cohort. 2017. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0171971>.
23. *Ahmed S., Bittencourt-Hewitt A., Sebastian C.* Neurocognitive Bases of Emotion Regulation Development in Adolescence. *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2015. V. 15. P. 11–25. DOI: 10.1016/j.dcn.2015.07.006
24. *Bariola E., Hughes E.K., Gullone E.* Relationships between parent and child emotion regulation strategy use: A brief report. *Journal of Child and Family Studies*. 2012. V. 21 (3). P. 1–6.
25. *Bar-On R.* Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i): A Measure of Emotional Intelligence. Technical Manual. Toronto, Canada: Multi-health Systems, 2004.
26. *Benita M., Levkovitz T., Roth G.* Integrative emotion regulation predicts prosocial behavior through the mediation of empathy. *Learning and Instruction*. 2017. V. 50. P. 14–20.
27. *Blair B.L., Gangle M.R., Perry N.B., O'Brien M., Calkins S.D., Keane S.P., Shanahan L.* Indirect Effects of Emotion Regulation on Peer Acceptance and Rejection: The Roles of Positive and Negative Social Behaviors. *Merrill Palmer Q*. 2016. V. 62 (4). P. 415–439.
28. *Brethel-Haurwitz K.M., Stoianova M., Marsh A.A.* Empathic emotion regulation in prosocial behavior and altruism. URL: <https://psyarxiv.com/ds3gc/> (препринт). 2019.
29. *Bridges L.J., Grolnick W.S.* The development of emotional self-regulation in infancy and early childhood. Review of personality and social psychology. Ed. N. Eisenberg. Sage Publications, Inc., 1995. P. 185–211.
30. *Bucich M., MacCann C.* Emotional Intelligence and Day-To-Day Emotion Regulation Processes: Examining Motives for Social Sharing. *Personality and Individual Differences*. 2019. V. 137. P. 22–26.
31. *Calkins S.D., Hill A.* Caregiver influences on emerging emotion regulation: Biological and environmental transactions in early development.. *Handbook of emotion regulation*. Ed. J.J. Gross. New York, NY: Guilford, 2007. P. 229–248
32. *Cameron C.D., Payne B.K.* Escaping Affect: How Motivated Emotion Regulation Creates Insensitivity to Mass Suffering. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. V. 100 (1). P. 1–15.
33. *Campos J.J., Frankel C.B., Camras L.* On the Nature of Emotion Regulation. *Child Development*. 2004. V. 75. № 2. P. 377–394.
34. *Casey B.J., Heller A.S., Gee D.G., Cohen A.O.* Development of the emotional brain. *Neuroscience Letters*. 2019. V. 693. P. 29–34.
35. *Cassano M., Perry-Parrish C., Zeman J.* Influence of gender on parental socialization of children's sadness regulation. *Social Development*. 2007. V. 16. P. 210–231.
36. *Cassidy J.* Emotion regulation: Influences of attachment relationships. *Monographs of Social Research Child Development*. 1994. V. 59. № 2–3. P. 228–249.
37. *Cicchetti D., Cohen D.J.* Developmental psychopathology: Theory and method. 2nd ed. John Wiley & Sons Inc, 2006.
38. *Côté S., DeCelles K.A., McCarthy J.M., van Kleef G.A., Hiedeg I.* The Jekyll and Hyde of emotional intelligence: emotion-regulation knowledge facilitates both prosocial and interpersonally deviant behavior. *Psychological Science*. 2011. V. 22. Iss. 8. P. 1073–1080.
39. *Diamond L., Aspinwall L.G.* Emotion Regulation Across the Life Span: An Integrative Perspective Emphasizing Self-Regulation, Positive Affect, and Dyadic Processes. *Motivation and Emotion*. 2003. V. 27. № 2. P. 125–156.
40. *Diener M., Mangelsdorf S., McHale J., Frosch C.* Infants' behavioral strategies for emotion regulation with fathers and mothers: Associations with emotional expressions and attachment quality. *Infancy*. 2002. № 3 (2). P. 153–174.
41. *Eisenberg N.* Temperamental Effortful Control (Self-Regulation). In: Tremblay R.E., Boivin M., Peters RDeV, eds. Rothbart M.K., topic ed. *Encyclopedia on Early Childhood Development*. URL: <http://www.child-encyclopedia.com/temperament/according-experts/temperamental-effortful-control-self-regulation>. Updated April 2012. Accessed April 30, 2020.
42. *Eisenberg N., Eggum N., Vaughan J., Edwards A.* Relations of self-regulatory/control capacities to maladjustment, social competence, and emotionality. Ed. R. Hoyle. *Handbook of personality and self-regulation*. New York: Wiley, 2010. P. 21–46.
43. *Eisenberg N., Smith C., Spinrad T.L.* Effortful control: Relations with emotion regulation, adjustment, and socialization in childhood. Vohs K.D. *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications*. Ed. R.F. Baumeister. New York: Guilford, 2011. P. 263–283.

44. Eisenberg N., Spinrad T.L., Eggum N.D. Emotion-Related Self-Regulation and Its Relation to Children's Maladjustment. *Annual Review of Clinical Psychology*. 2010. V. 27. № 6. P. 495–525.
45. Ferrier D.E., Bassett H.H., Denham S.A. Relations between executive function and emotionality in preschoolers: Exploring a transitive cognition–emotion linkage. *Frontiers in Psychology*. 2014. № 5. P. 487.
46. Fonagy P., Gergely G., Jurist E.L., Target M. Affect regulation, mentalization, and the development of the self. London: H. Karnac (Books) Ltd, 2004.
47. Garnefski N., Kraaij V. Relationships between cognitive emotion regulation strategies and depressive symptoms: A comparative study of five specific samples. *Personality and Individual Differences*. 2006. V. 40. № 8. P. 1659–1669.
48. Goldsmith H.H., Pollak S.D., Davidson R.J. Developmental neuroscience perspectives on emotion regulation. *Child Developmental Perspectives*. 2008. V. 2 (3). P. 132–140.
49. Gross J.J., Thompson R.A. Emotion Regulation: Conceptual Foundations. *Handbook of emotion regulation*. Ed. J.J. Gross. The Guilford Press, 2007. P. 3–24
50. Graziano P.A., Garcia A. Attention-deficit hyperactivity disorder and children's emotion dysregulation: A meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 2016. V. 46. P. 106–123.
51. Hein S., Röder M., Fingerle M. The role of emotion regulation in situational empathy-related responding and prosocial behaviour in the presence of negative affect. *International Journal of Psychology*. 2018. V. 53. № 6. P. 477–485.
52. Hoeksma J.B., Oosterlaan J., Schipper E.M. Emotion Regulation and the Dynamics of Feelings: A Conceptual and Methodological Framework. *Child Development*. 2004. V. 75. № 2. P. 354–360.
53. Isaacowitz D.M., Livingstone K.M., Castro V.L. Aging and emotions: experience, regulation, and perception. *Current Opinions in Psychology*. 2017. V. 17. P. 79–83.
54. Kiel E.J., Kalomiris A.E. Current themes in understanding children's emotion regulation as developing from within the parent–child relationship. *Current Opinion in Psychology*. 2015. V. 3. P. 11–16.
55. Kochanska G. Emotional development in children with different attachment histories: The first three years. *Child Development*. 2001. V. 72. № 2. P. 474–490.
56. Kochanska G., Philibert R.A., Barry R.A. Interplay of genes and early mother-child relationship in the development of self-regulation from toddler to preschool age. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009. V. 50. P. 1331–1338.
57. Kochanska G., Coy K.C., Murray K.Y. The development of self-regulation in the first four years of life. *Child Development*. 2001. V. 72. № 4. P. 1091–1111
58. Kopp C. Antecedents of Self-Regulation: A developmental perspective. *Developmental Psychology*. 1982. V. 18. P. 199–208.
59. Kopp C. Regulation of distress and negative emotions: A developmental view. *Developmental Psychology*. 1989. V. 25. P. 343–354.
60. Kopp C.B., Neufeld S.J. Emotional development during infancy. *Series in affective science. Handbook of affective sciences*. Eds. R.J. Davidson, K.R. Scherer, H.H. Goldsmith. Oxford University Press, 2003. P. 347–374.
61. Lantrip C., Huang J.H. Cognitive Control of Emotion in Older Adults: A Review. *Clinical Psychiatry (Wilmington)*. 2017. V. 3 (1). P. 9.
62. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping*. New York: Springer, 1984.
63. Leve L.D., Harold G.T., Ge X., Neiderhiser J.M., Shaw D., Scaramella L.V., Reiss D. Structured parenting of toddlers at high versus low genetic risk: Two pathways to child problems. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2009. V. 48 (11). P. 1102–1109.
64. Lockwood P.L., Seara-Cardoso A., Viding E. Emotion Regulation Moderates the Association between Empathy and Prosocial Behavior. *PLoS ONE*. 2014. V. 9 (5). e96555.
65. Luna B., Padmanabhan A., O'Hearn K. What has fMRI told us about the development of cognitive control through adolescence? *Brain and Cognition*. 2010. V. 72. № 1. P. 101–113.
66. Morris A., Criss M.M., Silk J.S., Houlberg B.J. The Impact of Parenting on Emotion Regulation During Childhood and Adolescence. *Child Development Perspectives*. 2017. V. 11 (4). P. 233–238.
67. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence. *Intelligence*. 1999. V. 27 (4). P. 267–298.
68. Ochsner K.N., Gross J.J. The neural architecture of emotion regulation. *Handbook of emotion regulation*. New York: Guilford, 2007. P. 87–109.
69. Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J. Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis. *Frontiers in Psychology*. 2015. V. 6. P. 160.
70. Phillips K.F.V., Power M.J. A new self-report measure of emotion regulation in adolescents: The regulation of emotions questionnaire. *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2007. V. 14. P. 145–156.
71. Phillips K., Power M. Emotional regulation. *Encyclopedia of Adolescence*. Ed. J.R. Roger. Levesque: Springer, 2011.
72. Power T.G. Stress and coping in childhood: the parents' role. *Parenting: Science and Practice*. 2004. V. 4. № 4. P. 271–317.

73. *Pulkkinen L., Kokko K.* Human Development from Middle Childhood to Middle Adulthood: Growing Up to be Middle-aged. Routledge, 2017.
74. *Roth G., Assor A., Niemiec C.P., Deci E.L., Ryan R.M.* The emotional and academic consequences of parental conditional regard: comparing conditional positive regard, conditional negative regard, and autonomy support as parenting practices. *Developmental Psychology*. 2009. V. 45. № 4. P. 1119–1142.
75. *Rothbart M.K., Sheese B.E., Posner M.I.* Temperament and emotion regulation. *Handbook of emotion regulation*. Ed. J.J. Gross. Guilford Press, 2014. P. 305–320.
76. *Rothbart M.K., Sheese B.E., Rueda M.R., Posner M.I.* Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life. *Emotional Review*. 2011. V. 3 (2). P. 207–213.
77. *Rutherford H.J.V., Wallace N.S., Laurent H.K., Mayes L.C.* Emotion Regulation in Parenthood. *Developmental Review*. 2015. V. 36. P. 1–14.
78. *Séguin D.G., MacDonald B.* The role of emotion regulation and temperament in the prediction of the quality of social relationships in early childhood. *Early Child Development and Care*. 2018. V. 188. Iss. 8. P. 1147–1163.
79. *Shaver P.R., Mikulincer M.* Adult attachment strategies and the regulation of emotion. *Handbook of Emotion Regulation*. 2007. P. 446–465.
80. *Stegge H., Terwog M.M.* Awareness and regulation of emotion in typical and atypical development. *Handbook of Emotion Regulation*. Ed. J.J. Gross. New York: Guilford Press, 2007. P. 269–286.
81. *Sudikoff E.L., Bertolin M., Lordo D.N., Kaufman D.A.S.* Relationships between Executive Function and Emotional Regulation in Healthy Children. *Journal of Neurology and Psychology*. 2015. V. S(2). P. 8.
82. *Suri G., Gross J.J.* Emotion regulation and successful aging. *Trends in Cognitive Sciences*. 2012. V. 16 (8). P. 409–410.
83. *Thomas J.C., Letourneau N., Campbell T.S., Tomfohr-Madsen L., Giesbrecht G.F.* APrON Study Team Developmental origins of infant emotion regulation: Mediation by temperamental negativity and moderation by maternal sensitivity. *Developmental Psychology*. 2017. V. 53 (4). P. 611–628.
84. *Trentacosta J.C., Shaw D.S.* Emotional Self-Regulation, Peer Rejection, and Antisocial Behavior: Developmental Associations from Early Childhood to Early Adolescence. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2009. V. 30 (3). P. 356–365.
85. *Van Beveren M.-L., McIntosh K., Vandevivere E., Wante L., Vandeweghe L., Van Durme K., Vandewalle J., Verbeke S., Braet C.* Associations Between Temperament, Emotion Regulation, and Depression in Youth: The Role of Positive Temperament. *Journal of Child and Family Studies*. 2016. V. 25. P. 1954–1968.
86. *Xiao S.X., Spinrad T., Carter D.B.* Parental emotion regulation and preschoolers' prosocial behavior: The mediating roles of parental warmth and inductive discipline. *Journal of Genetic Psychology*. 2018. V. 179. № 5. P. 246–255.
87. *Zarra-Nezhad M., Aunola K., Kiuru N., Mullola S., Moazami-Goodarzi A.* Parenting Styles and Children's Emotional Development during the First Grade: The Moderating Role of Child Temperament. *Journal of Psychology and Psychotherapy*. 2015. V. 5. Iss. 5. P. 206.
88. *Zysberg L., Raz S.* Emotional intelligence and emotion regulation in self-induced emotional states: Physiological evidence. *Personality and Individual Differences*. 2019. V. 139. P. 202–207.

УДК 159.922

ПРИВЯЗАННОСТЬ У ДЕТЕЙ С ОПЫТОМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ. ЧАСТЬ I. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЯЗАННОСТИ У ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ¹⁾

© 2020 г. Р. Ж. Мухамедрахимов^{1,*}, К. Г. Туманьян^{1,**},
Д. И. Черного^{1,***}, Л. А. Асламазова^{2,****}

¹Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Россия.

²Адыгейский государственный университет;
385000, Майкоп, ул. Первомайская, д. 208, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор. E-mail: rjm@list.ru

** Аспирантка. E-mail: karinatumanyan@gmail.com

*** Кандидат психологических наук, младший научный сотрудник.

E-mail: chernego@gmail.com

**** Кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: lily.aslamazova@gmail.com

Поступила 15.01.2020

Аннотация. Установлено, что у детей с опытом проживания в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, наблюдается нарушение формирования привязанности в депривационных условиях учреждения и его улучшение в условиях замещающей семьи (приемной, усыновителей). При этом частота проявлений разных типов привязанности зависит от множества факторов, требующих изучения. Актуальность настоящего информационно-аналитического обзора определяется необходимостью изучения влияния ранней депривации на развитие привязанности, значительным увеличением в Российской Федерации числа детей, проживающих в замещающих семьях, и необходимостью знакомства профессионалов и родителей с особенностями привязанности детей с опытом институционализации. Цель первой части обзора — анализ исследований привязанности у детей, проживающих в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проведенных с использованием валидных методов, основанных на наблюдении. Результаты исследований свидетельствуют о негативных изменениях распределения типов привязанности у детей в депривационных условиях учреждений. По сравнению со сверстниками из биологических семей у них значительно снижается частота проявлений безопасной и повышается частота проявлений дезорганизованной привязанности. Позитивные изменения распределения типов привязанности у детей, воспитываемых в сиротских организациях, наблюдаются при улучшении их социально-эмоционального окружения.

Ключевые слова: привязанность, дети, организация для сирот, социально-эмоциональное окружение.

DOI: 10.31857/S020595920010419-6

Проведенные в последние десятилетия обширные исследования детей, проживающих в разных странах в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, свидетельствуют о значительном негативном влиянии на их развитие депривационных условий сиротских

учреждений [21; 27; 31]. У воспитанников сиротских организаций наблюдаются задержка физического [36] и познавательного развития [31], нарушения иммунной системы [28] и регуляции при стрессовом воздействии [18], структурные и функциональные нарушения мозга [25], эпигенетические изменения [24], трудности с исполнительным функционированием и регуляцией эмоций [22], а также риск развития психопатологии [41]. Данные исследований привязанности соответствуют

¹⁾ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-113-50402\19 «Привязанность у детей с опытом институционализации, проживающих в замещающих семьях».

общей информации о системных биоповеденческих нарушениях развития, наблюдающихся у детей при проживании в депривационных условиях сиротского учреждения. Обнаружено значительное негативное изменение распределения паттернов привязанности со снижением вероятности формирования безопасной [9; 14; 31; 42] и увеличением проявлений дезорганизованной [9; 39] привязанности. При этом частота проявлений типов привязанности у детей в условиях институционализации может отличаться, и анализ опубликованной в литературе обширной информации предоставляет возможность прояснить факторы, влияющие на формирование привязанности в сиротских учреждениях.

Исследования детей после перевода в замещающие семьи проведены в последние годы в основном в рамках крупных лонгитюдных исследований после зарубежного усыновления [12; 35] или в приемных семьях страны рождения ребенка [29; 34], в том числе в связи с участием семей в программах профессионального сопровождения [15; 17]. Результаты свидетельствуют о позитивных изменениях в их физическом, когнитивном и социально-эмоциональном развитии, однако последствия проживания в депривационных условиях учреждения могут продолжать влиять на развитие и поведение ребенка [27; 36]. Среди областей развития, в которых ребенок с опытом институционализации испытывает значительные трудности, авторы выделяют развитие привязанности к близкому взрослому в замещающей семье [36]. Данные исследований в этой области противоречивы и указывают как на улучшение [29], так и на сохранение значительных нарушений привязанности у детей после перевода в замещающие семьи [35] и требуют подробного анализа и обобщения в рамках информационно-аналитического обзора.

Анализ российской литературы свидетельствует о дефиците исследований привязанности у детей с опытом институционализации, переведенных в замещающие семьи. Немногочисленные отечественные работы включают эмпирические исследования, которые либо проведены с использованием методов, не изученных с точки зрения соответствия современным методическим требованиям оценки привязанности [2], либо ограничиваются исследованием поведения, связанного с привязанностью [1; 3; 23], в том числе взаимодействия детей и приемных матерей [4] и расстройств поведения [7], но не собственно паттернов привязанности и их возможного изменения при переводе детей из учреждения в семью. Научная значимость работы обусловлена противоречивостью результатов,

а также недостаточностью анализа и обобщения работ по привязанности к замещающим близким взрослым у детей с опытом институционализации. Научная актуальность определяется необходимостью изучения вопроса о влиянии ранней депривации на развитие привязанности у детей при изменении качества социально-эмоционального окружения.

В 2009 г. ООН предложила разработать стратегию деинституционализации с последующим прекращением использования крупных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [32]. В последние десятилетия процесс деинституционализации наблюдается в разных странах мира, в том числе в странах Восточной Европы, где крупные интернатные учреждения были основной формой организации ухода за детьми [16; 26]. В продолжение предложенной политики ООН приняла резолюцию, подчеркивающую необходимость способствования воссоединению детей, оставшихся без попечения родителей, со своими семьями, а в случаях, когда это невозможно, организации высококачественного альтернативного семейного ухода [33]. Реализуемая в Российской Федерации Национальная стратегия действий в интересах детей (Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) привела к значительному снижению численности детей в сиротских организациях (с 186 тыс. в 2006 г. до 47 тыс. к концу 2018 г.) и увеличению числа детей, переданных в замещающие семьи (на усыновление, в опеку или приемную семью) [6]. Успешная адаптация этих детей во многом связана с качеством взаимодействия и формированием привязанности к замещающим близким взрослым [29]. Прикладная актуальность настоящей работы связана с необходимостью знакомства профессионального и родительского сообщества с информацией об особенностях развития и формирования привязанности у детей с опытом институционализации после перевода в замещающие семьи.

Цель данной работы заключается в выявлении, анализе и обобщении научной информации, полученной в результате исследований привязанности у детей с опытом проживания в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Объект исследования* — привязанность у детей, *предмет* — привязанность у детей с опытом институционализации. *Задачи* исследования включают обзор научных работ по изучению особенностей проявлений привязанности у детей с опытом институционализации при проживании в сиротских организациях и после перевода в замещающие семьи.

Метод исследования заключается в выявлении, анализе, обсуждении и обобщении результатов исследований привязанности у детей с опытом институционализации, опубликованных в изданиях, включенных в библиографические базы *Web of Science* и *Scopus*. Анализировались в основном работы, использовавшие валидные и широко применяемые, согласно метааналитическим исследованиям [35; 38], методы изучения привязанности в виде процедуры “Незнакомая ситуация” (“*The Strange Situation Procedure*”) [8], а также основанного на наблюдении метода *AQS* (“*Attachment Q-sort*”) [38; 40]. Типы привязанности представлены преимущественно в соответствии с классической системой классификации привязанности с выделением паттернов безопасного (*B*), небезопасного избегающего (*A*), небезопасного тревожно-сопротивляющегося (*C*) [8] и дезорганизованного (*D*) [19; 20] типов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Привязанность у детей при проживании в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Первоначальные исследования привязанности у детей, проживающих в учреждениях, показали как нарушения [11], так и возможность развития ими избирательной привязанности по отношению к воспитателям [30], однако эти результаты были получены без необходимого учета особенностей взаимодействия ребенка и взрослого в методически выверенной процедуре оценки привязанности. Исследования детей в сиротских учреждениях с использованием метода “Незнакомая ситуация” были проведены лишь в начале 2000-х годов, и первое сообщение о результатах поступило из расположенного в Афинах греческого детского центра [39]. Данные свидетельствовали о том, что у детей, проживавших в учреждениях, по сравнению с семейными детьми чаще встречались выражение гнева и агрессии по отношению к воспитателю, проявление дезорганизованного паттерна привязанности (соответственно 66 и 25% исследованных выборок) с сочетанием избегания и сопротивления или, наоборот, отсутствием признаков как избегания, так и сопротивления [39]. В ситуации стресса эти дети значительно реже были способны искать и получать утешение со стороны ухаживающего взрослого. Частота проявления дезорганизованной привязанности значительно превышала частоту в группе детей из благополучных семей, чьи родители находились в трудной жизненной ситуации или проявляли жестокое обращение по отношению к ребенку [37].

Изучение детей в сиротских учреждениях Румынии показало, что среди них чаще, чем среди сверстников из биологических семей, встречались дети, демонстрировавшие отвержение и гнев по отношению к воспитателю сразу после избегания взаимодействия. У них фиксировалось наличие стереотипных движений, признаков страха, выражавшихся в оцепенении и замирании [42]. Процент детей с привязанностью типа *D* был выше, чем в биологических семьях, и составлял 65.3% (22% в семьях) по одним исследованиям [42] и 45.6% (9.8%) по другим [29]. Организованные паттерны привязанности встречались значительно реже и в совокупности составляли 22.1% выборки (18.9% *B*, 3.2% *A* и 0% *C*) по сравнению с 78% (74%, 4%, 0%) у детей из биологических семей, в одной работе [42] и соответственно 54.4% (17.5%, 24.6%, 12.3%) и 90.2% (64.7%, 11.8%, 13.7%) — в другой [29]. У 12.6% детей из учреждений классификация привязанности по системе *ABCD* была невозможна [42]. Авторы констатировали, что одним из наиболее часто наблюдаемых видов поведения у детей является неразборчиво дружественное поведение по отношению ко всем взрослым, включая незнакомых. Оно наблюдалось у 44% воспитанников учреждений по сравнению с 18% среди сверстников без опыта институционализации.

Исследование в домах ребенка Украины показало формирование типов привязанности лишь у 24% детей по сравнению с 97% детей в семьях [14]. У 34% детей наблюдались дополнительные, кроме относящихся к дезорганизации, нарушения поведения, тогда как у 41% — фрагментарные проявления поведения привязанности, отдельные сигналы и ответы или отсутствие проявлений поведения привязанности. Авторы исследования предположили, что полученные данные отражают значительные ограничения формирования привязанности в условиях тяжелого пренебрежения потребностями развития ребенка в этих учреждениях либо являются результатом несоответствия требований, предъявляемых процедурой “Незнакомая ситуация”, к когнитивному развитию воспитанников [10].

В исследовании, проведенном в домах ребенка Санкт-Петербурга (РФ) с использованием модифицированной процедуры изучения взаимодействия и привязанности (свободная игра ребенка и близкого взрослого с двумя последовательностями разлучения и воссоединения), было обнаружено, что только 14.1% детей способны сформировать паттерны привязанности *A* и *C*, в то время как у 85.9% наблюдалась дезорганизованная привязанность [31]. Реализованная в одном из домов ребенка программа по повышению чувствительности,

отзывчивости и стабильности социально-эмоционального окружения с выделением сотрудников для выполнения роли близких взрослых привела к улучшению показателей взаимодействия детей и взрослых, повышению у детей проявлений поиска близости и поддержания контакта, снижению избегания. После реализации программы наблюдалось увеличение до 38.5% числа организованных паттернов *B*, *A* и *C* и соответственно снижение числа случаев привязанности типа *D*, которое, однако, продолжало оставаться высоким и составляло 61.5% [31].

Использование для оценки привязанности расширенной системы классификации, предложенной в концепции динамической модели созревания привязанности [13], показало, что среди детей, воспитывающихся в типичных условиях домов ребенка Санкт-Петербурга, классифицированных ранее как имеющих дезорганизованную привязанность, большая часть имеет сложноорганизованный паттерн привязанности (69.4% выборки). К ним были отнесены дети, проявляющие вынужденное оказание помощи и послушание взрослому, дети с высокой степенью раздражительности, агрессивности и/или беспомощности, а также дети, использующие в зависимости от ситуации как послушание, так и беспомощность и пассивность [5]. При этом виде классификации среди детей, не имеющих влияющего на развитие медицинского диагноза, дезорганизованная привязанность отмечалась лишь у 20.4% выборки, тогда как группа адаптивных паттернов привязанности с включением в нее сложноорганизованных наблюдалась у 79.6% [5].

Данные о формировании в условиях сиротских учреждений безопасной привязанности неоднозначны. По результатам исследований в Афинах безопасную привязанность по отношению к ухаживающему взрослому проявляли 24% детей [39], по данным исследования в Румынии — около 18% [29; 42], тогда как в исследовании детей в типичных условиях дома ребенка Санкт-Петербурга детей с привязанностью типа *B* не наблюдалось [31]. Улучшение качества социально-эмоционального окружения и условий проживания привело к формированию безопасной привязанности у 5.8% детей и в целом проявлению организованных паттернов привязанности у 38.5% детей в доме ребенка Санкт-Петербурга [31], к формированию безопасной привязанности у 20% детей в одном из сиротских учреждений Китая и у более 55% детей в учреждении в Чили [10].

Результаты обзора работ по привязанности у детей с опытом институционализации, проживающих в замещающих семьях, а также общее обсуждение

и выводы представлены во второй части обзора в следующем номере журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асламазова Л.А., Мухамедрахимов Р.Ж., Вершинина Е.А.* Опыт институционализации и уровень здоровья как факторы поведения привязанности у детей в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. Т. 39. № 1. С. 47–58.
2. *Кочерова О.Ю., Антышева Е.Н., Чубаровский В.В., Филькина О.М.* Факторы риска и прогнозирование формирования ненадежной привязанности к приемной матери у детей раннего возраста через год воспитания в замещающей семье // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. Т. 18. № 3. С. 15–21.
3. *Мухамедрахимов Р.Ж., Асламазова Л.А., Вершинина Е.А.* Роль программы психологического сопровождения в динамике поведенческих проявлений привязанности у детей, воспитывающихся в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 53–63.
4. *Плетенёва М.В., Мухамедрахимов Р.Ж.* Особенности взаимодействия детей раннего возраста с родителями в замещающих семьях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 3. С. 22–31.
5. *Плешкова Н.Л., Мухамедрахимов Р.Ж.* Отношения привязанности у детей в семьях и домах ребенка // Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 220–240.
6. Число детей, оставшихся без попечения родителей, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей по состоянию на 31 декабря 2018 года [Электронный ресурс] // Усыновите.ру: Интернет-проект Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2018/> (дата обращения: 03.01.2020).
7. *Чубаровский В.В., Антышева Е.Н., Кочерова О.Ю., Филькина О.М.* Распространенность, структура и динамика психических расстройств и расстройств поведения у детей раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях // Здоровье населения и среда обитания. 2017. № 7. С. 37–40.
8. *Ainsworth M.D.S., Blehar M., Waters E., Wall S.* Patterns of attachment: A psychological study of the Strange Situation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
9. *Bakermans-Kranenburg M.J., Bunkers K.M., Dobrova-Krol N.A., Engle P., Fox N.A., Gamer G., Zeanah C.H. et al.* The development and care of institutionally-reared children // Child Development Perspectives. 2012. V. 6. № 2. P. 174–180.

10. *Bakermans-Kranenburg M.J., Steele H., Zeanah C.H., Muhamedrahimov R.J., Vorria P., Dobrova-Krol N.A., Steele M., Van Ijzendoorn M.H., Juffer F., Gunnar M.R.* Attachment and emotional development in institutional care: characteristics and catch up // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. V. 76. № 4. P. 62–91.
11. *Burlingham D.T., Freud A.* *Infants without Families*. N.Y.: International University Press. 1944.
12. *Chisholm K.* A three year follow-up of attachment and indiscriminate friendliness in children adopted from Romanian orphanages // *Child Development*. 1998. V. 69. № 4. P. 1092–1106.
13. *Crittenden P.M.* A dynamic-maturational model of attachment // *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*. 2006. V. 27. № 2. P. 105–115.
14. *Dobrova-Krol N.A., Bakermans-Kranenburg M.J., van Ijzendoorn M.H., Juffer F.* The importance of quality of care: Effects of perinatal HIV infection and early institutional rearing on preschoolers' attachment and indiscriminate friendliness // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2010. V. 51. № 12. P. 1368–1376.
15. *Dozier M., Bernard K.* *Coaching parents of vulnerable infants: attachment and biobehavioral catch-up approach*. N.Y.: Guilford Press, 2019.
16. Eurochild. *Opening doors for Europe's children. Ending the era of institutional care in Europe*. Brussels, Belgium: Eurochild, 2017. URL: <http://www.openingdoors.eu/wp-content/uploads/2017/06/OD-call-toaction-02062017.pdf> (accessed: 27.11.2019).
17. *Juffer F., Bakermans-Kranenburg M.J., Van Ijzendoorn M.H.* The importance of parenting in the development of disorganized attachment: Evidence from a preventive intervention study in adoptive families // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2005. V. 46. № 3. P. 263–274.
18. *Kumsta R., Schlotz W., Golm D., Moser D., Kennedy M., Knights N., Kreppner J., Maughan B., Rutter M., Sonuga-Barke E.* HPA axis dysregulation in adult adoptees twenty years after severe institutional deprivation in childhood // *Psychoneuroendocrinology*. 2017. V. 86. P. 196–202.
19. *Main M., Hesse E.* Parents' unresolved traumatic experiences are related to infant disorganized attachment status: Is frightened and/or frightening parental behavior the linking mechanism? // *Attachment in preschool years: Theory, research and intervention* / Eds. Greenberg M.T., Cicchetti D., Cummings E.M. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 161–184.
20. *Main M., Solomon J.* Procedure for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Strange Situation // *Attachment in preschool years: Theory, research and intervention* / Eds. Greenberg M.T., Cicchetti D., Cummings E.M. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 121–160.
21. *McCall R.B., van Ijzendoorn M.H., Juffer F., Groark C.J., Groza V.K.* Children without permanent parents: Research, practice, and policy // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. V. 76. P. 1–280.
22. *McDermott J.M., Troller-Renfree S., Vanderwert R., Nelson C.A., Zeanah C.H., Fox N.A.* Psychosocial deprivation, executive functions, and the emergence of socio-emotional behavior problems // *Frontiers of Human Neuroscience*. 2013. V. 7. P. 1–11.
23. *Muhamedrahimov R.J., Agarkova V.V., Vershnina E., Palmov O.I., Nikiforova N.V., McCall R.B., Groark C.J.* Behavior problems in children transferred from a socioemotionally depriving institution to St. Petersburg (Russian Federation) families // *Infant Mental Health Journal*. 2014. V. 35. № 2. P. 111–122.
24. *Naumova O.Y., Rychkov S.Y., Kornilov S.A., Odintsova V.V., Anikina V.O., Solodunova M.Y., Arintcina I.A., Zhukova M.A., Ovchinnikova I.V., Burenkova O.V., Zhukova O.V., Muhamedrahimov R.J., Grigorenko E.L.* Effects of early social deprivation on epigenetic statuses and adaptive behavior of young children: A study based on a cohort of institutionalized infants and toddlers // *PLoS ONE*. 2019. V. 14. № 3. P. 1–29.
25. *Nelson C.A., Bos K., Gunnar M.R., Sonuga-Barke E.J.S.* Children without permanent parents: Research, practice, and policy: V. The neurobiological toll of early human deprivation // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. V. 76. № 4. P. 127–146.
26. *Palacios J., Adroher S., Brodzinsky D.M., Grotevant H.D., Johnson D.E., Juffer F., Martínez-Mora L., Muhamedrahimov R.J., Selwyn J., Simmonds J., Tarren-Sweeney M.* Adoption in the service of child protection. An international interdisciplinary perspective // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2019. V. 25. № 2. P. 57–72.
27. *Rutter M., Beckett C., Castle J., Colvert E., Kreppner J., Mehta M., Stevens S., Sonuga-Barke E.* Effects of profound early institutional deprivation: An overview of findings from a UK longitudinal study of Romanian adoptees // *International advances in adoption research for practice* / Eds. Wrobel G., Neil B. Chichester: John Wiley & Sons, 2009. P. 147–168.
28. *Shirtcliff E.A., Coe C.L., Pollak S.D.* Early childhood stress is associated with elevated antibody levels to herpes simplex virus type 1 // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. V. 106. № 8. P. 2963–2967.
29. *Smyke A.T., Zeanah C.H., Fox N.A., Nelson C.A., Guthrie D.* Placement in foster care enhances quality of attachment among young institutionalized children // *Child Development*. 2010. V. 81. P. 212–223.
30. *Stevens A.* Attachment and polymatric rearing. A study of attachment formation, separation anxiety and fear of strangers in infants reared by multiple mothering in an institutional setting // *The origins of human social relations* / Ed. Schaffer H.R. L.: Academic Press, 1975.

31. The St. Petersburg—USA Orphanage Research Team. The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2008. V. 73. № 3. P. vii—295.
32. UN General Assembly (UNGA). Guidelines for the Alternative Care of Children: Resolution. Adopted by the General Assembly, A/RES/64/142, 2010. URL: <http://www.refworld.org/docid/> (accessed: 27.11.2019).
33. UN General Assembly (UNGA). Promotion and protection of the rights of children. Report of the Third Committee. Seventy-fourth session, A/74/395, 2019. URL: <https://www.hopeandhomes.org/news-article/unga/> (accessed: 27.11.2019).
34. *Van den Dries L., Juffer F., van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Alink L.R.* Infants' responsiveness, attachment, and indiscriminate friendliness after international adoption from institutions or foster care in China: application of Emotional Availability Scales to adoptive families // *Developmental Psychopathology*. 2012. V. 24. № 1. P. 49—64.
35. *Van den Dries L., Juffer F., van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J.* Fostering security? A meta-analysis of attachment in adopted children // *Child Youth Services Review*. 2009. V. 31. P. 410—421.
36. *Van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Juffer F.* Plasticity of growth in height, weight and head circumference: Meta-analytic evidence of massive catch-up of children's physical growth after adoption // *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*. 2007. V. 28. № 4. P. 334—343.
37. *Van Ijzendoorn M.H., Schuengel C., Bakermans-Kranenburg M.J.* Disorganized attachment in early childhood: Meta-analysis of precursors, concomitants, and sequelae // *Development and Psychopathology*. 1999. V. 11. P. 225—249.
38. *Van Ijzendoorn M.H., Vereijken C.M.J.L., Bakermans-Kranenburg M.J., Riksen-Walraven J.M.* Assessing attachment security with the attachment Q Sort: Meta-Analytic evidence for the validity of the observer AQS // *Child Development*. 2004. V. 75. № 4. P. 1188—1213.
39. *Vorria P., Papaligoura Z., Dunn J., van Ijzendoorn M.H., Steele H., Kontopoulou A., Sarafidou Y.* Early experiences and attachment relationships of Greek infants raised in residential group care // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2003. V. 44. № 8. P. 1208—1220.
40. *Waters E., Deane K.* Defining and assessing individual differences in attachment relationships: Q-methodology and the organization of behavior in infancy and early childhood // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1985. V. 50. P. 41—65.
41. *Zeanah C.H., Gleason M.M.* Annual Research Review: Attachment disorders in early childhood — clinical presentation, causes, correlates and treatment // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2015. V. 56. № 3. P. 207—222.
42. *Zeanah C.H., Smyke A.T., Koga S.F., Carlson E.* The BEIP Core Group. Attachment in institutionalized and community children in Romania // *Child Development*. 2005. V. 76. № 5. P. 1015—1028.

ATTACHMENT IN CHILDREN WITH THE EXPERIENCE OF INSTITUTIONALIZATION. PART I. ATTACHMENT IN CHILDREN LIVING IN INSTITUTIONS²⁾

R. J. Muhamedrahimov^{1,*}, K. G. Tumanian^{1,**}, D. I. Chernego^{1,***}, L. A. Aslamazova^{2,****}

¹*St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7—9, Russia.*

²*Adyghe State University;
385018, Republic of Adygheya, Maykop, Pervomayskaya str., 208, Russia.*

^{*}*ScD (Psychology), Professor, Head of Division of Child and Parent Mental Health and Early Intervention at Department of Psychology. E-mail: rjm@list.ru*

^{**}*Graduate Student at Division of Child and Parent Mental Health and Early Intervention at Department of Psychology. E-mail: karinatumanyan@gmail.com*

^{***}*PhD (Psychology), Junior Researcher at Division of Child and Parent Mental Health and Early Intervention at Department of Psychology. E-mail: chernego@gmail.com*

^{****}*PhD (Psychology), Associate Professor at Department of Pedagogical Psychology. E-mail: lily.aslamazova@gmail.com*

Received 15.01.2020

²⁾ The reported study was funded by RFBR, project number 19-113-50402\19.

Abstract. For the last years in the Russian Federation the numbers of children raised in residential settings have been decreasing while numbers of children in substitute family settings have been increasing. However, little has been published in Russia on attachment in children with institutional experience. The aim of the part 1 of this work is to analyze the peer reviewed publications of studies regarding rates of attachment types and associated factors in children living in institutional care. Studies using only observational assessments of attachment were analyzed. Results reveal that children living in institutional care settings showed much less often secure and more disorganized attachments compared to their peers in biological families. Improvements in the quality of institutional social-emotional environment might lead to the positive changes in the attachment distribution.

Keywords: attachment, children, institution, social-emotional environment.

REFERENCES

1. *Aslamazova L.A., Muhamedrahimov R.J., Vershinina E.A.* Опыт институционализации и уровень здоровья как факторы поведения привязанности у детей в замещающих семьях. *Психологический журнал*. 2019. V. 39. № 1. P. 47–58. (In Russian)
2. *Kocherova O.Ju., Antysheva E.N., Chubarovskij V.V., Fil'kina O.M.* Факторы риска и прогнозирование формирования ненадежной привязанности к приемной матери у детей раннего возраста через год воспитания в замещающей семье. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2018. V. 18. № 3. P. 15–21. (In Russian)
3. *Muhamedrahimov R.J., Aslamazova L.A., Vershinina E.A.* Роль программы психологического сопровождения в динамике поведенческих проявлений привязанности у детей, воспитывающихся в замещающих семьях. *Психологический журнал*. 2019. V. 40. № 3. P. 53–63. (In Russian)
4. *Pletenjoya M.V., Muhamedrahimov R.J.* Особенности взаимодействия детей раннего возраста с родителями в замещающих семьях. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2013. № 3. P. 22–31. (In Russian)
5. *Pleshkova N.L., Muhamedrahimov R.J.* Отношения привязанности у детей в семье и дома ребенка. *Жемчужины и отношения человека на ранних этапах развития*. Ed. Muhamedrahimov R.J. St. Petersburg.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. P. 220–240. (In Russian)
6. Число детей, оставшихся без попечения родителей, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей по состоянию на 31 декабря 2018 года. *Usynovite.ru: Интернет-проект Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства просвещения Российской Федерации*. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2018/> (accessed: 03.01.2020). (In Russian)
7. *Chubarovskij V.V., Antysheva E.N., Kocherova O.Ju., Fil'kina O.M.* Распространенность, структура и динамика психических расстройств и расстройств поведения у детей раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях. *Здоровье населения и среда обитания*. 2017. № 7. P. 37–40. (In Russian)
8. *Ainsworth M.D.S., Blehar M., Waters E., Wall S.* Patterns of attachment: A psychological study of the Strange Situation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
9. *Bakermans-Kranenburg M.J., Bunkers K.M., Dobrova-Krol N.A., Engle P., Fox N.A., Gamer G., Zeanah C.H. et al.* The development and care of institutionally-reared children. *Child Development Perspectives*. 2012. V. 6. № 2. P. 174–180.
10. *Bakermans-Kranenburg M.J., Steele H., Zeanah C.H., Muhamedrahimov R.J., Vorria P., Dobrova-Krol N.A., Steele M., van Ijzendoorn M.H., Juffer F., Gunnar M.R.* Attachment and emotional development in institutional care: characteristics and catch up. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. V. 76. № 4. P. 62–91.
11. *Burlingham D.T., Freud A.* Infants without Families. N.Y.: International University Press, 1944.
12. *Chisholm K.* A three year follow-up of attachment and indiscriminate friendliness in children adopted from Romanian orphanages. *Child Development*. 1998. V. 69. № 4. P. 1092–1106.
13. *Crittenden P.M.* A dynamic-maturational model of attachment. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*. 2006. V. 27. № 2. P. 105–115.
14. *Dobrova-Krol N.A., Bakermans-Kranenburg M.J., van Ijzendoorn M.H., Juffer F.* The importance of quality of care: Effects of perinatal HIV infection and early institutional rearing on preschoolers' attachment and indiscriminate friendliness. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2010. V. 51. № 12. P. 1368–1376.
15. *Dozier M., Bernard K.* Coaching parents of vulnerable infants: attachment and biobehavioral catch-up approach. N.Y.: Guilford Press, 2019.
16. Eurochild. Opening doors for Europe's children. Ending the era of institutional care in Europe. Brussels, Belgium: Eurochild, 2017. URL: <http://www.openingdoors.eu/wp-content/uploads/2017/06/OD-call-toaction-02062017.pdf> (accessed: 27.11.2019).
17. *Juffer F., Bakermans-Kranenburg M.J., van Ijzendoorn M.H.* The importance of parenting in the development of disorganized attachment: Evidence from a preventive intervention study in adoptive families. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2005. V. 46. № 3. P. 263–274.

18. *Kumsta R., Schlotz W., Golm D., Moser D., Kennedy M., Knights N., Kreppner J., Maughan B., Rutter M., Sonuga-Barke E.* HPA axis dysregulation in adult adoptees twenty years after severe institutional deprivation in childhood. *Psychoneuroendocrinology*. 2017. V. 86. P. 196–202.
19. *Main M., Hesse E.* Parents' unresolved traumatic experiences are related to infant disorganized attachment status: Is frightened and/or frightening parental behavior the linking mechanism? Attachment in preschool years: Theory, research and intervention. Eds. Greenberg M.T., Cicchetti D., Cummings E.M. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 161–184.
20. *Main M., Solomon J.* Procedure for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Strange Situation. Attachment in preschool years: Theory, research and intervention. Eds. Greenberg M.T., Cicchetti D., Cummings E.M. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 121–160.
21. *McCall R.B., van Ijzendoorn M.H., Juffer F., Groark C.J., Groza V.K.* Children without permanent parents: Research, practice, and policy. Monographs of the Society for Research in Child Development. 2011. V. 76. P. 1–280.
22. *McDermott J.M., Troller-Renfree S., Vanderwert R., Nelson C.A., Zeanah C.H., Fox N.A.* Psychosocial deprivation, executive functions, and the emergence of socio-emotional behavior problems. *Frontiers of Human Neuroscience*. 2013. V. 7. P. 1–11.
23. *Muhamedrahimov R.J., Agarkova V.V., Vershnina E., Palmov O.I., Nikiforova N.V., McCall R.B., Groark C.J.* Behavior problems in children transferred from a socioemotionally depriving institution to St. Petersburg (Russian Federation) families. *Infant Mental Health Journal*. 2014. V. 35. № 2. P. 111–122.
24. *Naumova O.Y., Rychkov S.Y., Kornilov S.A., Odintsova V.V., Anikina V.O., Solodunova M.Y., Arintcina I.A., Zhukova M.A., Ovchinnikova I.V., Burenkova O.V., Zhukova O.V., Muhamedrahimov R.J., Grigorenko E.L.* Effects of early social deprivation on epigenetic statuses and adaptive behavior of young children: A study based on a cohort of institutionalized infants and toddlers. *PLoS ONE*. 2019. V. 14. № 3. P. 1–29.
25. *Nelson C.A., Bos K., Gunnar M.R., Sonuga-Barke E.J.S.* Children without permanent parents: Research, practice, and policy: V. The neurobiological toll of early human deprivation. Monographs of the Society for Research in Child Development. 2011. V. 76. № 4. P. 127–146.
26. *Palacios J., Adroher S., Brodzinsky D.M., Grotevant H.D., Johnson D.E., Juffer F., Martínez-Mora L., Muhamedrahimov R.J., Selwyn J., Simmonds J., Tarren-Sweeney M.* Adoption in the service of child protection. An international interdisciplinary perspective. *Psychology, Public Policy, and Law*. 2019. V. 25. № 2. P. 57–72.
27. *Rutter M., Beckett C., Castle J., Colvert E., Kreppner J., Mehta M., Stevens S., Sonuga-Barke E.* Effects of profound early institutional deprivation: An overview of findings from a UK longitudinal study of Romanian adoptees. *International advances in adoption research for practice*. Eds. Wrobel G., Neil B. Chichester: John Wiley & Sons, 2009. P. 147–168.
28. *Shirtcliff E.A., Coe C.L., Pollak S.D.* Early childhood stress is associated with elevated antibody levels to herpes simplex virus type 1. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. V. 106. № 8. P. 2963–2967.
29. *Smyke A.T., Zeanah C.H., Fox N.A., Nelson C.A., Guthrie D.* Placement in foster care enhances quality of attachment among young institutionalized children. *Child Development*. 2010. V. 81. P. 212–223.
30. *Stevens A.* Attachment and polymatric rearing. A study of attachment formation, separation anxiety and fear of strangers in infants reared by multiple mothering in an institutional setting. The origins of human social relations. Ed. Schaffer H.R. London: Academic Press, 1975.
31. The St. Petersburg–USA Orphanage Research Team. The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children. Monographs of the Society for Research in Child Development. 2008. V. 73. № 3. P. vii–295.
32. UN General Assembly (UNGA). Guidelines for the Alternative Care of Children: Resolution. Adopted by the General Assembly, A/RES/64/142, 2010. URL: <http://www.refworld.org/docid/> (accessed: 27.11.2019).
33. UN General Assembly (UNGA). Promotion and protection of the rights of children. Report of the Third Committee. Seventy-fourth session, A/74/395, 2019. URL: <https://www.hopeandhomes.org/news-article/unga/> (accessed: 27.11.2019).
34. *Van den Dries L., Juffer F., van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Alink L.R.* Infants' responsiveness, attachment, and indiscriminate friendliness after international adoption from institutions or foster care in China: application of Emotional Availability Scales to adoptive families. *Developmental Psychopathology*. 2012. V. 24. № 1. P. 49–64.
35. *Van den Dries L., Juffer F., van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J.* Fostering security? A meta-analysis of attachment in adopted children. *Child Youth Services Review*. 2009. V. 31. P. 410–421.
36. *Van Ijzendoorn M.H., Bakermans-Kranenburg M.J., Juffer F.* Plasticity of growth in height, weight and head circumference: Meta-analytic evidence of massive catch-up of children's physical growth after adoption. *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*. 2007. V. 28. № 4. P. 334–343.
37. *Van Ijzendoorn M.H., Schuengel C., Bakermans-Kranenburg M.J.* Disorganized attachment in early childhood: Meta-analysis of precursors, concomitants, and sequelae. *Development and Psychopathology*. 1999. V. 11. P. 225–249.
38. *Van Ijzendoorn M.H., Vereijken C.M.J.L., Bakermans-Kranenburg M.J., Riksen-Walraven J.M.* Assessing

- attachment security with the attachment Q Sort: Meta-Analytic evidence for the validity of the observer AQS. *Child Development*. 2004. V. 75. № 4. P. 1188–1213.
39. *Vorria P., Papaligoura Z., Dunn J., van Ijzendoorn M.H., Steele H., Kontopoulou A., Sarafidou Y.* Early experiences and attachment relationships of Greek infants raised in residential group care. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2003. V. 44. № 8. P. 1208–1220.
40. *Waters E., Deane K.* Defining and assessing individual differences in attachment relationships: Q-methodology and the organization of behavior in infancy and early childhood. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1985. V. 50. P. 41–65.
41. *Zeanah C.H., Gleason M.M.* Annual Research Review: Attachment disorders in early childhood — clinical presentation, causes, correlates and treatment. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2015. V. 56. № 3. P. 207–222.
42. *Zeanah C.H., Smyke A.T., Koga S.F., Carlson E.* The BEIP Core Group. Attachment in institutionalized and community children in Romania. *Child Development*. 2005. V. 76. № 5. P. 1015–1028.

УДК 159.99

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА ЧЕЛОВЕКА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

© 2020 г. Т. А. Нестик*, А. Л. Журавлев**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор РАН,
зав. лабораторией социальной и экономической психологии.

E-mail: nestik@gmail.com

**Академик РАН, профессор, научный руководитель ФГБУН Институт психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 29.07.2020

Аннотация. Представлены результаты анализа отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению психологических последствий изменения климата. Выделены три основные группы такого рода последствий, характерных для российского общества. К первой группе относятся: рост тревоги по поводу будущего, дистресса в связи с последствиями природных бедствий, а также ностальгии и депрессии по поводу утраты привычной окружающей среды. Вторая группа включает изменения когнитивных и аффективных процессов, связанных с непосредственным или косвенным воздействием неблагоприятных геофизических факторов, в том числе снижением когнитивных способностей, нейродегенеративными заболеваниями, повышением импульсивности и агрессивности поведения под влиянием высоких температур, загрязнения воздуха и т.п. В третью группу входят: обострение переживания несправедливости, выявленное снижение доверия к другим социальным группам и институтам, усиление приверженности консервативным ценностям и подверженности популизму. Предложены количественные индикаторы для оценки психологических последствий изменения климата. Намечены перспективные направления междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: изменение климата, психология, макропсихологическое состояние общества, экологические депрессии, доверие, межэтнические отношения, неврологические заболевания.

DOI: 10.31857/S020595920011084-8

Согласно отчету Всемирного экономического форума, в 2020 г. в пятерку наиболее вероятных глобальных рисков входят экстремальные погодные явления, неспособность адаптироваться к изменению климата, природные бедствия, сокращение биоразнообразия и экологические катастрофы, вызванные деятельностью человека [47]. Согласно докладу Всемирной климатологической организации, средняя температура в мире выросла на 1,1 °С с начала доиндустриального периода и на 0,2 °С, по сравнению с периодом 2011–2015 гг. [50]. Между тем, наряду с многочисленными исследованиями экологических и экономических последствий изменения климата, следует отметить абсолютно недостаточное внимание ученых к изучению его психологических эффектов. Действительно, прогнозирование психологических последствий

изменения климата затруднено целым рядом обстоятельств, а именно: проводимые в этой области исследования носят предположительный характер, что связано с нехваткой данных о непосредственном влиянии опыта переживания климатических изменений на психологическое состояние и поведение людей; имеющиеся же данные фрагментарны и недостаточно географически репрезентативны; число экспериментальных исследований, посвященных данной проблематике, очень небольшое; кроме того, недостаточно учитывается влияние возможных опосредующих переменных и социально-психологических механизмов, объясняющих изменения в поведении под влиянием климата [20]. К тому же исследования, посвященные этой тематике, сфокусированы прежде всего на негативных последствиях изменения климата для психологического здоровья, качества жизни и жизнеспособности общества. Значительно меньше внимания

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФ № 18-18-00439.

уделяется комбинированному воздействию отрицательных и положительных последствий изменения климата на психологическое состояние человека и общества. Наконец, очень малочисленны попытки изучения социально-психологических механизмов, способствующих обеспечению жизнеспособности больших социальных групп перед лицом глобального изменения климата.

С нашей точки зрения, основные психологические последствия изменения климата можно сгруппировать в три категории: во-первых, *тревожные и депрессивные состояния*, а также рост фаталистических настроений; во-вторых, *изменения когнитивных и аффективных процессов, связанные с непосредственным или косвенным воздействием неблагоприятных геофизических факторов*, включая снижение когнитивных способностей, повышение нейродегенеративных заболеваний, импульсивности и агрессивности поведения под влиянием таких факторов, как высокие температуры, загрязнение воздуха и т.п.; в-третьих, *обострение переживания несправедливости и дальнейшее снижение социального доверия*, в том числе к социальным институтам, рост приверженности консервативным ценностям и подверженности популизму.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы раскрыть содержание и взаимосвязь различных психологических последствий изменения климата, выделить количественные индикаторы для их оценки и наметить перспективные направления междисциплинарных исследований в данной области.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕПРЕССИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИРОДНЫХ БЕДСТВИЙ

В краткосрочной перспективе психологические последствия изменения климата связаны прежде всего с *ростом тревоги по поводу будущего, дистресса в связи с последствиями природных бедствий, а также ностальгии и депрессии по поводу утраты привычной окружающей среды*.

Наши исследования, как и опросы, проведенные зарубежными коллегами, показывают, что тревога по поводу изменения климата более характерна для женщин, жителей малых населенных пунктов, а также людей с низким социально-экономическим статусом [1; 7; 17]. Американская психологическая ассоциация отмечает распространение новых видов расстройств, связанных с изменением климата [17; 39], психотерапевты все чаще сталкиваются с экологическими депрессиями [13; 18; 22]. Особенно

уязвимыми для такого рода депрессий являются люди с выраженным чувством связи с природой. В одном из исследований были выделены три типа озабоченности по поводу изменения климата: эгоистический, ориентированный на учет последствий для себя и близких; альтруистический, характеризующийся заботой о будущих поколениях; и биосферный, связанный с переживаниями за судьбу природы, растений и животных. Именно респонденты, для которых характерен биосферный тип озабоченности последствиями изменения климата, оказались наиболее подверженными переживанию чувства безысходности и депрессии [24]. Алармистские заголовки и изображения мертвых животных в новостных публикациях об изменении климата также могут негативно сказываться на жизнестойкости личности.

Одной из психологических особенностей глобальных рисков является их негативное воздействие на воспринимаемую человеком способность влиять на свое будущее [7]. Эмпирические исследования показывают, что учащение экстремальных погодных явлений и природных бедствий может приводить к росту тревожных расстройств, проявлений дистресса, депрессивным расстройствам, посттравматическому синдрому, вторичным психологическим травмам, переживаниям чувства вины, алкогольной и наркотической зависимости, а также мыслям о самоубийстве. При этом наиболее подвержены этим эффектам оказываются женщины, дети, пожилые люди, а также уязвимые и маргинализованные социальные группы — люди с низким достатком, больные хроническими заболеваниями, этнические меньшинства, наркозависимые и т.д. [23; 40]. Наиболее типичными реакциями на природное бедствие оказываются проявления дистресса: бессонница, чувство дезориентации, вспышки гнева и т.д. По данным наблюдений в США до 54% взрослых и до 45% детей страдают от депрессий после природных бедствий [22]. Среди жителей регионов США, которые подверглись воздействию урагана Катрина, в 2 раза выросло количество самоубийств, каждый шестой проявлял признаки посттравматического расстройства, а 49% были подвержены тревожным или депрессивным состояниям [17]. Среди жителей Австралии, пострадавших от лесных пожаров, у 15.6% синдром посттравматического стрессового расстройства наблюдался даже спустя 3–4 года после трагических событий [15].

Переживания стресса и ностальгии, связанные с изменениями в привычном природном окружении, получили название “психотерратический синдром”, а чувство потери лично значимого

места, возникающее у жителей, не меняющих места жительства, в научной литературе все чаще называется “соласталгия” [17; 21]. Для измерения этих психологических феноменов уже разработаны специальные методики [25]. Дисстресс и экологические депрессии притупляют чувство ответственности людей за собственное будущее, подрывают веру в способность защитить себя и свою семью, что в итоге снижает готовность адаптироваться к изменению климата [45].

ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА КОГНИТИВНЫЕ И АФФЕКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

При долгосрочном воздействии экстремальных температур и загрязнения воздуха можно ожидать не только снижения уровня субъективного благополучия, но и ряда негативных *изменений в когнитивных и аффективных процессах*.

Экспериментальные исследования показывают, что в условиях повышенной температуры возрастают раздражительность и склонность к агрессивному поведению [34]. Так, например, полицейские, выполнявшие тренировочные упражнения в помещении с температурой 27 °С, по сравнению с их коллегами в комнате с 21 °С чаще рассматривали действия подозреваемых как агрессивные и представляющие угрозу, при этом они на 25% чаще доставали оружие из кобуры [46]. Испытуемые, которым предъявляли изображения жары и ее последствий, чаще интерпретировали нейтральные выражения лица как агрессивные и были более склонны к агрессивным мыслям [49]. Увеличение температуры влечет за собой рост смертности среди мужчин, связанной с транспортными происшествиями, убийствами, гибелью в воде, а также самоубийствами [35]. Ретроспективный анализ показателей за 50 лет, основанный на статистике ФБР США, дает основания для предположения, что повышение среднегодовой температуры на 1 °С ведет к росту числа убийств на 6% [11]. Данные, собранные по 60 странам, показывают, что изменение климата приводит к росту насилия, особенно в бедных государствах с политической нестабильностью [33]. Метаанализ 60 эмпирических исследований подтверждает, что влияние климата на частоту конфликтов имеет высокую статистическую достоверность ($p < 0.0001$), причем каждое увеличение температуры на одно стандартное отклонение от нормы соответствует увеличению на 4% медианной

частоты межличностных конфликтов и на 14% — частоты межгрупповых конфликтов [26]. Сценарный анализ, проведенный с привлечением экспертов в области наук о земле, политологии и экономики, позволяет предполагать, что при глобальном потеплении на 2 °С вероятность вооруженных конфликтов внутри страны (в том числе гражданских войн) вырастет на 13%, а при потеплении до 4 °С — на 26% [32].

В долгосрочной перспективе можно ожидать и других негативных психологических эффектов, вызванных изменением геофизических условий жизнедеятельности. Результаты исследования указывают на то, что дети особенно склонны к переживанию тревоги в связи с изменением климата, а также подвержены развитию тревожных расстройств, посттравматического синдрома, расстройства сна, фобий и депрессий после природных бедствий, что может сказываться на их эмоциональной саморегуляции, когнитивных способностях и академической успеваемости [16]. Сокращение продолжительности и обеднение содержания рекреационной активности под открытым небом могут привести к замедлению когнитивного и социоэмоционального развития детей [20]. Исторические примеры XX в. показывают, что дети матерей, переживших голод, более склонны к антисоциальному поведению [34].

Наконец, повышение концентрации углекислого газа в атмосфере ведет к ухудшению когнитивных функций человека, снижает способность к концентрации и принятию стратегических решений [44]. Кроме того, высокие температуры и ухудшение состояния воздуха могут привести к росту числа неврологических заболеваний [38]. Например, исследования указывают, что рост концентрации в воздухе частиц пыли диаметром менее 2.5 мк (микрон) ведет к повышению риска заболеваний болезнью Альцгеймера [28]. Загрязнение воздуха приводит к росту числа заболеваний аутистического спектра на 12–15% [14]. Сравнение различных регионов в США и Дании показывает, что высокий уровень загрязнения воздуха озоном и пылью объясняет рост на 31.4% числа биполярных аффективных расстройств, на 104.3 — шизофрении, на 68.3 — депрессий и на 209.6% — личностных расстройств [30]. Оказалось, что перепады температур приводят к росту числа госпитализаций с диагнозом деменции, а увеличение средней температуры летом на 1.5 °С связано с ростом числа таких диагнозов на 12% [48].

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Еще более существенное влияние на общество будут иметь социально-психологические последствия изменения климата. Основанием таких изменений в социально-психологических установках и представлениях людей является *недостаточная эффективность социальных институтов, призванных защитить людей от нежелательных последствий изменения климата, сопряженная со снижением уровня доходов населения, а также с ростом воспринимаемого уровня вызванной климатом иммиграции*. Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная [42]. Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы [19]. При этом среди 28 стран, участвовавших в опросе, Россия по уровню доверия занимает последнее место: лишь 30% опрошенных россиян доверяют социальным институтам — государству, СМИ, бизнесу и НКО. Согласно результатам опроса по репрезентативной общероссийской выборке, проведенного нами в сентябре 2019 г. совместно с ИГ «ЦИРКОН» ($N = 1600$), только 26.2% респондентов считают, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся. Наше исследование 2019 г. показало, что глобальные угрозы воспринимаются сквозь призму отдельных социальных проблем российского общества, растущей потребности в социальной справедливости. Это создает благодатную почву для использования коллективных страхов в избирательных кампаниях и общественно-политических движениях. Поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы, тем выше, чем меньше респонденты опасаются риска появления авторитарной власти, чем больше их беспокоят глобальные риски и чем больше они встревожены ростом социального неравенства и несправедливости в обществе. В условиях снижения институционального доверия и роста социального неравенства нарастание тревоги по поводу глобальных рисков может приводить к росту макиавеллизма, убеждения в том, что ради спасения возможно использование различных средств.

Полученные в наших исследованиях данные указывают на то, что напоминание о смерти в новостях

по поводу глобальных рисков может сдвигать общественное мнение в сторону консервативных установок, а также способствует развитию деструктивных для жизнеспособности личности фаталистических убеждений [7]. Консервативные установки, с одной стороны, способствуют управляемости и мобилизации общества перед лицом приближающейся угрозы, с другой — сокращают пространство поиска новых решений, когнитивно упрощают ситуацию, провоцируя рестриктивные стратегии ответа на угрозы, различного рода ограничения и запреты. Повышение управляемости и солидаризация при этом носят временный характер, так как возвращение к традиционным природоохранным практикам в эпоху антропоцена практически невозможно.

Воспринимаемое неравенство, причем разного содержания, снижает готовность людей к совместным действиям для преодоления негативных последствий изменения климата. Например, в экспериментах с решением дилемм по поводу ресурсов готовность испытуемых к кооперации снижалась, если условия взаимодействия казались им неравными [12]. Способность локальных сообществ восстанавливаться после ураганов и наводнений зависит от воспринимаемого уровня социальной поддержки и воспринимаемых уровней социальной поддержки неравенства [29; 31]. Низкий уровень социального доверия будет затруднять информирование граждан об угрозах, а также снижать общественную поддержку мер, предпринимаемых государством для адаптации к климатическим изменениям.

Важно учитывать тот факт, что уровень социального доверия и вера в социальную справедливость оказывают влияние на так называемые дескриптивные нормы, т.е. представления о том, что будут делать другие люди в условиях изменения климата. Метаанализ, проведенный на основе 106 эмпирических исследований, показывает, что именно такие дескриптивные нормы сильнее всего влияют на готовность личности к изменению своего поведения для адаптации к климатическим изменениям [45]. Иными словами, вера в то, что большинство окружающих не станут ничего менять в своем образе жизни, пока не станет слишком поздно, является мощным социально-психологическим фактором, снижающим способность страны или региона адаптироваться к изменениям климата.

Снижение доверия к социальным институтам под влиянием климатических изменений будет усугубляться ростом вынужденной миграции. По различным прогнозам, число «климатических

мигрантов” составит от 25 млн до 1 млрд к 2050 г. [27]. Можно ожидать усиления миграционных потоков в Россию из менее благополучных регионов, где доступ к питьевой воде сократится: Центральной Азии, с Кавказа, из Монголии, Северного Китая [37]. Вероятно обострение межэтнической напряженности в малых городах и сельских населенных пунктах, прежде всего в Сибирском, Дальневосточном и Южном федеральных округах. Миграционный фактор, сопряженный с экономической нестабильностью и чувством социальной несправедливости среди россиян, может вызвать рост экстремистских установок в молодежной среде.

Конкретные исследования показывают, что представители поколения Z, родившиеся после 2000 г., по сравнению с поколением Y более озабочены экологическими рисками [1]. Между тем ослабление экологических общественных организаций в России [8] снижает возможности для конструктивного стратегического диалога и поиска сложных решений с учетом всех заинтересованных сторон.

Следует учитывать также возможное расширение социальной базы для террористических организаций. С одной стороны, в последние годы активность экотеррористов снизилась, а природные бедствия создают для террористических организаций логистические проблемы и затрудняют рекрутирование новых членов [14]. С другой стороны, изменение климата обостряет социально-экономические проблемы, способствует росту численности безработной молодежи, оторванной от семьи, а также нередко служит оправданием для применения государством жестких мер в отношении иммигрантов и некоторых категорий собственных граждан. Все это дает основания для прогнозирования роста числа агрессивных настроенных движений, использующих “климатическую повестку” для оправдания несимметричного ответа на действия региональных и федеральных властей.

Тем не менее изменения климата могут иметь и ряд положительных социально-психологических последствий: некоторые исследователи прогнозируют усиление процессов солидаризации в атомизированном обществе, рост значимости различных общественных движений, профессиональных ассоциаций, корпоративных и глобальных сетевых сообществ, участие в которых поможет каждому отдельному человеку почувствовать, что он может влиять на происходящее [36].

ВОЗМОЖНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Проведенный нами анализ позволяет определить количественные показатели, которые можно использовать при моделировании социально-психологических последствий изменения климата. При их выделении необходимо учитывать, с одной стороны, объективные трудности выявления невротических расстройств и неврологических заболеваний из-за нежелания людей обращаться за медицинской и психологической помощью, а с другой — большой разброс в количественных оценках зависимости психологических изменений от роста температуры или уровня загрязнения окружающей среды. Формирование системы таких показателей может опираться на уже разработанные ранее в Институте психологии РАН подходы к оценке макropsychологического состояния российского общества [3; 4; 9; 10].

На наш взгляд, могут быть выделены *три группы показателей* в соответствии с описанными нами ранее категориями психологических последствий изменения климата. К первой можно отнести заболеваемость психическими расстройствами и зависимостями, смертность от самоубийств, уровень депрессии среди интернет-пользователей, выявляемый на основе автоматизированного анализа их текстов, а также индекс социального оптимизма по данным репрезентативных социологических опросов (например, доля респондентов, верящих в то, что их дети будут жить лучше, чем они сами, соотношение долей респондентов, считающих, что худшее уже позади или еще впереди, и т.п.). Косвенными индикаторами этой группы показателей являются уровень спроса на антидепрессанты и успокоительные средства, а также зарегистрированное потребление алкоголя на одного жителя старше 15 лет.

Ко второй группе можно отнести показатели, отражающие социально-психологические характеристики общества, такие как индекс устойчивости института семьи (соотношение браков и разводов), индекс социального сиротства, а также показатели, рассчитываемые на основе социологических опросов: индекс межэтнической напряженности, уровень доверия к социальным институтам, уровень удовлетворенности своей жизнью. При этом измерение макropsychологического состояния общества по данным опросов должно опираться не только на оценку респондентами текущего положения, но и их оценку будущего [3; 5; 43].

Показатели третьей группы связаны с непосредственным влиянием геофизических факторов на нервную систему. К ним можно отнести динамику заболеваемости болезнями нервной системы, уровень общего интеллекта интернет-пользователей, выявляемый на основе автоматизированного анализа их текстов, смертность от убийств и транспортных несчастных случаев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Намечая *перспективы исследований*, необходимых для долгосрочного прогнозирования социально-психологических последствий изменения климата, можно выделить несколько направлений.

На протяжении длительного времени в центре внимания исследователей находились психологические факторы, определяющие готовность личности к участию в предотвращении изменения климата. Однако осознание того, что рубеж в 2 °С, зафиксированный в Парижских соглашениях 12 декабря 2015 г., скорее всего, будет пройден, все более актуальным становится исследование социально-психологических предпосылок адаптации к изменению климата. В этой связи чрезвычайно важной оказывается разработка социальной психологии устойчивого развития, а также жизнеспособности крупных социальных групп.

Ранее проведенный нами анализ позволяет выделить несколько ключевых составляющих жизнеспособности группы: 1) жизнестойкие коллективные представления (в том числе уверенность группы в способности справиться с трудностями, долгосрочный позитивный образ будущего), сильная и позитивная групповая идентичность; 2) групповой социальный капитал (сети личных контактов, высокий уровень внутригруппового доверия, групповые нормы и ритуалы взаимной поддержки и совместного принятия решений); 3) групповая рефлексивность (ориентация на извлечение уроков из совместного опыта и обмен знаниями, готовность изменить подходы к организации совместной жизнедеятельности); 4) механизмы поддержания позитивных коллективных эмоций [6]. Необходимы *комплексные* исследования того, как эти и другие социально-психологические характеристики меняются в российских регионах, подвергшихся наиболее сильному воздействию природных бедствий и экстремальных погодных явлений. Особого внимания в этой связи заслуживают групповые формы совладания, в том числе коллективный проактивный копинг. Такие исследования могли бы быть согласованы с ранее выполнявшимися работами в лаборатории социальной психологии

Института психологии РАН в первой половине 1990-х годов, которые финансировались по государственной научно-технической программе “Глобальные изменения природной среды и климата” (см., например, [2]).

Исследования в области психологии *глобальных рисков* пока еще крайне разрознены: мы до сих пор не знаем, как именно подверженность одним рискам, например глобальным эпидемиям, влияет на отношение личности к другим, таким как изменение климата, экономические кризисы или непредвиденные последствия развития новых технологий. Необходимы дополнительные исследования, которые позволили бы пролить свет на то, каково влияние подверженности различным социально-политическим, техногенным, эпидемиологическим и экологическим рискам на восприятие тех или иных последствий изменения климата разными социальными группами.

Необходимо уточнить, какую роль в восприятии личностью последствий изменения климата будет играть *социальное сравнение* с другими социальными группами, в том числе теми, кто проживает в других регионах России. Климатические изменения будут по-разному проявляться в географически близких регионах, различающихся гидрогеологическими условиями, рельефом, плотностью населения, характером застройки и другими характеристиками. Сформированные СМИ генерализованные представления о климатической катастрофе будут меняться с учетом сравнения людьми своих условий жизнедеятельности с условиями, в которых живут их родственники, друзья, знакомые, а также другие пользователи социальных сетей.

Нуждаются в уточнении механизмы, связывающие *отношение личности* к изменению климата, и другие социально-психологические и экономико-психологические феномены: доверие к социальным институтам внутри страны и международным организациям, коллективный образ будущего и горизонт планирования при принятии экономических решений, инвестиционное поведение, отношение к страхованию и кредитам. Очень мало изучены влияние изменения климата на характеристики этнической, гражданской, глобальной и других видов идентичности, а также психологические предпосылки чувства ответственности перед представителями других поколений. Разработка данных направлений невозможна без *комплексных междисциплинарных исследований*, объединяющих психологов, социологов, специалистов в области экономических наук, международных отношений и политологии.

Наконец, все более очевидна необходимость разработки системных и мультиагентных *моделей*, а также “цифровых двойников” сложных социальных систем, позволяющих прогнозировать не только экономические, но и более широкий спектр социальных, демографических и психологических последствий различных сценариев изменения климата. Важную роль при этом могут играть исследования динамики макропсихологических характеристик россиян на основе больших данных — цифровых следов интернет-пользователей, в том числе использование автоматизированного анализа естественного языка. Решение этих задач требует объединения усилий специалистов в области наук о Земле, математиков, экономистов, психологов, лингвистов и представителей других естественнонаучных и социогуманитарных отраслей знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емельянова Т.П., Нестик Т.А., Белых Т.В. Отношение к экологическим рискам среди представителей поколений Y и Z // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 3 (15). С. 62–82.
2. Журавлев А.Л., Хащенко В.А. Динамика экологического сознания населения в связи с глобальными изменениями природной среды: программа социально-психологического исследования // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996. С. 209–214.
3. Лебедев А.Н. Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестник Пермского университета. Сер. Филология. Психология. Социология. 2018. № 2 (34). С. 243–251.
4. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
5. Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
6. Нестик Т.А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Под ред. А.В. Махнача, Л.Г. Дикой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 176–192.
7. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
8. Цепилова О.Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 2. С. 20–27.
9. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
10. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.
11. Anderson C.A., DeLisi M. Implications of global climate change for violence in developed and developing countries / Eds. J.P. Forges, A.W. Kruglanski, K.D. Williams // The psychology of social conflict and aggression. N.Y.: Psychology Press, 2011. P. 249–265.
12. Aquino K., Steisel V., Kay A. The effects of resource distribution, voice, and decision framing on the provision of public goods // Journal of Conflict Resolution. 1992. V. 36. № 4. P. 665–687.
13. Baker C. Navigating the Coming Chaos: A Handbook for Inner Transition. N.Y.: iUniverse, 2011.
14. Becerra T.A., Wilhelm M., Olsen J., Cockburn M., Ritz B. Ambient air pollution and autism in Los Angeles county, California // Environmental health perspectives, 2013. V. 121 (3). P. 380–386.
15. Bryant R.A., Waters E., Gibbs L., Gallagher H.C., Pattison P., Lusher D. et al. Psychological outcomes following the Victorian Black Saturday bushfires // Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. 2014. V. 48 (7). P. 634–643.
16. Burke S.E.L., Sanson A.V., Van Hoorn J. The Psychological Effects of Climate Change on Children // Current Psychiatry Reports. 2018. V. 20. № 35.
17. Clayton S., Manning C.M., Krygsmann K., Speiser M. Mental Health and Our Changing Climate: Impacts, Implications, and Guidance. Washington, DC: American Psychological Association, and ecoAmerica, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf> (дата обращения: 15.06.2020).
18. Davenport L. Emotional Resiliency in the Era of Climate Change. A Clinician’s Guide. L.: Jessica Kingsley Publishers, 2017.
19. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report [Электронный ресурс]. URL: <https://edl.mn/2NOwltm> (дата обращения: 05.06.2020).
20. Evans G.W. Projected Behavioral Impacts of Global Climate Change // Annual Review of Psychology. 2019. V. 70. № 1. P. 449–474.
21. Galway L.P., Beery T., Jones-Casey K., Tasala K. Mapping the Solastalgia Literature: A Scoping Review Study // International Journal of Environmental Research and Public Health, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/7/2308> (дата обращения: 05.06.2020).

22. *Harrington S.* How climate change affects mental health // *Yale Climate Connections*. February 4, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yaleclimate-connections.org/2020/02/how-climate-change-affects-mental-health/> (дата обращения: 05.06.2020).
23. *Hayes K., Blashki G., Wiseman J., Burke S., Reifels L.* Climate change and mental health: risks, impacts and priority actions // *International Journal of Mental Health Systems*. 2018. V. 12. P. 28.
24. *Helm S.V., Pollitt A., Barnett M.A., Curran M.A., Craig Z.R.* Differentiating environmental concern in the context of psychological adaption to climate change // *Global Environmental Change*. V. 2018. № 48. P. 158.
25. *Higginbotham N., Connor L., Albrecht G., Freeman S., Agho K.* Validation of an Environmental Distress Scale // *EcoHealth*. 2006. V. 3. P. 245–254.
26. *Hsiang S., Burke M., Miguel E.* Quantifying the influence of climate change and human health // *Science*, 2013.
27. IOM outlook on migration, environment and climate change. International Organization for Migration (IOM), Geneva, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mecc_outlook.pdf (дата обращения: 11.06.2020).
28. *Jung C.R., Lin Y.T., Hwang B.F.* Ozone, particulate matter, and newly diagnosed Alzheimer's disease: a population-based cohort study in Taiwan // *Journal of Alzheimer's Disease*. 2015. V. 44 (2). P. 573–84.
29. *Kaniasty K., Norris F.H.* Distinctions that matter: Received social support, perceived social support, and social embeddedness after disasters / Eds. Y. Neria, S. Galea, F. Norris // *Mental health and disasters*. Cambridge, UK & New York: Cambridge University Press, 2009. P. 175–202.
30. *Khan A., Plana-Ripoll O., Antonsen S., Brandt J., Geels C., Landecker H. et al.* Environmental pollution is associated with increased risk of psychiatric disorders in the US and Denmark // *PLoS Biology*. 2019. V. 17 (8).
31. *Lowe S., Young M., Acosta J., Sampson L., Gruebner O., Galea S.* Disaster Survivors' Anticipated Received Support in a Future Disaster // *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*. 2018. V. 12 (6). P. 711–717.
32. *Mach K.J., Kraan C.M., Adger W.N. et al.* Climate as a risk factor for armed conflict // *Nature*. 2019. V. 571. P. 193–197.
33. *Mares D.M., Moffett K.W.* Climate change and interpersonal violence: a “global” estimate and regional inequities // *Climate Change*. 2016. V. 135 (2). P. 297–310.
34. *Miles-Novelo A., Craig A.* Climate Change and Psychology: Effects of Rapid Global Warming on Violence and Aggression // *Current Climate Change Reports*, 2019.
35. *Parks R.M., Bennett J.E., Tamura-Wicks H. et al.* Anomalous warm temperatures are associated with increased injury deaths // *Nature Medicine*. 2020. V. 26. P. 65–70.
36. *Reese G., Menzel C.* Klimawandel und psychische Gesundheit — Handeln, nicht hadern! // *Public Health Forum*. 2020. V. 28 (1). P. 68–71.
37. Russia: The Impact of Climate Change to 2030. A Commissioned Research Report. NIC2009–04D. The National Intelligence Council, 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dni.gov/files/documents/climate2030_russia.pdf (дата обращения: 01.06.2020).
38. *Ruszkiewicz J.A., Tinkov A.A., Skalny A.V., Siokas V., Dardiotis E., Tsatsakis A. et al.* Brain diseases in changing climate // *Environmental Research*, 2019, 177, [108637] [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2019.108637/> (дата обращения: 01.06.2020).
39. *Scher A.* “Climate grief”: The growing emotional toll of climate change // *NBC News*, Dec. 24, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/health/mental-health/climate-grief-growing-emotional-toll-climate-change-n946751> (дата обращения: 20.08.2019).
40. *Swim J., Clayton S., Doherty T., Gifford R., Howard G., Reser J., Stern P., Weber E.* Psychology and global climate change: addressing a multi-faceted phenomenon and set of challenges. A report by the American Psychological Association's task force on the interface between psychology and global climate change. Washington: American Psychological Association, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.apa.org/images/climate-change-booklet_tcm7-91270.pdf.
41. *Telford A.* A climate terrorism assemblage? Exploring the politics of climate change-terrorism-radicalisation relations // *Political Geography*. 2020. V. 79. P. 102–150.
42. The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Нappiness_report_2019.pdf.
43. *Ushakov D.V., Grigoriev A.A.* Macropsychology of intelligence: through disputes to theoretical depth // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. V. 13. № 4. P. 629–635.
44. *Van Susteren L.* The psychological impacts of the climate crisis: A call to action // *BJPsych International*. 2018. V. 15. P. 25.
45. *Van Valkengoed A.M., Steg L.* Meta-analyses of factors motivating climate change adaptation behavior // *Nature Climate Change*. 2019. V. 9. P. 158–163.
46. *Vrij A., Van der Steen J., Koppelaar L.* Aggression of police officers as a function of temperature: An experiment with the Fire Arms Training System // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 1994. № 4. P. 365–370.
47. WEF Report. The Global Risks Report 2020. 15th ed. World Economic Forum, 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf. (дата обращения: 20.02.2020).

48. *Wei Y., Wang Y., Lin C.K., et al.* Associations between seasonal temperature and dementia-associated hospitalizations in New England // *Environment International*. 2019. V. 126. P. 228–233.
49. *Wilkowski B.M., Meier B.P., Robinson M.D., Carter M.S., Feltman R.* “Hotheaded” is more than an expression: the embodied representation of anger in terms of heat // *Emotion*. 2009. V. 9. № 4. P. 464–477.
50. *WMO Report. The Global Climate in 2015–2019.* World Meteorological Organization, Geneva, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=9936.

CLIMATE CHANGE IMPACT ON MENTAL HEALTH: PSYCHOLOGICAL ANALYSIS²

© 2020 T. A. Nestik*, A. L. Zhuravlev**

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaia str., 13, Russia.*

**ScD (Psychology), Professor of RAS, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology.
E-mail: nestik@gmail.com*

***Academician of the RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

Received 29.07.2020

Abstract. The article presents an analysis of the psychological consequences of climate change, based on domestic and foreign studies. The state of research in this area is assessed. Three main groups of psychological consequences of climate change for Russian society were identified: firstly, increased anxiety about the future, distress due to the consequences of natural disasters, and nostalgia and depression about the loss of the familiar environment; secondly, changes in cognitive and affective processes associated with the direct or indirect impact of adverse geophysical factors, including a decrease in cognitive abilities, neurodegenerative diseases, increased impulsiveness and aggressiveness of behavior under the influence of high temperatures, air pollution, etc.; thirdly, an aggravation of the experience of injustice, a further decline in trust to other social groups and social institutions, an increase in commitment to conservative values, exposure to populism, and support for authoritarian politicians. Some quantitative indicators are proposed for assessing the psychological effects of climate change. Promising areas of interdisciplinary research are outlined.

Keywords: climate change, psychology, macro-psychological state of society, environmental depressions, trust, interethnic relations, neurological diseases.

REFERENCES

- Emel'yanova T.P., Nestik T.A., Belyh T.V.* Otnoshenie k ekologicheskim riskam sredi predstavitelej pokolenij Y i Z. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*. 2019. V. 4. № 3 (15). P. 62–82. (In Russian)
- Zhuravlev A.L., Hashchenko V.A.* Dinamika ekologicheskogo soznaniya naseleniya v svyazi s global'nymi izmeneniyami prirodnoj sredy: programma social'no-psihologicheskogo issledovaniya. *Dinamika social'no-psihologicheskikh yavlenij v izmenyayushchemsya obshchestve*. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1996. P. 209–214. (In Russian)
- Lebedev A.N.* Psihologicheskoe sostoyanie rossijskogo obshchestva v svete makropsihologicheskogo podhoda. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*. 2018. № 2 (34). P. 243–251. (In Russian)
- Makropsihologiya sovremennogo rossijskogo obshchestva*. Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2009. (In Russian)
- Nestik T.A.* Social'naya psihologiya vremeni. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2014. (In Russian)
- Nestik T.A.* Zhiznesposobnost' gruppy kak social'no-psihologicheskij fenomen. *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty*. Ed. A.V. Mahnach, L.G. Dikaya. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. P. 176–192. (In Russian)

² This article was prepared with the support by RSF grant № 18-18-00439.

7. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psihologiya global'nyh riskov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
8. *Cepilova O.D.* Politicheskoe i social'no-ekonomicheskoe razvitie sovremennoj Rossii: ekologicheskie ogranicheniya i riski. Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij. 2019. № 2. P. 20–27. (In Russian)
9. *Yurevich A.V., Zhuravlev A.L.* Makropsihologicheskoe sostoyanie sovremennoogo rossijskogo obshchestva. Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2012. № 2. P. 137–140. (In Russian)
10. *Yurevich A.V., Ushakov D.V., Capenko I.P.* Kolichestvennaya ocenka makropsihologicheskogo sostoyaniya sovremennoogo rossijskogo obshchestva. Psihologicheskij zhurnal. 2007. V. 28. № 4. P. 23–34. (In Russian)
11. *Anderson C.A., DeLisi M.* Implications of global climate change for violence in developed and developing countries. Eds. J.P. Forges, A.W. Kruglanski, K.D. Williams. The psychology of social conflict and aggression. New York: Psychology Press, 2011. P. 249–265.
12. *Aquino K., Steisel V., Kay A.* The effects of resource distribution, voice, and decision framing on the provision of public goods. Journal of Conflict Resolution. 1992. V. 36. № 4. P. 665–687.
13. *Baker C.* Navigating the Coming Chaos: A Handbook for Inner Transition. New York: iUniverse, 2011.
14. *Becerra T.A., Wilhelm M., Olsen J., Cockburn M., Ritz B.* Ambient air pollution and autism in Los Angeles county, California. Environmental health perspectives. 2013. V. 121 (3). P. 380–386.
15. *Bryant R.A., Waters E., Gibbs L., Gallagher H.C., Pattison P., Lusher D., Forbes D. et al.* Psychological outcomes following the Victorian Black Saturday bushfires. Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. 2014. V. 48 (7). P. 634–643.
16. *Burke S.E.L., Sanson A.V., Van Hoorn J.* The Psychological Effects of Climate Change on Children. Current Psychiatry Reports. 2018. V. 20. № 35.
17. *Clayton S., Manning C.M., Krygsmann K., Speiser M.* Mental Health and Our Changing Climate: Impacts, Implications, and Guidance. Washington, D.C.: American Psychological Association, and ecoAmerica, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf> (дата обращения: 15.06.2020).
18. *Davenport L.* Emotional Resiliency in the Era of Climate Change. A Clinician's Guide. London: Jessica Kingsley Publishers, 2017.
19. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report [Электронный ресурс]. URL: <https://edl.mn/2NOWltm> (дата обращения: 05.06.2020).
20. *Evans G.W.* Projected Behavioral Impacts of Global Climate Change. Annual Review of Psychology. 2019. V. 70. № 1. P. 449–474.
21. *Galway L.P., Beery T., Jones-Casey K., Tasala K.* Mapping the Solastalgia Literature: A Scoping Review Study. International Journal of Environmental Research and Public Health, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/7/2308> (дата обращения: 05.06.2020).
22. *Harrington S.* How climate change affects mental health. Yale Climate Connections. February 4, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yaleclimateconnections.org/2020/02/how-climate-change-affects-mental-health/> (дата обращения: 05.06.2020).
23. *Hayes K., Blashki G., Wiseman J., Burke S., Reifels L.* Climate change and mental health: risks, impacts and priority actions. International journal of mental health systems. 2018. V. 12. P. 28.
24. *Helm S.V., Pollitt A., Barnett M.A., Curran M.A., Craig Z.R.* Differentiating environmental concern in the context of psychological adaption to climate change. Global Environmental Change. 2018. V. 48. P. 158.
25. *Higginbotham N., Connor L., Albrecht G., Freeman S., Agho K.* Validation of an Environmental Distress Scale. EcoHealth. 2006. V. 3. P. 245–254.
26. *Hsiang S., Burke M., Miguel E.* Quantifying the influence of climate change and human health. Science, 2013.
27. IOM outlook on migration, environment and climate change. International Organization for Migration (IOM), Geneva, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mecc_outlook.pdf (дата обращения: 11.06.2020).
28. *Jung C.R., Lin Y.T., Hwang B.F.* Ozone, particulate matter, and newly diagnosed Alzheimer's disease: a population-based cohort study in Taiwan. Journal of Alzheimer's Disease. 2015. V. 44 (2). P. 573–84.
29. *Kaniasty K., Norris F.H.* Distinctions that matter: Received social support, perceived social support, and social embeddedness after disasters. Eds. Y. Neria, S. Galea, F. Norris. Mental health and disasters. Cambridge, UK & New York: Cambridge University Press, 2009. P. 175–202.
30. *Khan A., Plana-Ripoll O., Antonsen S., Brandt J., Geels C., Landecker H. et al.* Environmental pollution is associated with increased risk of psychiatric disorders in the US and Denmark. PLoS Biology. 2019. V. 17. № 8.
31. *Lowe S., Young M., Acosta J., Sampson L., Gruebner O., Galea S.* Disaster Survivors' Anticipated Received Support in a Future Disaster. Disaster Medicine and Public Health Preparedness. 2018. V. 12. № 6. P. 711–717.
32. *Mach K.J., Kraan C.M., Adger W.N. et al.* Climate as a risk factor for armed conflict. Nature. 2019. V. 571. P. 193–197.
33. *Mares D.M., Moffett K.W.* Climate change and interpersonal violence: a "global" estimate and regional inequities. Climate Change, 2016. V. 135 (2). P. 297–310.

34. *Miles-Novelo A., Craig A.* Climate Change and Psychology: Effects of Rapid Global Warming on Violence and Aggression. *Current Climate Change Reports*. 2019.
35. *Parks R.M., Bennett J.E., Tamura-Wicks H. et al.* Anomalous warm temperatures are associated with increased injury deaths. *Nature Medicine*. 2020. V. 26. P. 65–70.
36. *Reese G., Menzel C.* Klimawandel und psychische Gesundheit — Handeln, nichtheadern! *Public Health Forum*. 2020. V. 28. № 1. P. 68–71.
37. Russia: The Impact of Climate Change to 2030. A Commissioned Research Report. NIC2009–04D. The National Intelligence Council, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dni.gov/files/documents/climate2030_russia.pdf/ (дата обращения: 01.06.2020).
38. *Ruszkiewicz J.A., Tinkov A.A., Skalny A.V., Siokas V., Dardiotis E., Tsatsakis A. et al.* Brain diseases in changing climate. *Environmental Research*. 2019, 177, [108637] [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2019.108637/> (дата обращения: 01.06.2020).
39. *Scher A.* “Climate grief”: The growing emotional toll of climate change. *NBC News*, Dec. 24, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/health/mental-health/climate-grief-growing-emotional-toll-climate-change-n946751> (дата обращения: 20.08.2019).
40. *Swim J., Clayton S., Doherty T., Gifford R., Howard G., Reser J., Stern P., Weber E.* Psychology and global climate change: addressing a multi-faceted phenomenon and set of challenges. A report by the American Psychological Association’s task force on the interface between psychology and global climate change. Washington: American Psychological Association, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.apa.org/images/climate-change-booklet_tcm7-91270.pdf.
41. *Telford A.* A climate terrorism assemblage? Exploring the politics of climate change-terrorism-radicalisation relations. *Political Geography*. 2020. V. 79. P. 102–150.
42. The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf.
43. *Ushakov D.V., Grigoriev A.A.* Macropsychology of intelligence: through disputes to theoretical depth. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. V. 13. № 4. P. 629–635.
44. *Van Susteren L.* The psychological impacts of the climate crisis: A call to action. *BJPsych International*. 2018. V. 15. P. 25.
45. *Van Valkengoed A.M., Steg L.* Meta-analyses of factors motivating climate change adaptation behavior. *Nature Climate Change*. 2019. V. 9. P. 158–163.
46. *Vrij A., Van der Steen J., Koppelaar L.* Aggression of police officers as a function of temperature: An experiment with the Fire Arms Training System. *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 1994. № 4. P. 365–370.
47. WEF Report. The Global Risks Report 2020. 15th Ed. World Economic Forum, 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
48. *Wei Y., Wang Y., Lin C.K. et al.* Associations between seasonal temperature and dementia-associated hospitalizations in New England. *Environment International*. 2019. V. 126. P. 228–233.
49. *Wilkowski B.M., Meier B.P., Robinson M.D., Carter M.S., Feltman R.* “Hotheaded” is more than an expression: the embodied representation of anger in terms of heat. *Emotion*. 2009. V. 9. № 4. P. 464–477.
50. WMO Report. The Global Climate in 2015–2019. World Meteorological Organization, Geneva, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=9936.

УДК 159.9:061.2

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ АН СССР В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ¹

© 2020 г. В. И. Белопольский*, А. Л. Журавлев**, А. А. Костригин***

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

*Доктор психологических наук, главный научный сотрудник.

E-mail: vbelop@mail.ru

**Академик РАН, профессор, научный руководитель ФГБУН Институт психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Младший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: artdzen@gmail.com

Поступила 30.06.2020

Аннотация. Рассматриваются общественно-политические, научные и социокультурные предпосылки создания в 1971–1972 гг. научно-исследовательского Института психологии в Академии наук СССР. Приводятся архивные документы: постановления, распоряжения и протоколы заседаний Президиума АН СССР, письма Президиума АН СССР в ЦК КПСС, распоряжение Совета Министров СССР, протоколы заседания Бюро Отделения философии и права АН СССР, касающиеся создания и начала функционирования Института психологии. Первый год деятельности Института психологии представлен описанием формирования кадрового состава лабораторий, характеристикой протоколов заседаний Ученого совета и отчетов о научно-исследовательской работе. Формирование Института психологии и его деятельность заложили основы развития российской академической психологической науки.

Ключевые слова: история советской психологии, Академия наук СССР, Институт психологии, Б. Ф. Ломов, архивные документы.

DOI: 10.31857/S020595920011085-9

16 декабря 1971 г. Президиум Академии наук СССР принял Постановление № 1079 “Об организации Института психологии АН СССР” [3, л. 17–19]. Это событие стало итогом длительного и драматичного периода становления психологии как самостоятельной науки, “вызревания” и признания ее фундаментального, академического статуса и в то же время явилось отправной точкой для развертывания широкого фронта психологических исследований в рамках Академии наук. Скоро Институт психологии РАН (АН СССР) будет праздновать свое 50-летие, и это хороший повод обратиться к истокам его создания с позиции исторической перспективы. Предыстории создания и истории научно-организационной деятельности Института психологии

в системе Академии наук был посвящен ряд публикаций, в основном приуроченных к юбилейным датам [14–21; 23–26]. Вместе с тем до сих пор остаются некоторые пробелы и неизвестные страницы в истории создания Института психологии, мало опубликовано архивных документов, недостаточно освещены этапы развертывания деятельности Института в академической среде, формирования стратегий кадрового и структурного обеспечения для выполнения заявленных при его организации целей.

В рамках данной статьи планируется представить новые архивные материалы, официальные документы, свидетельства людей, касающиеся создания Института психологии, а также проследить первые этапы его функционирования как структурной единицы в системе Академии наук СССР.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-013-00680: “История российской академической психологии нового времени: научные школы, персоналии, детерминанты развития”).

ПРЕДЫСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ АН СССР

Попытки создать в системе Академии наук учреждение психологического профиля предпринимались и раньше. Наиболее известная из них приходится на период 1945–1947 гг., когда в рамках Института философии АН СССР был создан Сектор психологии, который возглавил незадолго до этого избранный членом-корреспондентом АН СССР (в 1943 г.) Сергей Леонидович Рубинштейн, перешедший туда с поста директора Психологического института АПН РСФСР. Сектор был “укомплектован” известными психологами и физиологами, такими как С.В. Кравков (получил звание члена-корреспондента АН СССР в 1946 г.), Н.Н. Ладыгина-Котс, Н.Н. Волков, А.Н. Соколов, Н.А. Гарбузов, А.Л. Ярбус и др. Была закуплена за границей (по другим данным — получена по репарации) аппаратура для проведения экспериментов, прежде всего в области психологии восприятия. Все указывало на то, что перед сектором ставилась задача развернуть широкомасштабные исследования по фундаментальным проблемам психологии и психофизиологии. Начался ремонт помещений, куда, по свидетельству участников тех событий, должен был переехать будущий Институт психологии, созданный на базе сектора [14; 25]. Однако случилась небезызвестная павловская сессия двух академий, которая надолго приостановила реализацию этой идеи. Большая часть сотрудников разошлась по другим учреждениям, С.Л. Рубинштейн был отстранен от руководства сектором, а его научная тематика была ограничена философско-методологическими и теоретическими проблемами психологии.

Период 1960-х годов ознаменовался не только общим “потеплением” в обществе, но и появлением спроса на психологическое знание в связи с происходившими в обществе научно-техническими преобразованиями. Речь идет прежде всего о запросах авиационной, военной и космической отраслей, появлении новых рабочих специальностей с высоким “весом” человеческого фактора, а также новых вызовов со стороны таких традиционных сфер приложения психологии, как обучение и воспитание, медицина, спорт, управление и др. Для решения насущных психологических задач требовались кадры, и потому в 1966 г. были созданы факультеты психологии в МГУ имени М.В. Ломоносова, ЛГУ, а позднее и в ряде других университетов. Открывались также отделения и кафедры психологии в вузах самой разной направленности. В 1957 г. было создано Общество психологов СССР. Психология получила статус научной

дисциплины, по которой присваивались ученые степени (с 1968 г.).

Следует особо отметить еще одно событие, сыгравшее, на наш взгляд, важную роль в организации Института психологии. Имеется в виду проведение в Москве в 1966 г. XVIII Международного психологического конгресса. Это был акт международного признания достижений советской психологии. В нем приняли участие не только все активно работающие в СССР психологи, но и большое количество специалистов из смежных областей знания. Важно подчеркнуть, что в организации и проведении конгресса активно участвовала Академия наук СССР: председателем Советского программного комитета был академик П.Н. Федосеев, президентом — А.Н. Леонтьев, а вступительную речь произнес президент Академии М.В. Келдыш. Именно в процессе подготовки к этому конгрессу была создана рабочая группа, которая продолжала свою деятельность и после его завершения и в итоге деятельности которой был подготовлен план-проект создания академического Института психологии [25].

В обсуждении, написании и продвижении этого проекта участвовало много людей, как психологов, так и представителей других областей знания. В ходе их деятельности среди ее участников неофициальным лидером стал Борис Федорович Ломов, представитель новой, послевоенной волны психологов, ученик Б.Г. Ананьева, создатель и лидер нового направления — инженерной психологии [26]. В конце 1960-х годов он установил близкие деловые и дружеские отношения с другим молодым, но уже авторитетным психологом, учеником Б.М. Теплова Владимиром Дмитриевичем Небылицыным. Вклад В.Д. Небылицина в подготовку и продвижение проекта Института психологии был очень весомым [27]. После того как в 1970 г. проект создания нового Института психологии был передан в организационный отдел Академии, дело, как вспоминает Б.Ф. Ломов, “застопорилось”. Требовалось привлечь на свою сторону президента Академии Мстислава Всеволодовича Келдыша, чье мнение (при всей формально соблюденной коллегиальности) было определяющим для принятия решения о создании Института психологии в системе Академии наук СССР. Как описывает Б.Ф. Ломов [25], М.В. Келдыш сопротивлялся созданию Института, но в начале 1971 г., после многочасового обсуждения в Академии наук программы Института, доложенной Б.Ф. Ломовым, барьеры были сломлены и началась практическая работа по учреждению Института. Уже 6 мая 1971 г. в своем докладе “Решения XXIV съезда КПСС и задачи

Академии наук СССР” он говорил: “У нас все еще не решен вопрос об организации в Академии наук работ по психологии, которые также играют важную роль” [22, с. 20].

Обратимся к документам, запечатлевшим *этапы принятия решения* о создании Института психологии. На основании распоряжения Президиума АН СССР от 9 июня 1971 г. № 33-893 создается комиссия по подготовке предложений об основных направлениях деятельности Института и его структуре [7]. В состав комиссии вошли Б.Ф. Ломов (в качестве председателя), А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, П.К. Анохин, А.Г. Спиркин, В.Д. Небылицын.

Затем 15 июля 1971 г. на заседании Президиума уже принимается постановление № 691, в котором подчеркивается высокая значимость психологии для СССР, а также нехватка специального научного института: “Ввиду повышения роли психологического фактора в жизни общества в результате научно-технической революции и социальных изменений в современном мире большое значение приобретает развитие психологической науки. Несмотря на определенные успехи, научные исследования в области психологии в целом отстают от потребностей практики коммунистического строительства. В стране отсутствует научный центр, в котором разрабатывались бы фундаментальные проблемы психологической науки. С целью развития научных исследований в области психологии Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ: 1. Считать целесообразным организовать в составе Отделения философии и права АН СССР Институт психологии” [2, л. 25] (с участием в обсуждении академиком А.И. Берга, М.В. Келдыша и президента АПН СССР В.М. Хвостова).

Следует отметить ту особую, резко отрицательную позицию в вопросе создания академического Института психологии, которую занимала Академия педагогических наук СССР в лице ее президента В.М. Хвостова, участвовавшего по его статусу в работе Президиума АН СССР. Многие ведущие психологи того времени являлись членами педагогической академии, и В.М. Хвостов, видимо, не хотел, чтобы часть психологической науки ушла из-под ее влияния. Его особое мнение, не поддержанное другими членами отраслевой академии, было зафиксировано, но не повлияло на принципиально принятое решение.

Следующим важным этапом стало обсуждение создания Института с ЦК КПСС: сохранилась переписка Президиума АН СССР с ЦК (4 августа — 22 сентября 1971 г.), в которой обосновывается необходимость государственной поддержки этого вопроса. Президиум отмечал, что в настоящее время

существуют недостатки в развитии психологии: отставание фундаментальных теоретических исследований от прикладных, слабое развитие отдельных важных направлений психологии, отсутствие контакта между психологической наукой и другими отраслями знания (в частности, физиологией). Для этого необходимо создать научно-исследовательский центр. “Организация Института психологии АН СССР должна способствовать дальнейшему развитию советской психологической науки в условиях научно-технического прогресса, оказывающего глубокое влияние на духовную жизнь и психику человека, и возрастанию роли психологического фактора во всех сферах хозяйственной и культурной жизни страны. Большое значение в связи с этим приобретает изучение психических явлений и взаимосвязи психологии с общественными, естественными и техническими науками” [1, л. 1–2].

Сформулированные комиссией в июне 1971 г. направления деятельности Института и были положены в основу письма Президиума АН СССР в ЦК КПСС. *Основными задачами* Института предполагались следующие [Там же, л. 2–4]:

- исследование фундаментальных теоретических проблем психологической науки и создание основ разработки ее прикладных вопросов;

- участие в комплексном изучении пограничных для психологии проблем философии, конкретных социальных исследований, физиологии высшей нервной деятельности человека, физиологии адаптации человека, теории процессов управления;

- изучение психологии личности, социально-исторической детерминации ее формирования и развития; анализ личности как объекта сознания и самосознания, мотивации поведения личности; исследование процессов формирования новых психологических качеств личности и психических процессов в связи с усложнением различных видов деятельности человека;

- изучение закономерностей развития психики в онтогенезе и его социально-исторической обусловленности;

- изучение структуры и динамики коллектива, групповой деятельности, взаимоотношений в коллективе и психологических аспектов коммуникации; исследование психологических механизмов формирования общественного мнения и социальных установок личности как члена коллектива; разработка с марксистско-ленинских позиций методологических проблем социальной психологии, вопросов национально-этнической психологии;

— изучение восприятия как активного процесса отражения, роли сенсорных и моторных компонентов в формировании чувственного образа;

— изучение процесса мышления, механизмов предвидения и интеллектуального планирования деятельности, взаимоотношения различных форм мышления;

— разработка кардинальных проблем нейропсихологии, биологических и нейрохимических основ психических явлений, нейропсихологических механизмов мотивации и индивидуально-психологических различий; изучение механизмов памяти, средств управления мнемическими функциями путем направленного регулирования биохимических, биофизических и физиологических процессов;

— исследование трудовой деятельности, ее структуры и психологических механизмов, психофизиологии работоспособности, процессов утомления и психического перенапряжения; разработка психологических проблем творчества в различных видах труда;

— разработка проблем инженерной психологии; изучение деятельности человека в системах “человек—машина” (прежде всего “человек—ЭВМ”), выявление возможностей творческого мышления в условиях взаимодействия человека с информационно-логическими машинами, психологических механизмов принятия решений человеком;

— изучение влияния сенсорной и социальной изоляции на психические состояния, психофизиологической совместимости людей, работающих в ограниченном замкнутом пространстве.

В итоге доработанный перечень научных направлений был положен академиками и членами ЦК КПСС М.В. Келдышем и В.А. Кириллиным в основу предлагаемых *структурных подразделений* [Там же, л. 7]:

— отдел теоретической и экспериментальной психологии;

— отдел социальной психологии;

— отдел инженерной психологии и психологии труда;

— отдел нейрофизиологических основ психики;

— отдел специальных прикладных проблем.

В письме ЦК КПСС также указывается список ученых, которых рекомендуется привлечь к работе в Институте психологии для помощи в разработке определенных вопросов: академик П.К. Анохин (психофизиология и нейропсихология), академик М.Н. Ливанов (нейрофизиологические основы

психики), А.Н. Леонтьев (общая теория личности), А.Р. Лурия (общая теория психологии и нейропсихологии), А.А. Бодалев (социальная психология), В.П. Зинченко (экспериментальная и инженерная психология), В.Ф. Рубахин (специальные прикладные проблемы психологии), А.Г. Спиркин (философские проблемы сознания), Е.В. Шорохова (общая теория психологии) [Там же, л. 8].

Итогом этой работы стало официальное утверждение Института на самом высоком уровне: сначала 6 декабря 1971 г. Совет Министров СССР утверждает распоряжение № 2602р: “Принять предложение Академии наук СССР об организации в г. Москве Института психологии Академии наук СССР. Отнести Институт психологии к первой категории по оплате труда работников науки” [6, л. 113]; и, наконец, выпускается постановление от 16 декабря 1971 г. № 1079. Институт психологии организуется в составе Отделения философии и права АН СССР, а научно-методическое руководство исследованиями Института поручается также Отделению физиологии АН СССР и Отделению механики и процессов управления АН СССР [3, л. 17]. Были определены следующие *направления деятельности* Института:

“— комплексная разработка на основе марксизма-ленинизма фундаментальных проблем общей психологии и теоретических основ ее прикладных разделов, важнейших методологических проблем психологии и перспективной программы ее развития в стране;

— анализ социально-психологических аспектов организации деятельности трудовых коллективов, психологии личности, формирования ее социалистического сознания и общественной активности; исследование психологических проблем общественного труда, творческой деятельности людей, процессов управления современной техникой; изучение материальных основ психики; критика современных буржуазных психологических концепций;

— осуществление функций головного Института в научной разработке общей, социальной, инженерной психологии, психологии труда, специальных прикладных проблем этой науки и психофизиологии;

— оказание теоретической и методической помощи высшим и средним специальным учебным заведениям, школам, соответствующим научным и идеологическим учреждениям по этим отраслям науки;

— участие в подготовке и повышении квалификации кадров по психологии, создание научных

и научно-популярных работ для пропаганды психологических знаний” [Там же, л. 17–18].

К указанной в переписке с ЦК КПСС структуре Института психологии в постановлении Президиума АН СССР добавились еще два подразделения — научно-технический отдел для разработки и изготовления специальной экспериментальной аппаратуры и информационный отдел с библиотекой [Там же, л. 20]. Также в дополнении отмечается следующее: “В данной структуре указаны научно-исследовательские отделы. Имеется в виду, что психология в своей значительной части является экспериментальной наукой и поэтому необходимо положить в основу организации отделов Института психологи АН СССР лаборатории и сектора” [Там же, л. 20].

В дискуссии к обсуждаемому постановлению, в которой участвовали академики М.Д. Миллионщиков, П.Н. Федосеев, П.Л. Капица и А.П. Виноградов, высказывались пожелания о постановке задач разработки психологических исследований для нужд медицины (психиатрии и медицинской психологии, в сотрудничестве с Академией медицинских наук СССР), педагогики, а также обороны страны. И в этих вопросах по предложению Президиума РАН Институт психологии должен был стать головным [Там же, л. 116–120]. Однако наибольшее внимание Институту следовало уделять двум направлениям — инженерной и социальной психологии.

В этом же постановлении № 1079 директором Института назначается Б.Ф. Ломов, однако утверждается он в должности на общем собрании Академии наук СССР от 1 марта 1972 г.: “В соответствии с § 69 Устава Академии наук СССР утвердить избранного Общим собранием Отделения философии и права АН СССР доктора педагогических наук ЛОМОВА Бориса Федоровича директором Института психологии АН СССР” [5, л. 26]. 1 марта 1972 г., когда в штате Института появился первый сотрудник-директор и право на гербовую печать, видимо, и следует считать датой его основания и начала реальной деятельности.

НАЧАЛО РАБОТЫ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ АН СССР

С начала 1972 г. Институт психологии был полноправно представлен на заседаниях Бюро Отделения философии и права АН СССР. На первом заседании Бюро от 11 января 1972 г. значительное внимание в повестке дня уделили Институту психологии и психологической науке в целом.

Б.Ф. Ломов уже в качестве директора Института психологии делает сообщение “Об основных направлениях исследований и структуре Института психологии АН СССР” [10, л. 3].

На заседании Бюро Отделения философии и права от 21 марта 1972 г. Б.Ф. Ломов выступает с докладом о пятилетнем плане научных исследований Института психологии [Там же, л. 23], который рекомендуют обсудить еще раз после укомплектования Института научными кадрами. На этом же заседании заместителем директора Института по научной работе утверждается В.Д. Небылицын [Там же, л. 24], а на заседании Бюро от 6 июня 1972 г. еще одним заместителем директора Института по научной работе назначается Екатерина Васильевна Шорохова [Там же, л. 56].

Институту было выделено помещение — цокольный этаж в жилом доме по адресу ул. Вавилова 37а, буквально в 100 м от дома, где находилась квартира Б.Ф. Ломова. В этом помещении ранее находился детский сад, поэтому оно нуждалось в ремонте и перепланировке. Делалось это во многом руками прибывающих на новое место работы сотрудников. К концу 1972 г. основные строительные работы были завершены. На первом этапе проводить исследования приходилось на оборудовании, переданном на баланс теми организациями, сотрудники которых перешли на работу в Институт. Энергично закупалась новая аппаратура, в том числе импортная. Новый 1973 г. встречали в зале, подготовленном для уже заказанной современной ЭВМ ЕС 10-20, получить которую удалось с помощью советских космонавтов. В роли Деда Мороза выступал молодой полковник В.А. Пономаренко [14].

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ АН СССР

Кадровые вопросы решались постепенно, по мере выделения ставок. На самом деле уже на этапе перспективного тематического планирования просматривались кандидатуры, способные развернуть работу в заданном направлении, а иногда эти планы заведомо ориентировались на конкретного исполнителя или научную группу. Подбор сотрудников осуществлялся Б.Ф. Ломовым и активно помогавшим ему в этом вопросе В.Д. Небылицыным с учетом, во-первых, комплексного, многоаспектного характера заявленных направлений исследований (о системном подходе в психологии заговорили чуть позже, в 1973–1974 гг.), а во-вторых, необходимости соблюсти баланс интересов и соглашений с представителями лоббирующих Институт влиятельных ученых.

Со многими кандидатами переговоры велись заранее, и было получено их предварительное согласие перейти на работу в новый Институт. Поэтому заполнение вакансий происходило быстро.

На должности заведующих лабораториями и старших научных сотрудников были приглашены молодые и перспективные ученые, в основном кандидаты наук. Это было нетипично для институтов Академии наук и являлось хорошим стимулом для научного роста. Докторов наук было немного, всего пять человек, и они тоже принадлежали к категории молодых или среднего возраста ученых. Если говорить о номенклатуре специальностей, то среди первых сотрудников, кроме психологов, были кандидаты педагогических, технических, физико-математических, биологических, медицинских, философских наук, доктора медицинских и философских наук. В Институт были распределены на ставки стажеров-исследователей 11 выпускников психологического и биологического факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова и 1-го ГМИ имени И.М. Сеченова, а также несколько недавних выпускников на ставки старшего лаборанта и младшего научного сотрудника. Насколько провидческим и точным было это решение, говорит тот факт, что большая часть этих молодых сотрудников первого призыва проработала в Институте по несколько десятилетий, а некоторые продолжают трудиться и по сей день, став докторами наук и профессорами. Примечателен факт, что в самом начале своей деятельности Институт психологии АН СССР был самым молодым в структуре Академии, средний возраст сотрудников составлял 35 лет.

Крупным кадровым пополнением стал перевод из Института философии АН СССР в штат Института психологии сектора философских проблем психологии практически в полном составе, включая и аспирантов. Распоряжением от 23 августа 1972 г. № 25-1231 с 1 сентября 1972 г. были переведены: научные сотрудники д.ф.н. Е.В. Шорохова, д.м.н. К.К. Платонов, к.ф.н. Л.И. Анцыферова, к.ф.н. Е.А. Будилова, к.пед.н. А.В. Брушлинский, Т.И. Артемьева, к.ф.н. В.Г. Асеев, к.ф.н. Г.С. Тарасов, к.ф.н. И.А. Джидарьян, к.ф.н. И.И. Чеснокова, Т.М. Денисовская, С.С. Паповян; аспиранты Н.В. Кучевская, Е.А. Родионова [8, л. 83–85]. Они были распределены по секторам *философских проблем психологии* (заведующая — Л.И. Анцыферова) и *социальной психологии* (заведующая — Е.В. Шорохова). В последнее подразделение были зачислены также к.ф.н. М.И. Бобнева и к.пед.н. О.И. Зотова из Института конкретных социальных исследований АН СССР. В сектор философских

проблем психологии перешла Н.И. Бетчук из НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (НИИ ОПП АПН СССР), а чуть позднее, в 1973 г., д.психол.н. Я.А. Пономарев из Института истории естествознания и техники АН СССР.

Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова “укомплектовал” своими представителями два подразделения Института психологии: *лабораторию автоматизации умственного труда* (заведующий — д.пед.н. О.К. Тихомиров, к.пед.н. Э.Д. Телегина, к.пед.н. В.А. Терехов, И.А. Васильев, Ю.Д. Бабаева, Ю.Е. Виноградов, А.Е. Войскунский, Л.И. Ноткин), а также *лабораторию нейропсихологии* (заведующая — д.психол.н. Е.Д. Хомская, к.психол.н. А.Д. Владимиров, к.психол.н. Н.А. Филиппычева, стажер-исследователь Н.В. Арсенина). Научными консультантами были утверждены соответственно А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурья.

В.Д. Небылицин привел с собой из НИИ ОПП АПН СССР в организуемую им *лабораторию дифференциальной психофизиологии* ряд сотрудников — к.психол.н. В.М. Русалова (стал заведующим лабораторией после трагической гибели В.Д. Небылицына 1 октября 1972 г.), к.м.н. Ю.А. Макарова, А.В. Пасынкову, Л.Н. Котова, к ним присоединились Н.В. Тарабрина из Ленинградского психоневрологического НИИ им. В.М. Бехтерева и недавний выпускник биофака МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Бодунов.

На должность заведующего *лаборатории психофизики* был приглашен из ЛГУ к.психол.н. Ю.М. Забродин, туда же были зачислены к.пед.н. К.В. Бардин и Е.З. Фришман из НИИ ОПП АПН СССР, к.б.н. А.Н. Лебедев из ВНИИТЭ, стажер-исследователь И.Г. Скотникова — выпускница факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Лабораторию процессов восприятия возглавил сам Б.Ф. Ломов, пригласив туда своих соавторов и коллег по экспериментальным исследованиям к.пед.н. Н.Ю. Вергилеса и Е.А. Андрееву из НИИ ОПП АПН СССР, к.пед.н. А.А. Митькина из ВНИИТЭ, а также группу стажеров-исследователей, выпускников факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова: В.А. Барабанщикова, В.И. Белопольского и Е.А. Сергиенко.

Костяк *лаборатории инженерной психологии* составили выходцы из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР: к.ф.м.н. В.Ю. Крылов (зав. лабораторией), В.А. Чурсинов, а также к.психол.н. Г.Е. Журавлев из Института автоматической аппаратуры и к.м.н. И.Н. Баранов-Крылов из Института проблем передачи информации АН СССР.

Отдел *специальных прикладных проблем* довольно скоро трансформировался в одноименную лабораторию: ее возглавил к.м.н. В.А. Попов, ушедший в отставку с поста заместителя командира Центра подготовки космонавтов, туда же были зачислены его бывший коллега Б.Г. Буйлов, к.б.н. Н.В. Крылова из Института ВНД и нейрофизиологии АН СССР, выпускники МГУ имени М.В. Ломоносова психологи Ю.А. Пиковский, Е.В. Петрухин и биолог Т.Г. Пименова, Б.Н. Митрофанов из Института конкретных социальных исследований АН СССР.

Научным руководителем *лаборатории нейрофизиологических основ обучения* был утвержден академик П.К. Анохин, его сотрудники по Институту нормальной и патологической физиологии АМН СССР и студенты заполнили ее основной штат: к.м.н. В.Б. Швырков (заведующий), к.м.н. Д.Г. Шевченко, к.м.н. А.П. Карпов, стажеры-исследователи Ю.И. Александров, Ю.В. Гринченко из 1-го ГМИ имени И.М. Сеченова, С.С. Трофимов и А.Г. Васильева с биофака МГУ имени М.В. Ломоносова.

Заведующим лабораторией автоматизации психологических и психофизиологических исследований был назначен к.т.н. Ю.А. Субботин, ранее работавший в Институте гигиены детей и подростков МЗ СССР, а *отдел научной информации* возглавил к.ф.н. А.М. Пашутин, перешедший из ВНИИТЭ.

На ставки референта директора и машинистки были приняты сотрудницы НИИ ОПП АНП СССР соответственно М.И. Расторгуева (Воловикова) и О.Ф. Савашова (Потемкина), которые позднее перешли на научные должности в лабораторию.

Должность *ученого секретаря* заняла к.м.н. Р.Л. Гасанова, перешедшая из Института ВНД и нейрофизиологии АН СССР.

К концу 1972 г. штат Института был в значительной степени укомплектован, но набор продолжался и в 1973 г., хотя общее число сотрудников менялось уже весьма незначительно.

Помимо научных кадров, Академию наук волновал вопрос об Ученом совете Института психологии: он поднимался П.Л. Капицей и П.Н. Федосеевым еще при утверждении постановления от 16 декабря 1971 г. [3, л. 119–120]. На заседании Бюро Отделения философии и права АН СССР от 23 мая 1972 г. одним из пунктов повестки дня было создание Ученого совета Института психологии. По результатам обсуждения был утвержден следующий состав Совета: Б.Ф. Ломов (председатель), В.Д. Небылицын (заместитель председателя), Е.В. Шорохова (заместитель председателя), Р.Л. Гасанова

(ученый секретарь), П.К. Анохин, А.И. Берг, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, В.Ю. Крылов, А.Н. Леонтьев, М.Н. Ливанов, А.Р. Лурия, Н.С. Мансуров, Б.Д. Парыгин, Б.Ф. Поршнев, В.А. Попов, К.К. Платонов, А.Р. Ратинов, А.А. Смирнов, А.Г. Спиркин, О.К. Тихомиров, В.Ф. Рубахин, В.И. Севастьянов, П.В. Исаков, В.С. Русинов, М.Г. Ярошевский, а также должны были присутствовать на заседаниях Совета представители партийной и профсоюзной организаций (на первом заседании это были А.М. Пашутин и Н.В. Крылова) [10, л. 29–30; 13, л. 158]. Этот состав Ученого совета был временным и функционировал только в 1972–1973 гг., пока в 1974 г. Президиумом АН СССР не был утвержден новый его состав [4].

ПЛАНЫ И ЗАДАЧИ НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ АН СССР

Летом—осенью 1972 г. происходит содержательное определение научной деятельности Института: 29 июня Ученым советом утверждается *план научно-исследовательской работы* на 1972 г., а 9 октября его отправляют в Отделение философии и права АН СССР [11]. Все ранее озвучиваемые и обсуждаемые направления психологических исследований теперь приобретают конкретизированный и окончательный вид; более того, определяются ученые, которые будут развивать основные научные направления Института психологии. Научно-исследовательский план состоит из разделов, которые, в свою очередь, включают следующие темы [Там же, л. 4–8]:

1) проблемы теории психологии: теоретические проблемы психологии личности (руководитель темы — Е.В. Шорохова), исследование структуры личности разных социальных групп (руководитель темы — К.К. Платонов), материалистическая мысль в психологии капиталистических стран XX в. (руководитель темы — Е.В. Шорохова);

2) проблемы экспериментальной психологии: проблемы психофизики (анализ классических методов психофизики) (руководитель темы — Ю.М. Забродин); процессы зрительного восприятия (изучение моторных компонентов зрения в условиях воздействия стимула, стабилизированного относительно сетчатки; исследование взаимодействия сенсорных и моторных компонентов в зрительной системе человека) (руководитель темы — Б.Ф. Ломов);

3) проблемы инженерной психологии и психологии труда: система “человек—машина”, деятельность человека в режиме слежения (экспериментальное исследование и математическое моделирование деятельности человека в режиме слежения и управления) (руководитель темы — В.Ю. Крылов, совместно с в/ч 64688);

4) проблемы психофизиологии и нейропсихологии: нейрофизиологические основы психической деятельности (нейрональные корреляты обучения в условиях эмоциональных подкреплений; участие ретикулярных нейронов в организации отдельных звеньев функциональной системы поведенческого акта; изучение нейрофизиологических механизмов прогнозирования в интеллектуальной деятельности человека) (руководитель темы — В.Б. Швырков, научный консультант — П.К. Анохин), нейрофизиологические основы индивидуально-психологических различий в области некоторых интеллектуальных функций (руководитель темы — В.Д. Небылицын);

5) специальные прикладные проблемы: пространственная ориентация человека в специальных условиях труда (определение структуры процессов пространственной ориентации летчика и космонавта) (руководитель темы — В.А. Попов), психические состояния человека в экстремальных условиях (определение принципов прогнозирования работоспособности оператора применительно к задачам управления летательным аппаратом) (руководитель темы — В.А. Попов, совместно с в/ч 26266 и 64688).

Б.Ф. Ломов так охарактеризовал перспективы и сроки разработки данных психологических проблем в Институте психологии АН СССР на первом заседании Ученого совета 29 июня 1972 г.: “На первом этапе (1972—1973 гг.) основное внимание предполагаем уделить разработке проблем экспериментальной психологии, включая психофизику, инженерную психологию, психофункциональные и нейрофизиологические основы, специальные проблемы психологии. Это направление выбрано потому, что в данной области имеются достижения, есть довольно четкий метод исследования, довольно четко направленная работа, кроме того, в этом направлении в связи с необходимостью создана специальная техническая база. В то же время в 1972—1973 годах предполагается развертывание поисковых исследований в области общетеоретической психологии, в области социальной психологии. В 1974—1975 годах предполагается дальнейшее развитие тех направлений, которые должны сформироваться в 1972—1973 годах и очевидно акцент будет перенесен на общетеоретические

проблемы психологии и социальной психологии” [13, л. 19].

Конечно, выполнить такой обширный план исследований было бы невозможно за оставшуюся часть 1972 г., после утверждения указанных направлений научно-исследовательской работы Института. Это понимал и сам Б.Ф. Ломов: “Основной выход в этом году будет очень небольшой. Он касается главным образом определения некоторых подходов к той или иной проблеме, определения методических разработок экспериментальных установок и т.п.” [Там же, л. 24]. Однако наиболее важным здесь, по нашему мнению, является сам факт принятия плана — это стало отправной точкой для функционирования Института уже в научном смысле.

К важным результатам работы Института можно отнести и *научно-организационное направление* [12]: работа Ученого совета; деятельность научных семинаров “Основные проблемы психологической науки” (руководитель — сначала В.Д. Небылицын, затем Б.Ф. Ломов), “Методологические проблемы социальной психологии” (руководитель — Е.В. Шорохова), “Философские проблемы психологии” (руководитель — Л.И. Анцыферова); методологический семинар по проблемам психологии и кибернетики (руководитель — О.К. Тихомиров); проведение конференции “Социально-психологические проблемы этнических и национальных особенностей психических явлений”.

Делая общее заключение о деятельности Института, Б.Ф. Ломов говорит: “Главный итог 1972 года состоит в том, что основа Института психологии АН СССР создана, Институт начал свою работу. В трудных условиях организационного периода Институт в основном выполнил свой годовой план. В тех направлениях, которые были заложены в 1972 году, уже были получены некоторые результаты” [Там же, л. 38].

Таким образом, на основе приведенных выше материалов можно проследить изменение от общего к частному, конкретному в научных задачах Института: очень широко они звучали на этапе подготовки проекта создания Института, и в обсуждении на Президиуме АН СССР, и в записке ЦК КПСС, и даже в постановлении Президиума от 16 декабря 1971 г., но уже к середине 1972 г. научные ориентиры конкретизировались, были сформулированы научно-исследовательские темы и конкретные задачи. Далее деятельность и планы Института уже в большей степени определялись реалиями той научно-исследовательской работы, в которую с энтузиазмом включились новые сотрудники.

Институту еще предстояло стать коллективом единомышленников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории организации Института психологии АН СССР выполняет несколько задач: мемориальную (накануне 50-летнего юбилея необходимо определить важные вехи в истории Института), историко-психологическую (обнаружение, анализ и введение в научный оборот новых архивных материалов, анализ историко-психологических фактов и описание конкретного периода в истории советской психологии начала 1970-х годов, указание персоналий, повлиявших на психологическую науку изучаемого времени, и научно-исследовательскую (анализ истоков и оснований направлений психологии, которые продолжают разрабатываться и в настоящее время).

Создание Института психологии явилось заметной вехой на пути развития отечественной науки, показало ее способность откликаться на веяния времени, ее готовность к решению фундаментальных проблем в тесной связке с потребностями практики. Этот факт не остался незамеченным и зарубежными коллегами — Дж. Брожеком и Л. Мекаччи [28], И. Холвински [29], Р. Солсо [31] и коллективом авторов, изучавших историю психологии и психиатрии в СССР [30], оценившими его как важнейшее событие в советской психологии.

Институт психологии АН СССР создавался как передовой научно-исследовательский центр, который стремился к комплексному и междисциплинарному исследованию психики человека. Такое напутствие Институту на первом заседании Ученого совета дали А.Р. Лурия и П.К. Анохин (очень уместно прислушаться к ним и сегодня): “Самое важное. Институт, по моему глубокому убеждению, выиграет очень сильно, когда будут определены исходные принципиальные положения отдельных сфер работ и когда содержание работы одного отдела будет использоваться как метод для работы другого отдела” (А.Р. Лурия) [13, л. 28]; “<...> комплексность. Это единственный, мне кажется, принцип, который должен главенствовать в работе института в целом, и он обеспечит успех. Сейчас ни одно направление изучения психологии, ни одно направление изучения психической деятельности не может быть самостоятельным, потому что психика объединяет все” (П.К. Анохин) [Там же, л. 32].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1 (1971). Д. 7.
2. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 931.
3. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 957.
4. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1109.
5. АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 176.
6. АРАН. Ф. 2. Оп. 10. Д. 490.
7. АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 551.
8. АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 599.
9. АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 103.
10. АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 111.
11. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1.
12. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 2.
13. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 3.
14. Будилова Е.А., Ломов Б.Ф., Шорохова Е.В. Академия наук СССР и развитие психологии (к 250-летию АН СССР) // Вопросы психологии. 1974. № 2. С. 3–18.
15. Воловикова М.И. Первый год в истории Института психологии РАН // Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитоновна, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 289–294.
16. Дикая Л.Г. Вклад Института психологии Российской академии наук в развитие космической психологии // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 78–84.
17. Журавлев А.Л., Кольцова В.А. К 40-летию Института психологии РАН и 85-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 4–6.
18. Зазыкин В.Г. Институту психологии Академии наук СССР — 10 лет // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 3–17.
19. Зуев К.Б. Теоретические и философские особенности научной деятельности Института психологии АН СССР на этапе становления (по архивным материалам) // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 2 (6). С. 44–53.
20. Институт психологии АН СССР: К 20-летию создания. М.: Институт психологии РАН, 1991.
21. К 35-летию Института психологии РАН и 80-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 5.
22. Келдыш М.В. Решения XXIV съезда КПСС и задачи Академии наук СССР (Доклад на Общем собрании АН СССР, 6 мая 1971 г.) // Вестник АН СССР. 1971. № 7. С. 3–23.
23. Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Б.Ф. Ломов — новатор и первопроходец в психологической науке (к 90-ле-

- тию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 5–16.
24. *Коннов В.И.* Формирование теоретико-методологической базы психологических исследований на этапе становления Института психологии АН СССР // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 43–55.
  25. *Ломов Б.Ф.* Выступление на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии АН СССР // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 16–26.
  26. *Пономаренко В.А.* У каждого свой Ломов // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 107–116.
  27. *Ушакова Т.Н.* В.Д. Небылицин: блестящий взлет и трагическое падение // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. Биографические очерки / Журавлев А.Л., Белопольский В.И. (сост.). М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 81–105.
  28. *Brožek J., Mecacci L.* New Soviet Research Institute of Psychology: A milestone in the development of psychology in the USSR // American Psychologist. 1974. V. 29. № 6. P. 475–478.
  29. *Holowsky I.Z.* Soviet Research Institute of Psychology // American Psychologist. 1975. V. 30. № 4. P. 521.
  30. *Psychiatry and psychology in the USSR* / Eds. S.A. Corson, E. O’Leary Corson. Boston, MA: Springer, 1976.
  31. *Solso R.L.* The Institute of Psychology, USSR: A 20-year retrospective // Psychological Science. 1991. V. 2. № 5. P. 312–320.

THE HISTORY OF ORGANIZATION AND BEGINNING OF ACTIVITY OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE SOVIET ACADEMY OF SCIENCES IN DOCUMENTS AND MEMORIES OF CONTEMPORARIES²

© 2020 V. I. Belopolsky*, A. L. Zhuravlev**, A. A. Kostrigin***

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

*Doctor of Psychological Sciences, Principal Researcher.

E-mail: vbelop@mail.ru

**Academician of the RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Junior Researcher, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.

E-mail: artdzen@gmail.com

Received 30.06.2020

Abstract. Social-political, scientific and social-cultural prerequisites of creation of Research Institute of Psychology at the USSR Academy of Sciences in 1971–1972 are considered. Archival documents are given: decrees, orders and reports of meetings of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, letters of the Presidium of the Soviet Academy of Sciences to the Central Committee of the CPSU, orders of the Council of Ministers of the USSR, reports of meetings of the Bureau of the Department of Philosophy and Law of the USSR Academy of Sciences regarding the creation and launch of the Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences. The first year of activity of the Institute of Psychology is represented by the staff of laboratories, reports of meetings of the Scientific Council and a report on research work. The emergence of the Institute of Psychology laid the foundations for the emergence of strong traditions of academic psychological science.

Keywords: history of Soviet psychology, USSR Academy of Sciences, Institute of Psychology, B.F. Lomov, archival documents.

² The research was supported by Russian Foundation for Basic Research (project № 20-013-00680 “The history of modern Russian academic psychology: scientific schools, personalities, determinants of development”).

REFERENCES

1. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN). F. 2. Op. 1 (1971). D. 7. (In Russian)
2. ARAN. F. 2. Op. 6. D. 931. (In Russian)
3. ARAN. F. 2. Op. 6. D. 957. (In Russian)
4. ARAN. F. 2. Op. 6. D. 1109. (In Russian)
5. ARAN. F. 2. Op. 7. D. 176. (In Russian)
6. ARAN. F. 2. Op. 10. D. 490. (In Russian)
7. ARAN. F. 2. Op. 13. D. 551 (1971). (In Russian)
8. ARAN. F. 2. Op. 13. D. 599 (1972). (In Russian)
9. ARAN. F. 1844. Op. 1. D. 103. (In Russian)
10. ARAN. F. 1844. Op. 1. D. 111. (In Russian)
11. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 1. (In Russian)
12. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 2. (In Russian)
13. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 3. (In Russian)
14. *Budilova E.A., Lomov B.F., Shorokhova E.V.* Akademiya nauk SSSR i razvitie psikhologii (k 250-letiyu AN SSSR). *Voprosy psikhologii*. 1974. № 2. P. 3–18. (In Russian)
15. *Volovikova M.I.* Pervyi god v istorii Instituta psikhologii RAN. Istoricheskaya preemstvennost' v otechestvennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Kharitonova, E.N. Kholondovich. Moscow: Izd-vo "Institutpsikhologii RAN", 2019. P. 289–294. (In Russian)
16. *Dikaya L.G.* Vklad Instituta psikhologii Rossiiskoi akademii nauk v razvitie kosmicheskoi psikhologii. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2011. № 1 (5). P. 78–84. (In Russian)
17. *Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A.* K 40-letiyu Instituta psikhologii RAN i 85-letiyu so dnya rozhdeniya B.F. Lomova. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012. V. 33. № 1. P. 4–6. (In Russian)
18. *Zazykin V.G.* Institutu psikhologii Akademii nauk SSSR — 10 let. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1982. V. 3. № 1. P. 3–17. (In Russian)
19. *Zuev K.B.* Teoreticheskie i filosofskie osobennosti nauchnoi deyatelnosti Instituta psikhologii AN SSSR na etape stanovleniya (po arkhivnym materialam). *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*. 2018. № 2 (6). P. 44–53. (In Russian)
20. Institut psikhologii AN SSSR: K 20-letiyu sozdaniya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1991. (In Russian)
21. K 35-letiyu Instituta psikhologii RAN i 80-letiyu so dnya rozhdeniya B.F. Lomova. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2007. V. 28. № 1. P. 5. (In Russian)
22. *Keldysh M.V.* Resheniya XXIV s"ezda KPSS i zadachi Akademii nauk SSSR (Doklad na Obshchem sobranii AN SSSR, 6 maya 1971 g.). *Vestnik AN SSSR*. 1971. № 7. P. 3–23. (In Russian)
23. *Kol'tsova V.A., Zhuravlev A.L.* B.F. Lomov—novator i pervopromhodets v psikhologicheskoi nauke (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 6. P. 5–16. (In Russian)
24. *Konnov V.I.* Formirovanie teoretiko-metodologicheskoi bazy psikhologicheskikh issledovaniy na etape stanovleniya Instituta psikhologii AN SSSR. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2017. V. 8. № 1. P. 43–55. (In Russian)
25. *Lomov B.F.* Vystuplenie na torzhestvennom sobranii, posvyashchennom 15-letiyu obrazovaniya Instituta psikhologii AN SSSR. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1991. V. 12. № 4. P. 16–26. (In Russian)
26. *Ponomarenko V.A.* U kazhdogo svoi Lomov. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1991. V. 12. № 4. P. 107–116. (In Russian)
27. *Ushakova T.N., V.D. Nebylicin:* blestyashchij vzlet i tragicheskoe padenie. *Vydayushchiesya uchenye Instituta psikhologii RAN. Biograficheskie ocherki. Zhuravlev A.L., Belopol'skij V.I. (sost.)*. Moscow: Izd-vo "Institutpsikhologii RAN", 2020. P. 81–105. (In Russian)
28. *Brožek J., Mecacci L.* New Soviet Research Institute of Psychology: A milestone in the development of psychology in the USSR. *American Psychologist*. 1974. V. 29. № 6. P. 475–478.
29. *Holowinsky I.Z.* Soviet Research Institute of Psychology. *American Psychologist*. 1975. V. 30. № 4. P. 521.
30. *Psychiatry and psychology in the USSR.* Eds. S.A. Corson, E. O'Leary Corson. Boston, MA: Springer, 1976.
31. *Solso R.L.* The Institute of Psychology, USSR: A 20-year retrospective. *Psychological Science*. 1991. V. 2. № 5. P. 312–320.

УДК 159.9(091)

В. Н. ДРУЖИНИН КАК МЕТОДОЛОГ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

© 2020 г. В. А. Мазиллов

*ЯГПУ им. К.Д. Ушинского;
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.
Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой
общей и социальной психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

Поступила 27.05.2020

Аннотация. В связи с 65-летием со дня рождения анализируются научные взгляды выдающегося отечественного психолога В.Н. Дружинина, отмечается его вклад в методологию и другие области психологической науки, описывается развитие его идей в современной психологии. Показано, что многие мысли В.Н. Дружинина о методологических проблемах психологии остались в предварительных формулировках, поскольку осуществить задуманное он просто не успел. Оценивается вклад В.Н. Дружинина в общую методологию психологии: представления о роли и месте психологии в структуре научного знания, разработанные методы психологического исследования, проблемы теоретических методов в психологии, предложенные иерархия исследовательских приемов и классификация эмпирических методов. Среди поставленных им перспективных вопросов, не получивших детальной разработки, выделены проблема онтологического статуса психического и построение голографической модели психики, намеченные в самых последних работах ученого.

Ключевые слова: В.Н. Дружинин, методология психологии, психологическое исследование, методы, теоретические методы, классификация методов, онтология психического, голографическая модель психики.

DOI: 10.31857/S020595920011123-1

В.Н. Дружинин — особая фигура в отечественной психологии. В 2020 г. отмечается 65 лет со дня рождения ученого. Вклад В.Н. Дружинина в психологию является объемным и многоплановым. Его идеи развиваются, существует лаборатория способностей им. В.Н. Дружинина в Институте психологии РАН, регулярно проводятся научные конференции, посвященные творчеству исследователя [21; 23; 25; 34]. В Сочинском университете ежегодно организуются Всероссийские научно-практические конференции, направленные на освещение и развитие подходов, разработанных Дружининым.

Монографии, написанные В.Н. Дружининым, систематически переиздаются и пользуются спросом и популярностью [3–6; 8–11], защищаются диссертации о вкладе исследователя в современную психологию и посвященные реконструкции его взглядов [19]. Анализу его вклада в психологию

посвящены глубокие специальные публикации [12–14; 20; 28]. Если принять во внимание, что уже почти два десятилетия прошло после его трагического ухода из жизни, то становится совершенно ясно, что феномен Дружинина уникальный — за немногие отведенные ему судьбой годы ученый смог сделать чрезвычайно много.

Вклад исследователя, особенно такого многопланового, освещается в психологической литературе неравномерно. Большинство публикаций подчеркивают значение работ В.Н. Дружинина для психологии способностей, экспериментальной психологии, экзистенциальной психологии и психологии семьи, что абсолютно справедливо.

В данной статье анализируется значение исследований ученого для методологии психологии. Эта сфера творчества раскрыта меньше других, что в значительной степени связано с общей недооценкой роли методологии в психологической науке [17].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00157).

Нельзя не отметить удивительной сложности внутренний мир исследователя. Вначале он выбрал поэзию, поступил в Литературный институт им. М. Горького, но, проучившись полгода, забрал документы и стал студентом психологического факультета Ярославского государственного университета. Поэт, философ и романтик уживался в нем с ученым, имеющим сциентистские установки, а несомненный патриот родной страны сочетался с исследователем, отдававшим должное западным моделям психологической науки. Главное в творчестве В.Н. Дружинина как ученого — любовь к психологической науке и стремление сделать ее лучше. Призвание и неординарность своего таланта он отчетливо понимал еще студентом психологического факультета, осознавал свою миссию и к этому шел, преодолевая препятствия разного рода, возникавшие на его пути. Его учитель В.Д. Шадриков написал о нем: “Молодой, яркий, талантливый, глубоко переживающий судьбу своей Родины, болеющий за сохранение и развитие психологической науки, постоянно стремящийся разобраться в различных психологических проблемах” [30, с. 422].

Многие методологические идеи, которые В.Н. Дружининым были артикулированы, остались в предварительных формулировках, поскольку осуществить все задуманное он просто не успел. Интерес к методологии возник у Дружинина под влиянием его блестящих учителей-профессоров в Ярославском университете: М.С. Роговина, автора структурно-уровневой теории психики, методолога и историка психологии, и В.Д. Шадрикова, разработавшего один из первых вариантов системного подхода в психологии и читавшего тогда в ЯрГУ многосеместровый курс “Экспериментальная психология”, причем так, что она действительно представляла перед слушателями “строгой наукой”.

Характеризуя методологические идеи В.Н. Дружинина, уместно в качестве точки отсчета взять его известную статью в “Психологическом журнале” периода “перестройки”, когда многим казалось, что “оковы тяжкие падут” и все быстро само собой наладится. Так, В.Н. Дружинин в 1989 г. отмечал, что отечественная психология оказалась в ряду наук, серьезно отставших от мирового уровня и требований практики [2, с. 3]. Характеризуя состояние психологической науки, ученый указывал, что положение в психологии обусловлено следующими обстоятельствами: 1) пренебрежением человеком, характерным для периода бюрократического извращения социализма, что привело к пренебрежительному отношению к наукам, исследующим проблемы человека, и в первую очередь

психологии; 2) бюрократической системой управления наукой, которая зачислила психологию в разряд общественных наук, которые в большой степени поразили догматизм и застой. «Но психология — экспериментальная наука, и это ее отличие от большинства общественных наук породило отношение к ней как к “золушке”, которую нельзя допускать ко двору» [2, с. 4]; 3) еще одно обстоятельство отставания психологии — “психологическая неграмотность общества” [2, с. 4].

В.Н. Дружинин подчеркивал “общенаучный характер” критериев научности: “Отечественная психология должна была самостоятельно выработать критерии научности, и такие попытки делались. Отчасти этим объясняется стремление некоторых видных ученых-психологов заняться методологическими проблемами психологии, что и породило массу методологических и околometодологических трудов. Однако критерии достоверности научного знания являются общенаучным достоянием. Беда общественных наук в том, что на роль единственной методологии претендовало официально одобренное направление, представленное в учебниках диамата и истмата. Если точные и естественные науки могли работать, опираясь на общенаучные критерии достоверности, то ведомственная принадлежность психологии препятствовала этому” [2, с. 4].

Приведем ответ В.Н. Дружинина на просьбу интервьюера (апрель 1998 г.) оценить современное состояние психологической науки. Ученый отмечает, что психология находится в более выгодном положении, чем другие науки, поскольку находится “под меньшим присмотром начальства. А вообще наша психология существует на уровне “первого повтора” и ниже” [10, с. 240]. На просьбу пояснить, что это значит, В.Н. Дружинин отвечает: «Существует пять уровней развития науки. Первый — когда мы действительно “делаем науку”, то есть новое уникальное знание. Входим в научное сообщество, нас переводят и цитируют. Второй — когда можем сразу воспроизвести какое-то научное явление, которое открыто кем-то в другой стране. Это и называется “первый повтор”, “второй повтор”. Чтобы держаться на этом уровне, нужны профессиональные кадры и связи с зарубежными коллегами, — тогда можно мгновенно схватывать идеи. Третий уровень — когда нет технологии, нет профессиональных систем, есть только понимание “как надо делать”. Например, выпускники психфака МГУ, при всем моем к ним уважении, все понимают, но имеют плохую квалификацию как экспериментаторы. На этом уровне возможно только понять, что делают другие, но нельзя повторить.

Четвертый уровень — когда мы теоретически знаем о существовании какой-то научной технологии, но не понимаем ее до конца. Ну, а пятый уровень — это уже полная чушь» [10, с. 240].

В.Н. Дружинин продолжает: «если говорить о нашей психологии сегодня, — к сожалению, идет откат, то есть с уровня первого повтора мы скатываемся все ниже. Но это не только от психологии зависит, это глобальное состояние нашего общества. Поэтому ученые, и психологи в том числе, уезжают на Запад... Те, кто остались, тоже стараются активно встроиться в контекст тех исследований, которые проводятся за рубежом» [10, с. 240].

Дружинин подчеркивает, что психология не является особенной наукой, но в последнее время произошло «невероятное расширение психологического образования», а это снизило качество подготовки [10, с. 241]. В.Н. Дружинина в первую очередь заботила исследовательская культура психолога.

Наиболее важными в методологическом отношении работами автора являются «Экспериментальная психология» (1997) [9] и «Структура и логика психологического исследования» (1993) [3]. В данной статье будут рассмотрены лишь некоторые общеметодологические идеи и взгляды В.Н. Дружинина, инновации в методологических подходах в психодиагностике и исследовании способностей, а также в других сферах психологии останутся за пределами нашего анализа.

Будучи сторонником идеи общенаучных критериев достоверности, В.Н. Дружинин развивает подход, опирающийся на философию науки, пытается применить к реалиям исследования в психологии принцип фальсификации К. Поппера.

Обсуждение общеметодологических взглядов В.Н. Дружинина уместно начать с его понимания места психологии в системе наук. В.Н. Дружинин выбирает в качестве основы концепцию Марио Бунге, который «рассматривает место психологии на шкале, образуемой социальными науками и биологией. Бунге приходит к выводу, что в течение столетия произошла эволюция в отношениях между психологией и социальными науками и биологией. Возникла «область перекрытия» этих отраслей науки, что привело к появлению социобиологии. Поэтому сегодня их отношения описываются двухмерной схемой... Место, которое психология занимает среди других наук, очевидно, зависит от оснований их систематизации. Если психология «не попадает» в число системообразующих научных дисциплин, то она «растворяется» в отношениях с другими дисциплинами или занимает место

между основными науками. Психологам при этом остается утешаться мыслью о «центральности» своего положения. Схема Бунге на примере отношений психологии с биологией и социальными науками подтверждает самостоятельный статус психологии в системе наук. Наиболее важным в работах методологов последних лет является вывод о приобретении психологией статуса самостоятельной фундаментальной науки, имеющей многообразные связи с другими научными областями» [27, с. 9].

Эта цитата взята из «позднего» Дружинина. Как мы увидим далее, здесь изложено одно из обоснований перспективной идеи об онтологическом статусе психического.

Обратимся к его центральному методологическому сочинению [3]. В.Н. Дружинин отмечает, что «психологи свыклись с мыслью о том, что их наука находится на допарадигмальном уровне. Бурные дискуссии (или лишь по-видимости бурные), которые пронесли в психологии начала и середины XX в., касались в первую очередь проблем обоснования психологических предмета и метода» [3, с. 5]. В.Н. Дружинин заявляет общенаучный подход к методологии: «нельзя понять парадигму науки, находясь в жесткой связи с наукой, пользуясь средствами, наработанными в ней самой. Отсюда вытекает совершенно очевидное следствие: необходимость рассмотрения предмета, метода и принципов науки (в данном случае — психологии) в контексте общеметодологических подходов» [3, с. 5].

Важным представляется выделение иерархии исследовательских приемов. В.Н. Дружинин предлагает выделять в этой иерархии *пять уровней*: уровень методики, уровень методического приема, уровень метода, уровень организации исследования, уровень методологического подхода.

В.Н. Дружинин полагает, что в психологии целесообразно выделение трех классов методов: 1) *эмпирических*, при которых осуществляется внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования; 2) *теоретических*, при которых субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта (предметом исследования); 3) методы *интерпретации и описания*, при которых субъект «внешне» взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта. Заслуживает особого внимания выделение автором теоретических методов психологического исследования: 1) дедуктивного (аксиоматического и гипотетико-дедуктивного), иначе, восхождения от общего к частному, от абстрактного к конкретному; 2) индуктивного — обобщения фактов, восхождения от частного к общему; 3) моделирования — конкретизации

метода аналогий, умозаключений от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой или доступный для исследования. Результатом использования первого метода являются теории, законы, второго — индуктивные гипотезы, закономерности, классификации, систематизации, третьего — модели объекта, процесса, состояния [4].

От теоретических методов предлагается отличать методы умозрительной психологии. Различие между этими методами автор видит в том, что умозрение опирается не на научные факты и эмпирические закономерности, а имеет обоснование только в личностном знании, интуиции автора. По мнению В.Н. Дружинина, в психологическом исследовании центральная роль принадлежит методу моделирования, в котором различаются две разновидности: структурно-функциональное и функционально-структурное. “В первом случае исследователь хочет выявить структуру отдельной системы по ее внешнему поведению и для этого выбирает или конструирует аналог (в этом и состоит моделирование) — другую систему, обладающую сходным поведением. Соответственно, сходство поведений позволяет сделать вывод (на основе правила логичного вывода по аналогии) о сходстве структур. Этот вид моделирования является основным методом психологического исследования и единственным в естественнонаучном психологическом исследовании. В другом случае по сходству структур модели и образа исследователь судит о сходстве функций, внешних проявлений и пр.” [4, с. 9].

В.Н. Дружининим предложена трехмерная классификация психологических эмпирических методов. Рассматривая эмпирические методы с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта, субъекта и измеряющего инструмента, объекта и инструмента, автор дает новую классификацию эмпирических психологических методов. За основу им берется система “субъект—инструмент—объект”. В качестве оснований для классификации выступают отношения между компонентами модели. Два из них (мера взаимодействия исследователя и исследуемого и мера использования внешних средств или субъективной интерпретации) являются главными, одно производным. Согласно В.Н. Дружинину, все методы делятся на деятельностные, коммуникативные, обсервационные, герменевтические. Выделено восемь “чистых” исследовательских методов (естественный эксперимент, лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью).

Выделены также синтетические методы, объединяющие в себе черты чистых методов, но не сводящиеся к ним. В качестве синтетических методов предлагается рассматривать клинический метод, глубинное интервью, психологическое измерение, самонаблюдение, субъективное шкалирование, самоанализ, психодиагностику, консультационное общение [4].

Классификация эмпирических методов представляется интересной: выделены значимые основания, но она не доработана автором. Как можно полагать, В.Н. Дружинин значительно усовершенствовал бы ее в дальнейшем. В каком направлении могла пойти модернизация, обсуждать не будем.

Обратимся к проблеме теоретических методов. Отношение к ним было и остается в психологическом научном сообществе в лучшем случае настроенным, большинство авторов предпочитают этой проблеме не касаться. В.Н. Дружинин выделял теоретические методы, состоящие в том, что субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта (предметом исследования).

В общенаучном плане это правильно, но в области психологии требуются дополнительные комментарии, поскольку предмет психологии уникален. Для понимания реального места теоретического метода в структуре психологического исследования необходимо учитывать еще и динамические, процессуальные характеристики психологического исследования.

Психологи употребляют в качестве обозначения предмета слово “психика”. Однако проблема в том, что такая трактовка предмета не позволяет перейти к процессу исследования. Процесс конкретизации предмета психологии и особенно предмета исследования (применительно к ситуации исследования) имеет общий, универсальный характер [16]. Понимание столь абстрактных конструкций связано с некоторыми закономерностями. Первоначально этот феномен был обнаружен при изучении процессов, происходящих у исследователя-психолога и представляющих собой формирование “предтеории” [16]. Позднее выяснилось, что эти феномены универсальны и возникают всегда, когда происходит понимание сложных психических явлений. Речь идет о трансформации первоначальной абстракции практически одновременно по трем направлениям: выбор основной идеи, выбор базовой категории, конструирование моделирующих представлений. Эти направления выступают (при всей simultанности этого процесса) еще и условными этапами процесса, поскольку в сконструированных моделирующих представлениях презентированы

также и результаты двух предыдущих выборов — идеи и базовой категории.

Подробное описание происходящего см. [17].

Употребление термина “психика” предполагает замену исходной абстракции: происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания. В действительности рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие понятия, как отражение, деятельность, поведение, адаптация, личность, ориентировка и др. Таким образом, понятно, что предмет психологии имеет достаточно сложную структуру, включающую в себя различные компоненты. Можно говорить о декларируемом предмете, под которым обычно имеется в виду “психика”, поскольку именно она заявляется в качестве предмета психологической науки. Поэтому в действительности используется “заместитель” декларируемого предмета — отражение, деятельность, поведение и т.п., который уместно именовать рационализированным предметом. И наконец, тот конструкт, который порождается при участии моделирующих представлений, вполне заслуживает наименования реального предмета [17].

Констатируем, что многие авторы и исследователи ограничиваются декларативным определением предмета. Действительно, в настоящее время в отечественной психологии широко распространена точка зрения, что предметом психологии считается “психика”.

Вернемся к продукту, который формируется у исследователя (еще раз отметим, что процесс формирования его не осознается). Будем называть его предтеорией, подчеркивая тем самым, что это начало исследования, но вовсе не его результат. Именно с ним исследователь производит действия, исходя из него выстраивается метод. Еще раз подчеркнем, что все описанные нами выше процессы происходят не на сознательном уровне, сам исследователь, вероятно, объяснит свои выборы и сделанные ограничения как интуицию и будет абсолютно прав. Именно из предтеории рождаются гипотезы — вероятные предположения о предмете исследования, которые будут проверяться. Предтеория синтезирует и имеющееся личностное знание, и потенциально возможные направления его развития. Предтеория, с одной стороны, является использованием латентных психологических знаний, которыми располагает исследователь, а с другой — позволяет перейти к собственно научному исследованию.

Научное исследование предполагает *построение* метода. Метод имеет уровневое строение,

соответствующее основным уровням предтеории. Становится понятно, почему философы говорили, что метод — “теория в действии”. Это верно и для предтеории, которая не формулируется (вообще не осознается исследователем, ибо это латентное знание), но зато является “движителем” самого процесса исследования.

Для понимания функционирования метода важен исторический анализ, который позволяет увидеть реальное развитие метода и общность теоретического и эмпирического метода (см. об этом [17]).

Теперь, после сказанного выше, более или менее понятно, к чему именно может “применяться” теоретический метод. Рассмотрим предложенные В.Н. Дружининым варианты теоретического метода.

Начнем с того, что В.Н. Дружинин называет последним, — моделирования, т.е. конкретизации метода аналогий, умозаключений от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой или доступный для исследования. В действительности, как мы видели, это универсальный элемент психологического исследования, он является необходимым для любого исследования — и теоретического, и эмпирического, поскольку описывает механизм, лежащий в основе понимания психического вообще. Никакое психологическое исследование вообще невозможно без использования моделирующих представлений. Разумеется, это не исключает построения при необходимости дополнительных моделей.

Обратимся к другим видам теоретического метода, которыми, согласно В.Н. Дружинину, выступают: 1) дедуктивный (аксиоматический и гипотетико-дедуктивный), иначе — восхождения от общего к частному, от абстрактного к конкретному; 2) индуктивный — обобщение фактов, восхождения от частного к общему.

Такие варианты возможны, хотя в психологии в чистом виде используются не столь часто. Какие разновидности теоретического метода в работе с реальным предметом по-настоящему работают? Представляется, что здесь может быть большое количество вариантов. Исчерпывающей классификации теоретических методов быть не может, так как метод (и теоретический, и эмпирический) актуально выстраивается, он уникален, поскольку приспособлен к реальному предмету, сконструированному исследователем. Можно назвать несколько вариантов, среди которых, безусловно, есть аналогия, когда некоторые характеристики другого предмета переносятся на актуальный предмет исследования.

Здесь имеются и схемы, обозначающие стратегию исследования одного подхода, переносимую на актуальное исследование. Могут использоваться более формальные схемы (типа “диалектической”: тезис—антитезис—синтез), более развернутые, зарекомендовавшие себя в тех или иных теоретических работах.

Из обозначенного уже ясно, что идеи, высказанные В.Н. Дружининым, по-прежнему значимы для методологии психологии и имеют значительный эвристический потенциал.

Завершая обсуждение методологических вопросов, разработанных В.Н. Дружининым, отметим две идеи, высказанные ученым, но не получившие в его исследованиях развернутого изложения. Как можно полагать, он просто не успел это сделать, ибо сформулированы они были в последний период жизни исследователя.

Первая идея об онтологическом статусе психического. В книге “Современная психология” В.Н. Дружинин писал: “Признавая самостоятельность за наукой психологией, мы должны признать и самостоятельную онтологию — природу психики (Я.А. Пономарев). Если психика имеет собственную онтологию, т.е. является объектом, она может быть предметом изучения не только психологии, но и других наук. Следует, по-видимому, различать науки, изучающие психику, от психологии как таковой” [27, с. 7].

Этот тезис нуждается в пояснении. Дело в том, что марксистско-ленинская философия не признавала за психикой самостоятельного существования. Она рассматривалась как свойство мозга и как отражение, возникающее в процессе взаимодействия материальных систем. Обоснованием, соответствующим идеологии, считалась трактовка психического как процесса. При всем значении такого подхода накапливались вопросы, не получавшие удовлетворительного решения. В современных условиях развития психологии В.Д. Шадриковым был сформулирован тезис, согласно которому предметом психологии необходимо полагать *внутренний мир человека*, который реально существует и имеет онтологический статус. В настоящее время это положение активно развивается В.Д. Шадриковым и его последователями [16–18; 27].

Вторая идея связана с голографической гипотезой, высказанной В.Н. Дружининым в апреле 2001 г., т.е. за два месяца до безвременной гибели автора. В.Н. Дружинин отмечает, что для преодоления трудностей в психологии единственный выход — это переход к использованию структурно-функциональной аналогии. И тут возникает

проблема, ибо там, где дана психика, мы всегда говорим об отражении объективной реальности. Важно иметь три модели, помимо модели психики: во-первых, модель самой объективной реальности; во-вторых, модель самого существа, которое отражает; в-третьих, модель процесса или некоторой структуры, которая занимается отражением и которая сама по себе является отражением, иными словами, модель субъективной реальности. “Эти три модели так или иначе имплицитно или эксплицитно присутствуют в любом психологическом знании и явно или неявно используются в формулировках любых гипотез относительно природы человеческого познания” [7, с. 460].

Дружинин предлагает использовать голографическую модель в психологии. “Что же говорит в пользу гипотезы, что психика является стоячей волной, что психика является голограммой какого-то поля (не будем пока уточнять, какого). Прежде всего, это признаки психической реальности: непрерывность, процессуальность; целостность; стабильность и т.д. На мой взгляд, голографическая гипотеза является наиболее адекватной для описания психической реальности...” [7, с. 466].

Отметим, что В.Н. Дружинин хорошо видит и ограничения этой модели и сам честно об этом предупреждает: в отличие от голографического изображения, которое получается в результате взаимодействия волновых фронтов, психическая реальность активна по отношению к психическим процессам, по отношению к самой себе, и это явление необъяснимо с точки зрения голографической гипотезы. Очевидно, мы “имеем дело с такой голограммой, которая своим существованием воздействует на протекание информационных процессов в головном мозге (сама на себя реагирует), более того, она реагирует на сомю, она преобразует сомю и соматические процессы...” [7, с. 466].

Вообще необходимо отметить одну характеристику творчества В.Н. Дружинина. Речь идет о постоянном расширении горизонтов психологии: он смело вводил в круг своих научных исследований данные астрологии, пытаясь найти точки соприкосновения древнего учения с современными психодиагностическими подходами [15]. В чем он был схож с У. Джемсом.

Еще один вопрос, на который уместно предположительно ответить в настоящей работе, относится к тому, что могло бы быть дальше, если бы не произошло трагическое стечение обстоятельств утром 22 июня 2001 г. Мне представляется, что В.Н. Дружинин сместил бы свои интересы “в сторону К.Г. Юнга”. Во всяком случае, такое у меня

возникло впечатление от разговора с В.Н. после публикации статьи о Юнге в журнале “Психологическое обозрение”, в котором он был главным редактором. Впрочем, про значение сослагательного наклонения в науке мы очень хорошо знаем... Журнал, кстати сказать, выходил в течение нескольких лет, отражал широту взглядов главного редактора и был посвящен актуальным проблемам российской и зарубежной психологии.

Здесь уместно еще одно замечание. Н.В. Дружинина, жена В.Н. Дружинина, отмечает, что он был “готов к уходу”: “За этот год он доделал все дела, новые не начинал, ничего не хотелось” [10, с. 290]. То же утверждает Н.М. Панкова, проректор ИМАТОНа: “В мае 2001 года, вручив выпускникам Института практической психологии дипломы, он утверждал, что все в этой жизни он уже сделал”. В докладе, сделанном 4 апреля 2001 г., открываются новые перспективы разработки теории психического. Если в обосновании онтологического статуса психического продвижение вперед еще есть, то с разработкой голографических моделей психики дело обстоит сложнее. Время показало, что потеря для психологии оказалась невосполнимой...

В.Н. Дружинин большое внимание уделял развитию профессионального психологического образования. В 1993–1994 гг. он отдает много сил организации Психологического колледжа при ИП РАН и становится его научным руководителем; в 1995 г. Дружинин создает психологический факультет Государственного университета гуманитарных наук; с 1999 г. он работает ректором Института практической психологии ИМАТОН (г. Санкт-Петербург). В.Н. Дружинин, как известно, в конце 1990-х годов предпринял ряд издательских проектов, в которых выступил как ответственный редактор и организатор работы авторского коллектива (“Психология”, профилированный для гуманитарных, технических и экономических факультетов [26], “Когнитивная психология” [16] и особенно “Современная психология” [27]). В.Н. Дружинин совершенно прав, когда характеризует последнее издание как необычное: «книга не совсем традиционна по содержанию, название же “Справочное руководство” лишь примерно характеризует ее жанр» [27, с. 3]. Он отмечает, что “за последние годы появилось множество учебников, монографий, словарей, классических трудов, дающих представление как о психологической науке в целом, так и об отдельных ее отраслях...” [27, с. 3]. “Влияние отставания содержащегося в учебниках материала от результатов, полученных в лабораторных и полевых исследованиях, а также от созданных в последнее время теорий и моделей, в первую очередь

сказывается на уровне квалификации отечественных психологов, долгое время находившихся в относительной изоляции от достижений мировой науки. Поэтому авторы этой книги решили восполнить информационный пробел и рассказать о последних успехах мировой фундаментальной психологии” [27, с. 3]. “Разумеется, ни одно учебное пособие не в состоянии охватить все многообразие теорий, фактов, методов и других аспектов психологической науки. Вместе с тем авторы старались представить результаты исследований и научных поисков максимально полно и доступно для читателя” [27, с. 3]. Несколько измененный вариант данного труда был издан позднее, после его ухода из жизни [22].

Отметим и проект В.Н. Дружинина, где он выступил редактором перевода. Речь идет о современном американском учебнике “Основы психологии”, подготовленном Г. Глейтманом, Д. Фридландом и А. Райсбергом [1]. В.Н. Дружинин отмечает, что американские учебники отличаются от отечественных 1) тенденцией к биологизаторству (включают в себя элементы нейронауки, некоторые разделы психиатрии, биологии развития человека), 2) тем, что в них доминируют традиции необихевиоризма, 3) в них меньше внимания уделяется истории психологии, методологии и методическим вопросам. Дружинин также отмечает пресловутый “американизм”, в соответствии с которым “все достижения западноевропейских и, тем более, восточноевропейских ученых рассматриваются лишь в связи и контексте американской научной традиции” [1, с. 1113]. Согласно Дружинину, «взаимодействие отечественной психологии с американской и западноевропейской наукой никогда не прекращалось. Только со временем менялись формы и интенсивность этого взаимодействия. Сейчас полным ходом идет “американизация” содержания психологического образования в России» [1, с. 1113].

Интерес В.Н. Дружинина к изданию учебников объясняется не только тем, что он был создателем нескольких факультетов, занимавшихся подготовкой психологов, не только стремление обеспечить студентов качественными учебниками мотивировало его в этих проектах. Сформулируем в порядке гипотезы следующее. Как можно полагать, он не был удовлетворен современным состоянием психологии. Можно предположить, что он двигался по пути, который был обозначен выдающимся методологом С.Л. Рубинштейном, который в статье и учебнике 1940 г. утверждал, что становление психологии как науки не было завершено. По Рубинштейну, последний завершающий этап

становления все еще продолжается. Речь шла о мировой психологии. Рубинштейн указал, что именно должно быть осуществлено для завершения этого процесса: создание методологии, системы психологии и соответствующих методологии исследовательских методик. Проект методологии “от Дружинина” он представил в своей книге 1993 г. “Структура и логика психологического исследования”, систему психологии он создавал в серии своих издательских проектов. Учебник Глейтмана, редактором которого он выступил, страдал “американизмом”, в качестве дополнительного проекта была осуществлена подготовка серии учебников как российского варианта системы. Книга “Современная психология” мыслилась как интеграция западного и отечественного подходов. В.Н. Дружинину не удалось достичь превращения психологии в передовую науку, о чем он мечтал и в чем видел свое настоящее призвание. Тем не менее он оставил методологические идеи, которые постепенно реализуются в современной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глейтман Г., Фридлунд Д., Райсберг А. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001
2. Дружинин В.Н. О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 1. С. 3–12.
3. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. 2-е изд., испр. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1994.
4. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Лантерна-Вита, 1995.
5. Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ. СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
6. Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001.
7. Дружинин В.Н. Голографическая модель психической реальности // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 458–467.
8. Дружинин В.Н. Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007
9. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
10. Дружинин В.Н. Антимемуары: сборник статей, интервью, стихов. Ярославль: Изд-во «Потребительское Общество “Еще не поздно!”», 2011.
11. Дружинин В.Н. Психология семьи. 3-е изд. СПб., 2012.
12. Дружинина Н.В. Жизнь как творчество // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 45–54.
13. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Холодная М.А. Исследования интеллекта и творчества в Институте психологии РАН: научные школы Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, М.А. Холодной. М.: Изд-во “Института психологии РАН”, 2015. С. 7–15.
14. Журавлев А.Л., Холодная М.А. Стиль научного творчества В.Н. Дружинина (К 60-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 109–113.
15. Когнитивная психология. Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002.
16. Мазилев В.А. Предмет психологии: Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020
17. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.
18. Мазилев В.А. Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 149–153.
19. Немировская Н.Г. Реконструкция жизненного пути и творческой деятельности В.Н. Дружинина. Дисс. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2017.
20. Немировская Н.Г., Кольцова В.А. В.Н. Дружинин как личность, ученый, организатор науки // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 15–21.
21. Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
22. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
23. Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
24. Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков, Т.В. Галкина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
25. Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной

- 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015.
26. Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В.Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
27. Современная психология: справочное руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ИНФРА-М, 1999.
28. *Холодная М.А.* Интеллект, креативность, обучаемость: ресурсный подход (о развитии идей В.Н. Дружинина) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 5–14
29. *Шадриков В.Д., Мазиллов В.А.* Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
30. *Шадриков В.Д.* Между прошлым и будущим // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 422–425.

V. N. DRUZHININ AS A METHODOLOGIST OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE (TO 65th ANNIVERSARY)²

V. A. Mazilov

YASPU named After K.D. Ushinsky;
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., b. 108/1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Head of General and Social Psychology Chair.
E-mail: v.mazilov@yspu.org

Received 27.05.2020

Abstract. In honor of 65th anniversary of V.N. Druzhinin, an outstanding Russian psychologist, his methodological ideas and views are analyzed, his contribution to various fields of psychological science is noted and it is stressed that his works are being developed in modern psychology. It is shown that great number V.N. Druzhinin's methodological ideas remain in preliminary formulations since he simply did not have time to implement them. V.N. Druzhinin's contribution to general methodology of psychology is analyzed: the role and place of psychology in the structure of scientific knowledge; the development of methods of psychological research, the problem of theoretical methods in psychology, the hierarchy of research techniques, classification of empirical methods. The problem of the ontological status of the psyche and the development of a holographic model of the psyche outlined in the author's most recent works are identified as important and promising.

Keywords: V.N. Druzhinin, methodology of psychology, psychological research, methods, theoretical methods, classification of methods, ontology of the mental, holographic model of the psyche.

REFERENCES

1. *Glejtman G., Fridlund D., Rajsberg A.* Osnovy psihologii. St. Petersburg: Rech', 2001. (In Russian)
2. *Druzhinin V.N.* O perestrojke v psihologii: prichiny zastoya i sredstva uskoreniya. Psikhologicheskii zhurnal. 1989. V. 10. № 1. P. 3–12. (In Russian)
3. *Druzhinin V.N.* Struktura i logika psihologicheskogo issledovaniya. 2-e izd., ispr. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1994. (In Russian)
4. *Druzhinin V.N.* Psihologiya obshchih sposobnostej. Moscow: Lanterna-Vita, 1995. (In Russian)
5. *Druzhinin V.N.* Varianty zhizni: Ocherki ekzistencial'noj psihologii. Moscow: PER SE; St. Petersburg: IMATON-M, 2000. (In Russian)
6. *Druzhinin V.N.* Kognitivnye sposobnosti: struktura, diagnostika, razvitie. Moscow: PER SE; St. Petersburg: IMATON-M, 2001. (In Russian)
7. *Druzhinin V.N.* Golograficheskaya model' psihicheskoy real'nosti. Psihologiya sposobnostej: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy: Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati V.N. Druzhinina. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2005. P. 458–467. (In Russian)

² The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00157).

8. *Druzhinin V.N.* Psihologiya sposobnostej: Izbrannye trudy. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. (In Russian)
9. *Druzhinin V.N.* Eksperimental'naya psihologiya: Uchebnik dlya vuzov. 2-e izd. St. Petersburg: Piter, 2008. (In Russian)
10. *Druzhinin V.N.* Antimemuary: sbornik statej, interv'y, stihov. Yaroslavl': Potrebitel'skoe Obshchestvo "Eshche ne pozdno!", 2011. (In Russian)
11. *Druzhinin V.N.* Psihologiya sem'i. 3-e izd. St. Petersburg, 2012. (In Russian)
12. *Druzhinina N.V.* Zhizn' kak tvorchestvo. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2005. V. 2. № 3. P. 45–54. (In Russian)
13. *Zhuravlev A.L., Ushakov D.V., Holodnaya M.A.* Issledovaniya intellekta i tvorchestva v Institute psihologii RAN: nauchnye shkoly Ya.A. Ponomareva i V.N. Druzhinina. Sovremennye issledovaniya intellekta i tvorchestva. Ed. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, M.A. Holodnaya. Moscow: Izd-vo "Instituta psihologii RAN", 2015. P. 7–15. (In Russian)
14. *Zhuravlev A.L., Holodnaya M.A.* Stil' nauchnogo tvorchestva V.N. Druzhinina (K 60-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 4. P. 109–113. (In Russian)
15. Kognitivnaya psihologiya. Uchebnik dlya vuzov. Ed. V.N. Druzhinin, D.V. Ushakov. Moscow: PER SE, 2002. (In Russian)
16. *Mazilov V.A.* Predmet psihologii. Monografiya. Yaroslavl': RIO YAGPU, 2020. (In Russian)
17. *Mazilov V.A.* Metodologiya psihologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'. Yaroslavl': RIO YAGPU, 2017. (In Russian)
18. *Mazilov V.A.* Psihologiya v epohu globalizacii: poiski sobstvennogo puti. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 6. P. 149–153. (In Russian)
19. *Nemirovskaya N.G.* Rekonstrukciya zhiznennogo puti i tvorcheskoy deyatel'nosti V.N. Druzhinina. Diss. ... kand. psihol. nauk. Moscow: Institut psihologii RAN, 2017. (In Russian)
20. *Nemirovskaya N.G., Kol'cova V.A.* V.N. Druzhinin kak lichnost', uchenyj, organizator nauki. Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 5. P. 15–21. (In Russian)
21. Psihologicheskie issledovaniya intellekta i tvorchestva: Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati Ya.A. Ponomareva i V.N. Druzhinina. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (In Russian)
22. Psihologiya XXI veka: Uchebnik dlya vuzov. Ed. V.N. Druzhinina. Moscow: PER SE, 2003. (In Russian)
23. Psihologiya sposobnostej: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovanij: Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati V.N. Druzhinina. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005. (In Russian)
24. Psihologiya intellekta i tvorchestva: tradicii i innovacii. Ed. A.L. Zhuravlev, M.A. Holodnaya, D.V. Ushakov, T.V. Galkina. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (In Russian)
25. Psihologiya sposobnostej: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovanij: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.N. Druzhinina. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. (In Russian)
26. Psihologiya. Uchebnik dlya gumanitarnyh vuzov. Pod obshch. red. V.N. Druzhinina. St. Petersburg: Piter, 2000. (In Russian)
27. Sovremennaya psihologiya: spravochnoe rukovodstvo. Ed. V.N. Druzhinin. Moscow: INFRA-M, 1999. (In Russian)
28. *Holodnaya M.A.* Intellekt, kreativnost', obuchaemost': resursnyj podhod (o razvitii idej V.N. Druzhinina). Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 5. P. 5–14. (In Russian)
29. *Shadrikov V.D., Mazilov V.A.* Obshchaya psihologiya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Izd-vo Yurajt, 2015. (In Russian)
30. *Shadrikov V.D.* Mezhdru proshlym i budushchim. Psihologiya sposobnostej: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovanij: Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati V.N. Druzhinina. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005. P. 422–425. (In Russian)

УДК 159.9.07

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹⁾

© 2020 г. А. В. Алейников^{1,*}, Э. Ширяев^{2,**}

¹Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

²Университет Джорджа Мейсона (США),
Research Hall 359, Fairfax, VA 22030, Соединенные Штаты Америки.

*Доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии.

E-mail: a.alejnikov@spbu.ru

**Профессор, глава лаборатории репутационной политики.

E-mail: eric.shiraev@gmail.com

Поступила 27.04.2020

Аннотация. Представлен анализ социально-психологических аспектов глобальных рисков, описанных в монографии А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика “Психология глобальных рисков”. Отмечается тщательность проведенного исследования социально-психологических и дискурсивных механизмов конструирования социальных представлений о глобальных рисках. Рецензируемая работа представляет собой оригинальный научный труд, публикация которого выполняет важнейшую задачу проблематизации социально-психологического знания о содержательных и структурно-динамических характеристиках отношения личности и группы к глобальным рискам и стимулирует серьезную экспертную дискуссию о роли рефлексивных стратегий в управлении ими. При анализе методологических приемов авторов особо выделяется их позиция в отношении связи глобальных рисков с ценностями и рефлексивностью рисков. Показывается, что представленные в монографии особенности и характеристики социально-психологических механизмов создания, использования и предотвращения глобальных рисков задают теоретические и методологические координаты будущих исследований.

Ключевые слова: социальная психология, концепция Журавлева—Нестика, глобальные риски, рефлексивность, восприятие риска.

DOI: 10.31857/S020595920011248-8

Рецензируемая книга [5] представляет одно из первых исследований социально-психологических и дискурсивных механизмов конструирования социальных представлений о глобальных рисках, опубликованных на русском языке.

Один из авторов данной рецензии, продолжительное время занимающийся в американских исследовательских центрах проблемами кросскультурной психологии и теорией личности [17; 18], внимательно следит за академической дискуссией о важности исследования социально-психологических механизмов отношения личности и группы к глобальным рискам (см. также [4]). Предложенная российскому и зарубежному читателю книга является заметным шагом на пути формирования такого дискурса.

Важно, что авторам в полной мере удалось представить аргументы в рамках научного пространства, избежав часто встречающихся и в российской, и в американской литературе “капканов” политической и идеологической ангажированности. Можно предположить, что монография, как в ее академических разделах, так и в части авторских методик эмпирических исследований, особенно на фоне современного кризиса, стимулирует серьезную экспертную дискуссию о социокультурных механизмах конструирования массовых страхов и паник.

А.Л. Журавлев и Т.А. Нестик являются известными, в том числе и в международном академическом сообществе, представителями современной российской психологической науки, чьи исследовательские интересы простираются от методологии психологии личности, проблем биологического и социального в человеке, социально-психологических

¹⁾ Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда (проект № 19-18-00115).

последствий внедрения новых технологий в обществе на различных его уровнях, психологических факторов социально-экономического развития России до сущности, детерминант, психологических механизмов современных социальных конфликтов, отношения личности и группы к глобальным явлениям, структуры и функций коллективно-го образа будущего в условиях неопределенности.

Отметим, что и в известной нам англоязычной литературе проблема понимания “изнанки” переживания глобальных опасностей — одна из животрепещущих тем для современных теоретических размышлений. Подобные исследования позволяют более отчетливо артикулировать, например, представления о роли человеческого фактора в конструировании рискогенности [16] и проблему специфики оценки рисков, относящихся к безопасности [13].

Специалисты расходятся в оценках вклада восприятия “опасностей” глобальных рисков в конструирование мировой турбулентности, по-разному отвечают на вопрос о том, кто является акторами и бенефициарами продуцирования рисков, угрожающих своим и чужим, врагам и друзьям здесь, сейчас и в будущем. Риски, а тем более глобальные риски, несмотря на их кажущуюся изученность, по-прежнему относятся к “сущностно оспариваемым концептам”, использование которых неизбежно связано с бесконечными дискуссиями [10].

Показательна, например, теоретико-методологическая установка в “исследованиях правительственности” (governmentality studies) Митчелла Дина на расширение предметного пространства исследований опасностей и политических практик социально-психологического конструирования рефлексивного управления рисками.

«В самой реальности такой вещи, как риск, не существует. Это исходная точка цепочки, определяющей риск... В социологическом подходе можно говорить об “обществе риска” в реалистическом смысле, то есть как о действительно существующей глобальной сущности или, по меньшей мере, как о глобальной сущности, рождающейся в процессах модернизации. В аналитике управления понятия риска понимаются как особые репрезентации, предъявляющие реальность в форме, делающей ее доступной воздействию и вмешательству» [2, с. 419–421].

Что надо исследовать, если принять данную теоретическую версию? По Дину, поиск методологического горизонта заключается в “перекодировании биополитического управления” процессами риска, которое включает в себя исследование

характерных форм видимости, способов видения и восприятия, особых способов мышления и вопрошания, специфических способов действия, вмешательства и руководства и, наконец, специфики формирования субъектов, самостей, личностей, акторов [2, с. 101].

Авторы “Психологии глобальных рисков” справедливо указывают, что, несмотря на множество конкретных исследований, фиксирующих те или иные элементы “портфелей” рисков, содержательные и структурно-динамические характеристики отношения личности и группы к глобальным рискам в ряде компонентов сегодня не проблематизированы в логике социально-психологического знания.

На наш взгляд, исследовательские стратегии А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика вполне согласуются с общим методологическим подходом П. Бурдьё: “попробовать поставить под вопрос все то, что считается известным, все эти проблемы, которые считаются решенными” [1, с. 559]. Отметим, что теоретико-методологическая ситуация во многих областях социально-гуманитарных исследований феномена риска показательна: авторы справедливо фиксируют вариативность методологических подходов — “проблематика психологии глобальных рисков все еще остается раздробленной между различными дисциплинами” [5, с. 7].

Саму рецензируемую книгу стоит воспринимать как продолжение изучения, с одной стороны, глобальных социально-психологических процессов (см., например, [3; 6]), с другой — как определенное преломление теоретической перспективы достаточно широко представленных в дискурсе конфликтологии, психологии, политологии, социологии исследований “общества риска”. При этом агрегативные подходы к риску упускают из виду важный аспект исследования антропогенных, т.е. порожденных людьми, глобальных рисков.

Данный текст представляет собой попытку более подробного анализа составной части последней из обозначенных исследовательских проблематик, а именно *типологизации* глобальных рисков и их психологических особенностей.

Не ставя перед собой задачу обстоятельного анализа русскоязычного социологического и психологического пространства аналитики риска, подчеркнем, что методологическая установка авторов представляется весьма ценной и оригинальной. И не будет преувеличением сказать, что рецензируемая книга стоит особняком в корпусе известной нам рискологической литературы.

Структурно данное исследование состоит из девяти пропорционально сходных глав, каждая из которых представляет собой целостное проблемное поле. Это и анализ глобальных рисков как социально-психологического феномена (глава 1), личностные, межличностные, групповые, межгрупповые, организационные и социетальные факторы отношения к глобальным рискам (глава 2), феномен коллективных эмоций и психологические механизмы распространения дезинформации в эпоху глобальных рисков (глава 4), психологические предпосылки жизнеспособности социальных групп в обществе риска (глава 9) и др.

Исходя от собственных исследовательских предпочтений, читатель может обратиться и к важным теоретическим вопросам психологических аспектов ядерной угрозы и ядерного сдерживания, взаимодействия человека с искусственным интеллектом и роботами, механизмов отношения личности к новым технологиям, роли кинематографа и компьютерных игр в формировании представлений о глобальных рисках.

Подчеркнем, что авторы не ограничиваются общими рассуждениями о глобальных рисках как психологическом феномене или аналитической проблеме, хотя эти экспликации значимы и по важности обсуждаемых вопросов, и по исследовательскому потенциалу. Учитывая объем рецензии, мы сконцентрируемся лишь на некоторых полемических аспектах работы.

Как авторы пытаются обосновать необходимость и актуальность исследования именно глобальных рисков и социально-психологических факторов, повышающих их вероятность, психологических предпосылок их предотвращения? Какова роль восприятия будущих угроз в политических и экономических процессах?

Их аргументацию в данном случае можно реконструировать следующим образом.

“Политически отрефлексируемые” риски представляют собой реальность, в которой создаются новые политические силы и реконструируются социальные институты. При этом лумановское различение рисков и опасностей в современном мире уже не столь актуально — локализуясь в социальных и политических рамках смыслового и символического структурирования, и для акторов, и для “потребителей угроз” любая опасность превращается в риск.

С социально-психологической точки зрения глобальные риски — это не столько объективные угрозы, сколько “самосбывающиеся и самоотменяющиеся” пророчества об образе будущего.

По мнению авторов, “психологический парадокс глобальных рисков состоит в том, что мы долгое время недооцениваем их вероятность и последствия, но достаточно одного прецедента, чтобы бездействие сменилось избыточной реакцией и неэффективным растрачиванием ресурсов” [5, с. 19].

Важными замечаниями являются положения о неосознанном характере глобальных угроз, недооценке их вероятности, осмыслении в абстрактных категориях, нечувствительности к масштабу возможных жертв и блокировании эмпатии, неготовности личности к включению в жизненные сценарии, затрудненном алармистским подходом поиске способов предотвращения, асимметрии между техническими возможностями продуцирования глобальных рисков и социально-психологическими ресурсами управления ими.

Особого внимания заслуживает позиция авторов о связи глобальных рисков с ценностями, которые могут по-разному трактоваться. При этом, по их мнению, “по сравнению с другими рисками возможность гибели человечества и судьба будущих поколений непосредственно затрагивает идентичность личности и ее ценностно-смысловую сферу” [5, с. 21].

Вместе с тем представляется, что данная проблематика исследований требует концептуального усиления. Каковы ценностные основания “отбора значимых рисков” (М. Дуглас)? Какова российская версия принятия и избегания рисков, каковы национальные особенности уровня локализации ответственности социальных и политических субъектов за создание глобальных рисков и управление ими? Эти проблемы частично затрагиваются, например, в культурологических исследованиях риска (специфика культуры, задающей тот или иной уровень рисков, и историческая динамика как специфический источник нетрадиционных, неосвоенных, слабо осознанных рисков) [7].

Кросскультурные психологи достаточно подробно изучили ряд механизмов, связанных с оценкой риска. Отметим, по крайней мере, три. Один из них, пожалуй, наиболее изученный, относится к коллективизму и индивидуализму, двум эмпирически измеряемым переменным. В целом “следование большинству” в оценке риска имеет тенденцию усиливаться в коллективистской среде по принципу: “я как и все, даже если я не согласен со всеми”. Вторая особенность — феномен так называемой дистанции власти. В высокоавторитарных структурах (высокая дистанция власти) люди склонны полагаться не на свои собственные выводы или выводы большинства в восприятии рисков и опасностей, а скорее на авторитетных лиц,

лидеров (“если лидер сказал, что опасно, значит опасно”). И наконец, третья культурная переменная — степень культурного традиционализма. В высокотрадиционных культурных группах люди склонны оценивать риски на основе установленных в прошлом норм, иногда полезных, но часто мало релевантных к событиям сегодняшнего дня (“если вчера это было не опасно, то и сегодня риск невелик”).

Конечно, все аспекты этой многогранной тематики рассмотреть в одной монографии вряд ли возможно. Но артикуляция именно на национальных спецификах ценностно-мотивационных компонентов отношения к риску, оценки моральной допустимости различных способов использования провокации или предотвращения глобальных кризисов, о которых убедительно пишут авторы, позволила бы наполнить их концепцию дополнительным содержанием. Тем более что авторами уже заявлены и обоснованы перспективные направления исследований “мнимой дилеммы” между глобальной идентичностью и патриотизмом (национальной идентичностью). Эта проблема широко обсуждается и в американской политической психологии, начиная с известных работ С. Хантингтона [11], Р. Костермана и С. Фешбаха [12].

Продолжаются научные дискуссии между представителями концепции “плоского мира” и глобальной идентичности [9] и приверженцами концепции национальной идентичности [14]. В рамках исследований национальных и глобальных тенденций в идентичности накоплен богатый эмпирический материал [8; 15].

Крайне важно обратить внимание на еще один сюжет обсуждаемой монографии, тесно связанный с исследовательскими интересами авторов рецензии. Речь идет о концептуальном подходе к анализу рефлексивности рисков. А.Л. Журавлев и Т.А. Нестик считают, что именно *рефлексивность* общества дает нам надежду на выживание в обществе риска. Мы также полагаем, что отправной точкой индивидуальных и коллективных решений в условиях неопределенности является рефлексивность, понимаемая и как конфликт общества с производимыми им опасностями и угрозами, и как собственно социальная постановка вопросов, комплексное осмысление рискогенных ситуаций и их политическая интерпретация. Это касается прежде всего необходимости раскрытия в сравнительном социокультурном контексте специфики конфликта политических сил “за определение, что рискованно, а что — нет” (формулировка У. Бека).

Особое место занимает предложенная авторами дискуссия о соотношении ценностей выживания

человечества и суверенитета отдельных государств, возможности использования глобальных рисков как аргумента в пользу нарушения международного права и повода для вмешательства во внутренние дела других стран. Рассмотрение этой тематики в контексте трансформаций инструментов предотвращения глобальных рисков в их источники оригинально и заслуживает отдельного обсуждения. Активное оперирование рисками и угрозами служит инструментами для манипуляции в руках политиков. Вследствие этого хочется отметить, что вне исследовательского интереса авторов оказались социально-психологические характеристики разрыва в понимании обязательств по отношению к риску и неопределенности и совместимости/столкновению риск-рефлексий о “побочных эффектах” у принимающих решения, а значит, и берущих на себя ответственность за сделанный выбор, и тех, на ком непосредственно может скажаться этот выбор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, можно выделить несколько моментов.

Во-первых, психология глобальных рисков, несмотря на множество отдельных исследований, рассматривающих те или иные стороны, требовала именно монографии, в которой убедительно рассматривалась и манифестировалась система социально-психологического знания как основа теоретических и эмпирических исследований. Рецензируемое исследование ориентировано на репроблематизацию повестки изучения рисков как в русскоязычном, так и зарубежном экспертном и академическом сообществе.

Во-вторых, в монографии предложен концептуальный аппарат исследований феномена восприятия рисков, имеющий значительный потенциал для переосмысления существующих подходов к изучению риск-рефлексий.

В-третьих, монография действительно выражает именно позицию авторов, с которой можно и нужно дискутировать, но не учитывать ее в дальнейших междисциплинарных рискологических исследованиях нельзя — в ней зафиксированы теоретические и методологические координаты качественной аналитики рисков, причем не только глобальных.

Новая книга А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика вносит весомый вклад в современную теорию рисков и является хорошим подспорьем для экспертов

и академических исследователей как в России, так и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Изд. дом “Дело” РАНХиГС, 2016.
2. *Дин М.* Правительность: власть и правление в современных обществах М.: Изд. дом “Дело” РАНХиГС, 2016.
3. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017. № 4 (85). С. 4–9.
4. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
5. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
6. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
7. *Яковенко И.Г.* Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
8. *Ariely G.* Globalization and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries // Nations and Nationalism. 2012. № 18. P. 461–482.
9. *Friedman T.* The World is Flat. N.Y.: Picador (Reprint Edition), 2007.
10. *Gallie W.* Essentially Contested Concepts // Philosophy and the Historical Understanding. N.Y.: Schocken Books, 1968. P. 157–191
11. *Huntington S.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. № 72. P. 22–28.
12. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes // Political Psychology. 1989. № 10 (2). P. 257–274.
13. *Landoll D.* The Security Risk Assessment Handbook: A Complete Guide for Performing Security Risk Assessments. Cleveland, OH: CRC Press, 2011.
14. *Muller J.* Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism // Foreign Affairs. 2008. № 87 (22). P. 18–35.
15. National and Cultural Identity. Selections of opinion polls // Pew Research. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/topics/national-and-cultural-identity> (дата обращения: 02.03.2020).
16. *Ostrom L., Wilhelmsen C.* Risk Assessment: Tools, Techniques, and Their Applications. N.Y.: Wiley, 2019.
17. *Shirayev E., Levy D.* Cross-Cultural Psychology. N.Y.: Routledge, 2017.
18. *Shirayev E.* Personality Theories: A Global Perspective. Thousand Oaks, CA: Sage, 2017.

GLOBAL RISKS: SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS²⁾

© 2020 A. V. Aleinikov^{1,*}, E. Shirayev^{2,**}

¹*Saint-Petersburg State University;
199034, Saint-Petersburg, University emb., 7–9, Russia.*

²*George Mason University,
Research Hall 359, Fairfax, VA 22030, USA.*

**ScD (Philosophy), Professor, Department of Conflictology.
E-mail: a.alejnikov@spbu.ru*

***PhD (Psychology), Professor, Head of Laboratory of Reputational Management.
E-mail: eric.shirayev@gmail.com*

Received 27.04.2020

Abstract. The review is concerned with the analysis of the social-psychological aspects of global risks presented in the monograph by A.L. Zhuravlev and T.A. Nestik [5]. This work is a thorough study of socio-psychological and descriptive mechanisms for constructing social perceptions of global risks. It is also an original scientific work, the publication of which carries out the most important tasks to articulate the logic of socio-psychological knowledge of the content-related and structural-dynamic characteristics of the individual's and

²⁾ The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00115).

group attitudes toward global risks; the monograph also stimulates a serious and informed discussion about the role of reflective strategies in managing such risks. The review also emphasizes the theoretical approach of the authors connecting global risks on the one hand to values and risks reflectivity, on the other. It is shown that the features and characteristics of the socio-psychological mechanisms for creating, using and preventing global risks presented in the monograph set the theoretical and methodological coordinates of the research. The review suggests that the characteristics of the social-psychological mechanisms for creating, using, and preventing global risks, presented in the monograph, set forth the theoretical and methodological coordinates of new research.

Keywords: social psychology, concept of Zhuravlev–Nestik, global risks, reflexivity, risk perception.

REFERENCES

1. *Bourdieu P.* O gosudarstve: kurs lekcij v Kollezhe de Frans (1989–1992). Moscow: Izdatel'skij dom "Delo" RANHiGS, 2016. (In Russian)
2. *Dean M.* Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshhestvah. Moscow: Izdatel'skij dom "Delo" RANHiGS, 2106. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Global'nye processy kak ob'ekt social'no-psihologicheskogo issledovaniya. Che-lovecheskij faktor: problemy psihologii i ergonomiki. 2017. № 4 (85). P. 4–9. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A.* Otnoshenie k global'nym riskam: social'no-psihologicheskij analiz. Psihologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 1. P. 127–138. (In Russian)
5. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psihologiya global'nyh riskov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
6. Psihologicheskie issledovaniya global'nyh processov: predposylki tendencii, perspektivy. Ed. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
7. *Jakovenko I.G.* Riski social'noj transformacii rossijskogo obshhestva: kul'turologicheskij aspekt. Moscow: Progress-Tradicija, 2006. (In Russian)
8. *Ariely G.* Globalization and the decline of national identity? An exploration across sixty-three countries. *Nations and Nationalism*. 2012. № 18. P. 461–482.
9. *Friedman T.* The World is Flat. N.Y.: Picador (Reprint Edition), 2007.
10. *Gallie W.* Essentially Contested Concepts. *Philosophy and the Historical Understanding*. N.Y.: Schocken Books, 1968. P. 157–191.
11. *Huntington S.* The Clash of Civilizations. *Foreign Affairs*. 1993. N. 72. P. 22–28.
12. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes. *Political Psychology*. 1989. № 10 (2). P. 257–274.
13. *Landoll D.* The Security Risk Assessment Handbook: A Complete Guide for Performing Security Risk Assessments. Cleveland, OH: CRC Press, 2011.
14. *Muller J.* Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism. *Foreign Affairs*. 2008. № 87 (22). P. 18–35.
15. National and Cultural Identity. Selections of opinion polls. Pew Research. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/topics/national-and-cultural-identity> (accessed: 02.03.2020).
16. *Ostrom L., Wilhelmsen C.* Risk Assessment: Tools, Techniques, and Their Applications. N.Y.: Wiley, 2019.
17. *Shiraev E., Levy D.* Cross-Cultural Psychology. N.Y.: Routledge, 2017.
18. *Shiraev E.* Personality Theories: A Global Perspective. Thousand Oaks, CA: Sage, 2017.

УДК 159.9:001.12

ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЙ¹

© 2020 г. Ю. В. Ковалева

ФГУН “Институт психологии РАН”;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
истории психологии и исторической психологии.

E-mail: julkov@inbox.ru

Поступила 09.04.2020

Аннотация. Обсуждаются взгляды А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика на актуальные проблемы цифровизации современного общества и внедрения новых технологий, высказанные ими в статье “Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований”. Отмечается междисциплинарный характер затронутой проблематики, касающейся различных отраслей психологии, например исторической и глобальной психологий. Предлагаются направления анализа, уточняющие и расширяющие позиции авторов, в частности концепция нарциссической личности, проблема старения населения и кросскультурный аспект изучения технологического перехода.

Ключевые слова: цифровое общество, технологии, сетевые сообщества, интернет, глобальная психология, историческая психология, кросскультурная психология, социальный оптимизм, социальный пессимизм, демография, старение населения, нарциссизм.

DOI: 10.31857/S020595920011249-9

Статья уважаемых авторов [5] представляет собой ценный и долгожданный материал для исследователей, чей интерес относится не только к социально-психологической, но и другим отраслям психологической науки, как уже устоявшимся, но ищущим свои новые предметы и объекты в трансформирующейся социальной реальности, так и только формирующимся направлениям — *психологии личности, исторической, политической, глобальной психологий, психологии сетевых сообществ* и др. [7; 11]. Действительно в связи с огромной актуальностью изучения феноменов цифрового общества в состоянии технологического перехода зачастую работы, посвященные этой проблематике, либо отличаются узостью тематики, что объясняется приверженностью конкретного исследователя определенной научной области, либо балансируют в своей терминологии между обыденным и научным знанием, обусловленным пока еще не сложившимся окончательно научным тезаурусом [1; 2].

В работе буквально делается “перевод” многих актуальных вопросов на язык психологических концепций и подходов и разрабатывается последовательная схема принципов прогнозирования воздействия новых технологий на человека и общество. Это объясняет нагруженность текста новыми специальными терминами, которые требуют их внимательного осмысления читателем, даже хорошо знакомым с проблематикой. Однако, несмотря на подробность материала, представляется возможным предложить несколько направлений, которые уточнят и дополнят выполненный авторами анализ. Можно выделить по крайней мере три момента, недостаточно раскрытых авторами.

Во-первых, это *причины социального пессимизма*. Так, в статье подчеркивается необходимость анализа влияния новых технологий на личность, межличностные отношения и групповую динамику за счет привлечения к исследованиям более широкого круга участников, в частности разработчиков самих технологий, а также конкретных пользователей. Более глубокое понимание механизмов такого воздействия поможет в будущем повлиять

¹ Статья выполнена в соответствии с государственным заданием № 0159-2019-0006.

на их принятие обществом. Однако представляется, что основания негативного, невнимательного или негибкого общественного отношения (подробнее см. [10]) могут лежать не только в плоскости представлений о будущем или собственно технологиях. Важно дополнить такой анализ исследованиями поколения старшего возраста и пожилых людей. Вопрос тут заключается не только в том, что в силу образования, финансового статуса или здоровья новые технологии для многих из них являются недоступными, но и в том, что в силу совершенно естественных причин конечности человеческой жизни будущее для такого контингента весьма ограничено. В силу личностных особенностей и действия механизмов психологических защит, вступающих в силу для компенсации переживаний о конечности своего существования, пожилые люди больше живут сегодняшним днем, что вполне объяснимо и понятно и не может не сказываться на их отношении и интересе к этому будущему. Также нельзя не отметить определенную “травмированность” старшего поколения нашей страны, у которого советский период жизни прошел под девизом “вперед в светлое коммунистическое будущее” и которое в итоге столкнулось с серьезнейшими социальными и материальными проблемами. Многие, если не большинство, это разочарование переносят и на другие сферы жизни, и другие периоды развития страны, не говоря уже о том, что проблема бедности — это в большей степени проблема именно этого поколения, и они не могут с ней справиться в силу целого ряда причин [3]. Учитывая же тенденцию старения населения, характерную и для Европы, и для нашей страны, а также все увеличивающуюся скорость технологического развития, представляется возможным считать, что проблема отношения старшего поколения к новым технологиям — это универсальный вопрос, который будет вставать вновь и вновь в каждый следующий исторический период. В изучении этой проблематики в таком ракурсе заинтересованы также *историческая* и *глобальная психологии* [8], в рамках которых ее можно расширить и конкретизировать с привлечением анализа исторического контекста поколенческих трансформаций и современной социально-демографической реальности.

Во-вторых, это вопрос о новом *психологическом типе личности*, который “создаст” цифровое общество с его технологическими возможностями. Он актуален для прогнозирования уже следующей, *посттехнологической социальной среды* межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия. В статье поставлены вопросы о *новом типе совместности*, в который включены технологии как ее полноправные “субъекты”, и о том, что

это принесет в *структуру личности* будущего. В связи с этим хочется поднять проблему *нарциссической личности* в новых реалиях, которая пока еще мало отрефлексирована научным сообществом. Известно, что этот тип личности был порожден исторической спецификой XX в. И обусловлен ее особым влиянием на семейные отношения. Индустриализация в Америке, странах Европы и России, а также многочисленные революционные преобразования и войны привели к отчуждению родителей, в том числе матерей, от семьи, стали причиной их многочисленных трагических потерь в результате гибели на производстве или фронтах и длительных периодов материальной нужды, через которые прошло большинство семей. Все это постоянно воспроизводило “откладывание” будущего, переносило его осуществление на следующие поколения с их соответствующей личностной деформацией, что наибольшей степени коснулось *детей и детей детей* войны. Вместо родительского присутствия в их жизни и внимания к их истинным возможностям и потребностям они жили рядом со взрослыми, постоянно занимающимися другими вопросами (работы, защиты, здоровья, финансов), и в итоге получили *семейные ожидания*, которые им было необходимо воплотить в жизнь. *Нарциссическая личность* стала одним из распространенных психологических типов XX в., в определенном смысле *глобальной*, характерной для разных стран, оказавшихся объединенными в общемировых процессах. Для этого типа личности свойственны трудности самореализации, социальных контактов и отношений, а также склонность к грандиозности как компенсация переживания собственного бессилия, идеализация как невозможность принять реальность и, как следствие, зависть [4; 12].

В свою очередь, *цифровое общество* и *интернет* открыли массу возможностей для удовлетворения потребностей нарциссического человека. С помощью “лайков” и “селфи” нарциссы формируют свою идентичность, компьютерные игры порождают чувство превосходства, в них дается альтернатива действительности, где они могут проигрывать сценарии, недоступные в реальной жизни. Ведение страниц, сайтов, блогов и т.п. вызывает чувство всемогущества, поскольку человек может переживать себя создателем целого микромира. С помощью *социальных сетей* нарциссы чувствуют свою сопричастность с миром, с людьми, удовлетворяют потребность во внимании. Исследования показывают связь самооценки и времени, проведенном в сети, так как они являются своего рода компенсирующей средой. Можно предположить, что все изменения, характерные для цифрового социума,

психологически удобны и “выгодны” нарциссической личности. Вышеперечисленные трудности, с которыми она сталкивается в реальной жизни, могут быть благополучно разрешены в информационном обществе на основе возможностей, которые предоставляют интернет и сетевые сообщества. Таким образом, изучение психологических свойств *пользователей социальных сетей и участников сетевых сообществ* имеет фундаментальное значение для расширения представлений о социально-психологических характеристиках современного общества и личности в условиях глобального социального перехода, что может послужить опытом для изучения *типа личности будущего*.

В-третьих, в статье только упоминается, но никак не конкретизируется изучение культурных факторов для расширения современного знания о будущем. Тем не менее можно уточнить эти планы исследованием личностных и групповых процессов в кросскультурном анализе обществ с различной степенью внедрения новых технологий. Действительно, уже сейчас существуют страны, где рассматриваемые проблемы стоят в полный рост и возникает серьезная деформация социума. Речь в первую очередь идет о Японии, в которой многие еще только обсуждаемые в других странах новшества являются если не прошлым, то глубоко укоренившимися настоящим.

Япония, совершившая в XX в. экономическое чудо, в вопросах освоения киберпространства также является лидером в проявлении как позитивных, так и негативных последствий влияния этой среды. Экспансия интернета во все сферы жизни страны носит амбивалентный характер — не только приводит к изменению в информационной культуре, появлению новой субкультуры интернет-сообществ, но и влечет за собой социокультурные трансформации, в которых отражаются все противоречия современного японского общества [6]. Интернет-зависимость в Японии является одной из самых высоких в мире, и, как следствие, решение этой проблемы поддерживается на государственном уровне, вплоть до того, что строятся отдельные специальные клиники для страдающих этим расстройством. Причинами столь глубокого поражения являются в том числе и цивилизационные особенности этого народа, относящегося к коллективистскому типу культуры, близкому и нашему обществу. Представляется, что сравнительный анализ причин схожих явлений, уже сейчас в острой форме существующих в Японии, мог бы послужить хорошим заделом для нашей науки и для страны в целом.

Не менее важно изучение и других маргинальных объектов, например стран третьего мира, которые, напротив, отстают в развитии и применении не только цифровых, но и других технологий, предшествующих информационным. Это оказывает на *глобальную мировую ситуацию* не меньшее влияние, в частности, за счет миграционных процессов, размывающих социальные основы принимающих обществ [9].

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть прогрессивный, передовой характер обсуждаемой публикации, которая служит значимым стимулом для размышлений о расширении применения новых технологий, а также причин и оснований оптимистического и пессимистического отношения к их последствиям. Предметное поле, затронутое в работе, несомненно, значительно шире и относится не только к социальной психологии, что означает необходимость подключения к этому анализу других психологических отраслей и направлений, прежде всего исторической и глобальной психологий. Хочется надеяться на продолжение диалога по всем перечисленным вопросам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войскунский А.Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
2. *Горчинская О., Ривкин А.* Анализ данных социальных сетей // Открытые системы. 2015. № 3. С. 22–23.
3. *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.* Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений (на примере работников бюджетной сферы) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 250–262.
4. *Жуков О.И., Жуков В.Д.* “Нарциссический” человек как символ современного социума // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–2 (61). С. 203–206.
5. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
6. *Изотова Н.Н.* Интернет-коммуникации в Японии: социокультурный аспект // Ценности и смыслы. 2016. № 2 (42). С. 94–103.
7. *Ковалева Ю.В.* Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети Твиттер. Часть 1. Постановка проблемы и методический подход // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1 (13). С. 6–40. URL: <http://>

- soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document659.pdf (дата обращения: 05.04.2019).
8. *Ковалева Ю.В.* Психология в глобальной науке: современный статус и актуальные задачи // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 141–144.
  9. *Некlessа А.И.* Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб.: Алетея, 2000.
  10. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
  11. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
  12. *Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П.* Психология нарциссизма. М.: Учебно-методический центр “Психология”, 2001.

CONSEQUENCES OF THE INTRODUCTION OF NEW TECHNOLOGIES: A LOOK FROM A POSITION OF HISTORICAL AND GLOBAL PSYCHOLOGY²

© 2020 Y. V. Kovaleva

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaia str., 13, Russia.*

*PhD (Psychology), Senior Research Officer of the History of Psychology and Historical Psychology.
E-mail: julkov@inbox.ru*

Received 09.04.2020

Abstract. The views expressed in the article by A.L. Zhuravlev and T.A. Nestika [5] on many topical problems of digitalization of modern society and the introduction of new technologies were considered. The cross-cutting nature of the issues involved was noted, and other psychological industries, such as historical and global psychologists, are also concerned. Data were proposed to clarify and expand the authors' positions, the concept of the narcissistic personality, the problem of population ageing, and the cross-cultural aspect of the study of technological transition.

Keywords: digital society, technology, networking communities, internet, global psychology, historical psychology, cross-cultural psychology, social optimism, social pessimism, demography, population ageing, narcissism.

REFERENCES

1. *Vojskunskiy A.E.* Social'naya percepciya v social'nyh setyah. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2014. № 2. P. 90–104. (In Russian)
2. *Gorchinskaya O., Rivkin A.* Analiz dannyh social'nyh setej. Otkrytye sistemy. 2015. № 3. P. 22–23. (In Russian)
3. *Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V.* Strukturno-funkcional'nyj podhod k analizu social'nyh predstavlenij o bednosti (na primere rabotnikov byudzhetnoj sfery). Znanie. Poniimanie. Umenie. 2015. № 3. P. 250–262. (In Russian)
4. *Zhukov O.I., Zhukov V.D.* “Narcissicheskij” chelovek kak simvol sovremennogo sociuma. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1–2 (61). P. 203–206. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A.* Social'no-psihologicheskie posledstviya vnedreniya novyh tekhnologij: perspektivnye napravleniya issledovanij. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 5. P. 35–47. (In Russian)
6. *Izotova N.N.* Internet-kommunikacii v Yaponii: sociokul'turnyj aspekt. Cennosti i smysly. 2016. № 2(42). P. 94–103. (In Russian)
7. *Kovaleva Yu.V.* Priznaki sovmestnoj zhiznedeyatel'nosti setevogo soobshchestva i lichnostnye harakteristiki ego chlenov: na primere social'noj seti Twitter. Chast' 1. Postanovka problemy i metodicheskij podhod. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. V. 4. № 1 (13). S. 6–40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document659.pdf> (data obrashcheniya: 05.04.2019). (In Russian)

²The study was fulfilled in accordance with the state assessment № 0159-2019-0006.

8. *Kovaleva Yu.V.* Psihologiya v global'noj nauke: sovremennyy status i aktual'nye zadachi. *Psihologicheskij zhurnal*. 2019. V. 40. № 1. P. 141–144. (In Russian)
9. *Neklessa A.I.* Postsovremennyy mir v novej sisteme koordinat. *Global'noe soobshchestvo: novaya sistemakoordinat (podhody k probleme)*. St. Petersburg: Aleteya, 2000. (In Russian)
10. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psihologicheskie faktory negativnogo otnosheniya k novym tekhnologiyam. *Psihologicheskij zhurnal*. 2016. V. 37. № 6. P. 5–14. (In Russian)
11. Psihologicheskie issledovaniya global'nyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy. Ed. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
12. *Sokolova E.T., Chechel'nickaya E.P.* Psihologiya narcisizma. Moscow: Uchebno-metodicheskij centr "Psihologiya", 2001. (In Russian)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ Психология

МАГИСТРАТУРА Психология личности Психологическое консультирование

АСПИРАНТУРА Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).